ISSN 2713–2951

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

№ 4 (12)
2022

Основан в 2020 г.
Выходит четыре раза в год

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

научный журнал

No 4 (12) 2022

ISSN 2713–2951

DOI: 10.37892/2713–2951

Главные редакторы

В.М. Алпатов (академик РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН)

А.Н. Биткеева (д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Ответственный редактор номера

Э.В. Хилханова (д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Заместитель главных редакторов

Т.И. Ретинская (д.ф.н., Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева)

Ответственный секретарь

С.В. Кириленко (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редактор английских текстов

А.П. Александрова (к.ф.н., Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева)

Редакционный совет

Лувсандоржийн Болд (академик, Институт языка и литературы МАН, Монголия), Н.Б. Вахтин (член-корр. РАН, д.ф.н., проф., Европейский университет, Институт лингвистических исследований РАН), Моника Вингендер (проф., Гиссенский университет им. Юстуса Либига, Германия), Е.В. Головко (член-корр. РАН, д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), Тьерд де Граф (проф., Фризская академия наук, Нидерланды), Ленора Гренобль (проф., Чикагский университет, США), А.А. Кибрик (д.ф.н., Институт языкознания РАН, МГУ им. Ломоносова), Ли Юймин (проф., Пекинский университет языка и культуры, КНР), Тьерри Поншон (проф., Реймский университет Шампань-Арденн, Франция), А.Н. Рудяков (д.ф.н., проф., Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования), Мишель Тамин (проф., Национальные архивы, Реймский университет Шампань-Арденн, Франция), Нгуен Ван Хьеп (проф., Институт языкознания ВАОН, Вьетнам), Танака Кацухико (проф., Хитоцубаши университет, Япония), А.А. Федотов (к.э.н., Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева), Чжао Жунхуэй (проф., Шанхайский университет иностранных языков, КНР)

Редакционная коллегия

Б.М. Атаев (д.ф.н., проф., Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра РАН), Т.Г. Боргоякова (д.ф.н., проф., Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова), В.Ю. Дорофеев (д.ф.н., Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования), Г.А. Дырхеева (д.ф.н., проф., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН), К.Ю. Замятин (PhD., Хельсинский университет), Н.И.Иванова (к.ф.н., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), О.А. Казакевич (к.ф.н., Институт языкознания РАН), М.Я. Каплунова (к.ф.н., Институт языкознания РАН), В.А. Кожемякина (к.ф.н., Институт языкознания РАН), Е.А. Кондрашкина (к.ф.н., Институт языкознания РАН), В.Ю. Михальченко (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М.Р. Овхадов (д.ф.н., проф., Чеченский государственный университет), М.В. Орешкина (к.ф.н., Институт языкознания РАН), Э.А. Салихова (д.ф.н., проф. Уфимский государственный авиационный технический университет), Э.В. Хилханова (д.ф.н., Институт языкознания РАН), И.И. Челышева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН)

© Институт языкознания Российской академии наук, 2022

© Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2022

ISSN 2713–2951

SOCIOLINGUISTICS

№ 4 (12)
2022

Established in 2020
Published four times a year

SOCIOLINGUISTICS

Scientific Journal
No 4 (12) 2022
ISSN 2713-2951
DOI: 10.37892/2713–2951

Editors-in-Chief
Vladimir M. Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)
Aysa N. Bitkeeva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Executive editor of the issue
Erzhen V. Khilkhanova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief
Tatjana I. Retinskaya (Orel State University)

Executive Secretary
Svetlana V. Kirilenko (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editor of English texts
Angelica P. Alexandrova (Orel State University)

Advisory Board

Luvsandorjiin Bold (Institute of Language and Literature, Mongolian Academy of Sciences, Mongolia), Nikolai B. Vakhtin (European University at St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Monika Wingender (Justus Liebig University of Giessen, Germany), Evgeny V. Golovko (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Tjeerd de Graaf (Fryske Academy, the Netherlands), Lenore Grenoble (University of Chicago, the USA), Andrej A. Kibrik (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Lomonosov Moscow State University), Li Yuming (Beijing Language and Culture University, China), Thierry Ponchon (University of Reims Champagne-Ardenne, France), Alexander N. Rudyakov (Crimean Republican Institute of Postgraduate Teacher Education), Michel Tamine (National archives, University of Reims Champagne-Ardenne, France), Nguyen Van Hiep (Institute of Linguistics, Vietnam Academy of Social Sciences, Vietnam), Tanaka Katsukhiko (Hitotsubashi University, Japan), Alexander A. Fedotov (Orel State University), Zhao Ronghui (Shanghai International Studies University, China)

Editorial Board

Boris M. Ataev (G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of Daghestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences), Tamara G. Borgoyakova (Khakass State University), Yuri V. Dorofeev (Crimean Republican Institute of Postgraduate Teacher Education), Galina A. Dyrkheeva (Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Konstantin Yu. Zamyatin (Helsinki University, Finland), Nina I. Ivanova (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Olga A. Kazakevich (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Maria Ya. Kaplunova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentina A. Kozhemyakina (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Elena A. Kondrashkina (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Vida Yu. Mikhalchenko (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Musa R. Ovkhadov (Chechen State University), Maria V. Oreshkina (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Elvina A. Salikhova (Ufa State Aviation Technical University), Erzhen V. Khilkhanova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Irina I. Chelysheva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences).

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2022
© Orel State University, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции. 9

ЯЗЫКОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Мухарямов Н.М. Десятилетие языков коренных народов: вопросы правовой политики. . . . 11

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

Волгин В.Л. Особенности гражданских инициатив поддержки калмыцкого языка в ситуации его кризиса 29

Горячева М.А. Динамика выпуска периодики на русском и республиканских государственных языках народов РФ (1970–2021) . . . . . ….45

Ковылин С.В., Крюкова Е.А. Сохранение и популяризация языков и культур (из опыта кафедры языков народов Сибири ТГПУ) 71

Хилханова Э.В. Татарский язык в сфере образования Республики Татарстан после 2018 г. в зеркале общественного мнения 90

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дашинимаева П.П., Нимаева Э.З. Что может дать социолингвистике трансдисциплинарное исследование грамматики естественного языка (на материале бурятского) 108

Журавель Т.Н., Безбатченко В.В. Концепты «русский язык» и «английский язык» в языковом сознании сибирских студентов. 122

Кириленко С.В. Социолингвистические маркеры власти и солидарности в коммуникации говорящих 140

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Доржиева Г.С., Гао Цзяньго. Информационный потенциал китайских гастронимов с компонентом топонимом. 154

ЯЗЫКОВЫЕ КОНФЛИКТЫ

Юлдашев И.О., Вокуев Н.Е. Языковое доминирование и комплекс культурной неполноценности у носителей коми языка (случай г. Сыктывкара) 170

ЗАМЕТКИ ДИСКУССИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО КЛУБА ПО ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Семнадцатое заседание Дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике (Москва, Институт языкознания РАН, 19 апреля 2022 г.) (***Е.М. Будянская, А.П. Евстигнеева***). 188

СЛОВАРЬ СОЦИОЛИНГВИСТА

Коренные малочисленные народы Российской Федерации 198

Языки коренных малочисленных народов Российской Федерации 198

Языковой конфликт (***А.Н. Биткеева, С.В. Кириленко***) 199

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Международная научная конференция по монгольскому и тюркскому языкознанию, посвященная памяти В.И. Рассадина (УланУдэ, 15–16 ноября 2022 г.) (***Н.Б. Бадмацыренова***) 209

Требования к оформлению статей 213

CONTENTS

Editorial preface. 9

LANGUAGE LAW

Mukharyamov N.M. A decade of indigenous languages: legal policy issues. 11

LANGUAGES OF PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Volgin V.L. Features of civil initiatives to support the Kalmyk language in the situation of its crisis. 29

Goryacheva M.A. Dynamics of periodicals production in Russian and republican state languages of peoples of the Russian Federation (1970–2021) 45

Kovylin S.V., Kryukova E.A. Preservation and popularization of languages and cultures (from the experience of the Department of Siberian indigenous languages, Tomsk State Pedagogical University) 71

Khilkhanova E.V. The Tatar language in the field of education of the Republic of Tatarstan after 2018 in the mirror of public opinion 90

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Dashinimaeva P.P., Nimaeva E.Z. How can transdisciplinary study of a natural language grammar contribute to sociolinguistics (the case of Buryat) 108

Zhuravel T.N., Bezbatchenko V.V. The concepts “Russian language” and “English language” in the language consciousness of Siberian students 122

Kirilenko S.V. Sociolinguistic markers of power and solidarity in speakers’ interaction. 140

LANGUAGE AND CULTURE

Dorzhieva G.S., Gao Jianguo. Information potential of Chinese gastronyms with the toponym component 154

LANGUAGE CONFLICTS

Yuldashev I.O., Vokuev N.E. Linguistic dominance and cultural inferiority complex among Komi language speakers (the case of Syktyvkar). 170

NOTES OF THE ANALYTICAL DISCUSSION CLUB ON LANGUAGE POLICY

Seventeenth meeting of the Discussion and analytical club on language policy (Moscow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, April 19, 2022) (***A.P. Evstigneeva, E.M. Budyanskaya***) 188

SOCIOLINGUISTIC GLOSSARY

Indigenous small-numbered peoples of the Russian Federation 198

Languages of the indigenous small-numbered peoples of the Russian Federation 198

Language conflict (***A.N. Bitkeeva, S.V. Kirilenko***) 199

RECENT SCIENTIFIC EVENTS

The international scientific conference on Mongolian and Turkic linguistics dedicated to memory of Valentin Ivanovich Rassadin (***N.B. Badmatsyrenova***). 209

Style sheet 213

ОТ РЕДАКЦИИ

EDITORIAL PREFACE

Уважаемые читатели!

Как известно, Генассамблея ООН провозгласила период 2022–2032 гг. Международным десятилетием языков коренных народов мира для того, чтобы привлечь внимание к бедственному положению многих языков коренных народов, мобилизовать заинтересованные стороны и ресурсы для их сохранения и возрождения. 2022 год объявлен также Годом культурного наследия народов России. Понятие культурного наследия с очевидностью включает в себя не только материальное, но и нематериальное наследие, выраженное в языках коренных народов России, фольклоре и других нематериальных артефактах.

Последний номер журнала «Социолингвистика» 2022 г. посвящен этим двум знаменательным событиям. В теме и содержании номера отражено разнообразие научных знаний о самых разных условиях и проблемах положения и использования языков коренных народов России и других стран мира.

В фокусе внимания исследователей оказались вопросы языкового законодательства и правовой политики, в том числе именно в контексте Международного десятилетия языков коренных народов (статья Н.М. Мухарямова). Поскольку, как справедливо отмечает автор вышеупомянутой статьи, «использование понятийного аппарата, связанного с “языками коренных народов”, изначально отмечено очевидной амбивалентностью», редколлегия сочла нужным включить в традиционную рубрику журнала «Словарь социолингвиста» словарные статьи «Коренной этнос (коренной народ)», «Коренные малочисленные народы Российской Федерации», «Языки коренных малочисленных народов Российской Федерации».

Наибольшее внимание уделено языкам народов России (статьи В.Л. Волгина, М.А. Горячевой, С.В. Ковылина и Е.А. Крюковой, Э.В. Хилхановой). Много информации о языках коренных народов Бразилии читатель может узнать, познакомившись с репортажем о 17-м заседании Дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике в Институте языкознания РАН, где с докладом на эту тему выступал американский лингвист и антрополог Денни Мур.

Велением времени можно считать появление рубрики «Междисциплинарные исследования». Представленные в ней работы П.П. Дашинимаевой и Э.З. Нимаевой,

Т.Н. Журавель и В.В. Безбатченко расширяют традиционные для социолингвистики представления о связях языка и общества, т.к. удовлетворительное объяснение и описание тенденций и механизмов массового двуязычия, функционального регресса миноритарных языков может быть дано когнитивной лингвистикой и психолингвистикой. В статье С.В. Кириленко рассматриваются маркеры власти и солидарности не только как часть терминосистемы социальной лингвистики, но и как объект исследования коммуникативистики и этнографии речи.

Полипарадигмальность современной лингвистики с неизбежностью обнаруживается и в публикациях, так или иначе тематизирующих связь языка и культуры (статья Г.С. Доржиевой и Гао Цзяньго).

Отдельной и важной темой для социолингвистики является тема языковых конфликтов. Научное осмысление и анализ данной проблематики присутствует в номере как в статье рубрики «Словарь социолингвиста» (А.Н. Биткеева, С.В. Кириленко), так и в статье И.О. Юлдашева и Н.Е. Вокуева на материале коми языка.

Завершает номер заметка Н.Б. Бадмацыреновой в «Хронике научной жизни» о Международной научной конференции по монгольскому и тюркскому языкознанию, посвященной памяти В.И. Рассадина, выдающегося ученого с мировым именем, наставника, педагога и просветителя, создателя письменности и школьных учебников по тофаларскому и сойотскому языкам. Конференция прошла в г. Улан-Удэ с 15 по 16 ноября 2022 г.

Надеемся, что номер будет интересен читателям и будет способствовать приращению как сугубо научного, так и практически-ориентированного знания о языках коренных народов в целях их сохранения и развития.

ЯЗЫКОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

LANGUAGE LAW

УДК 81.272 DOI: 10.37892/2713-2951-4-12-11-28

ДЕСЯТИЛЕТИЕ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Наиль М. Мухарямов
Казанский государственный энергетический университет,
Российская Федерация

В статье рассматриваются перспективы проведения объявленного ООН Международного десятилетия языков коренных народов в Российской Федерации и ее регионах в контексте правовой политики. Эта практика нормативного, концептуального и программного оснащения, представляющая более широкое поле действий властных субъектов и общественных сил и отличающаяся более широким набором инструментов по сравнению с процессом законодательства (в формально-юридическом смысле). Правовая политика включает многообразие методов создания официально-документальных предпосылок и подходов применительно к задачам в области социально-коммуникативной консолидации общества в сопряжении с культурно-языковым (этноязыковым) многообразием. В связи с Десятилетием языков коренных народов на этом направлении регулятивной деятельности возникают проблемы, связанные с тем, какие языки в России могут стать своеобразными выгодополучателями планируемых действий. Будут ли это языки коренных малочисленных народов, вошедших в формально закрепленный перечень? Или соответствующие меры могут вовлекать в поле внимания более широкое многообразие миноритарных этноязыковых коллективов вне статуса государственных («титульных») идиомов? Планируемая кампания также способна придать новые импульсы для конструирования региональной языковой политики в тех субъектах РФ, которые имеют не республиканский статус.

***Ключевые слова*:** *правовая политика, языковая политика, коренные народы, миноритарные языки.*

A DECADE OF INDIGENOUS LANGUAGES: LEGAL POLICY ISSUES

Nail M. Mukharyamov
Kazan State Power Engineering University,
Russian Federation

The article discusses the prospects for holding the International Decade of Indigenous Languages declared by the UN in the Russian Federation and its regions in the context of legal policy. This is the practice of normative, conceptual and programme /agenda provisions, which represents the wider field of action for power subjects and social forces and is distinguished by a wider range of tools compared to the legislative process (in the formal legal sense). With regard to language regulation – including. Legal policy includes a variety of methods for creating official

documentary prerequisites and approaches in relation to tasks in the field of social and communicative consolidation of society in conjunction with cultural and linguistic (ethno-linguistic) diversity. In connection with the Decade of Indigenous Languages, problems arise in this area of regulatory activity related to which languages in Russia can become the peculiar beneficiaries of the planned actions. Will these be the languages of the indigenous nations included in the formally fixed list? Or can the corresponding measures involve a wider variety of minority ethno-linguistic communities without or beyond the status of state ("titular") idioms? The planned company is also able to give new impetus to the construction of a regional language policy in those subjects of the Russian Federation that have a non-republican status.

***Keywords**: legal policy, language policy, indigenous peoples, minority languages*

Замыслы, программные ориентиры и конкретные меры, связанные с проведением Международного десятилетия языков коренных народов (2022–2032 гг.), провозглашенного на 74-й сессии Генассамблеи ООН[1], знаменуют новый этап формирования стратегического курса языковой политики в России. По случаю завершения Международного года языков коренных народов в 2019 г. на «мероприятии высокого уровня» был принят итоговый документ: Лос-Пиносская декларация (Мехико,Чапультепек). В конце февраля 2020 г. был дан старт новой компании. Отправной идеей стала острая необходимость в защите, возрождении и популяризации таких языков по всему миру. В ноябре 2021 г. на 41 сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО был презентован Глобальный план действий, связанных с Десятилетием.

В текущих геополитических и информационно-политических условиях принципиально важно отметить: Россия, по словам руководителя ФАДН И. Баринова, одной из первых стран-членов ООН поддержала эту инициативу и приступила к ее реализации, потому что сохранение языкового многообразия является важнейшей задачей стратегии национальной политики Российской Федерации. «Представители нашей страны активно поработали в глобальной целевой группе, которая разработала глобальный план действий» [Баринов, 2022].

Правительство России своим распоряжением (от 9 февраля 2022 г. № 204-р) утвердило План основных мероприятий по проведению в 2022–2032 гг. Международного десятилетия языков коренных народов в Российской Федерации. Весьма существенный аспект принятых тогда решений состоит в том, что разработать и утвердить свои планы мероприятий в этом направлении рекомендовано субъектам федерации (и не только тем, которые имеют республиканский статус и официально легализованное много- и двуязычие). Ответственным инстанциям вменено в обязанность предоставлять в ФАДН России всю полагающуюся информацию. Это свидетельствует о том, что задачи регулирования

[1] N1938951.pdf (un.org)

применительно к языковой жизни страны (включая языковое многообразие) со стороны публично-властных акторов перестают быть чем-то факультативным.

Языковая политика в России и ее регионах проводится в виде многочисленных практических мер и с использованием обширного инструментария аппаратного, академического, образовательного, культурного, издательского и медийного характера. При этом доктринальная оснащенность такой политики характеризуется неполнотой. Работа по составлению концепции государственной языковой политики усилиями ученых-лингвистов продолжается. Перспективы же такого политического документа или акта стратегического планирования, как «Основы государственной языковой политики», по-видимому, еще не переведены в практическую плоскость. Десятилетие может дать здесь шансы для систематизации в обновленном виде. С учетом сказанного уместны некоторые соображения на предмет правовой политики в этой сфере.

Понятие «правовая политика» не имеет дискурсивного хождения в публичном информационном пространстве, которое было бы сопоставимо, например, с понятием «процесс законотворчества». Вместе с тем обращение к этому предмету может быть полезным с той точки зрения, что здесь в фокусе внимания оказываются различные способы выражения: не только «классические» источники права или акты, содержащие непосредственные юридические нормы-предписания, но более диверсифицированные варианты оформления социально-волевых установок. Это – концепции, доктрины, стратегии, основы государственной политики, программы… Словом, все то, где артикулируются проблемы, требующие решения со стороны властей и общественности, анализируется наличное состояние общественных отношений, формулируются принципы и приоритеты политико-управленческой деятельности, определяются те или иные подходы и инструменты (ресурсы), идентифицируются не работающие или устаревшие нормы и проч. Это существенно более широкое поле нормативной деятельности, осуществляемой не только через принятие дискретных решений в контексте строго регламентированных процедур юридической техники.

Так, наделение языков народов России тем или иным формально закрепленным статусом – государственным в российских республиках, официальным на местном уровне – составляет предмет законодательного регулирования на федеральном или региональном уровнях. Правовая же политика делает возможными более мягкие или гибкие способы, включая своеобразную «легитимацию» идиомов, которые не относятся к категории «титульных». Они могут занять положение феномена, который признан публичными властями. Это же касается также миноритарных языковых коллективов (региональных,

местных, дисперсных) как носителей собственных идентичностей, потребностей и запросов. Заметные этноязыковые (этнокультурные) общности не должны лишаться возможностей быть «поименованными», т.е. быть учтенными не только в социолингвистических описаниях и типологиях. Это может осуществляться и в официальных актах на разных управленческих контурах. Методология программирования действий в рамках Международного десятилетия языков коренных народов предоставляет для этого определенные поводы, прецеденты и приемы.

Использование понятийного аппарата, связанного с «языками коренных народов», изначально отмечено очевидной амбивалентностью. На этот предмет есть специальные разъяснения исследователей-языковедов. «У этого термина есть много разных смысловых обертонов, но в целом подразумеваются языки на своей исконной территории, подвергающиеся вытеснению. Обычно этот термин относится к языкам территорий, колонизованных в последние несколько столетий. В некоторых странах этот термин вовсе не употребляется. Применительно к Западной Европе он считается не политкорректным, поскольку коренными народами там являются французы, немцы, испанцы, а иммигранты, которые массово приехали в последние десятилетия, внедряются в эту языковую среду, и указывать, что они «некоренные», как бы обидно. Даже применительно к баскскому языку, языку древнейшего населения Европы, этот термин используется не всеми. Может, и не страшно, что понятие «коренные языки» имеет зыбкие границы, это же просто повод для обсуждения и привлечения внимания к проблемам малых языков [Кибрик, 2019].

Полисемия термина «коренные» – это, пожалуй, общее место большинства экспертных суждений на эту тему . В определенных контекстах применяется расширительное наполнение категории. Говоря о коренных народах, в этих случаях имеют в виду не все отличительные свойства отображаемого объекта, а лишь одно логическое ядро, или наиболее общий и существенный признак. В таком смысле «коренной» означает относящийся к самым ранним из известных обитателей местности и, в частности, к их социокультурным характеристикам. Часто при этом предполагается та коннотация, что эти жители населяли место до того, как оно перешло под владение пришлых людей, ставших впоследствии доминирующей частью населения. Чаще всего количественный демографический параметр – признак малочисленности – здесь не учитывается. В рамках такого подхода Д.Д. Богоявленский, к примеру, разъясняет: «В Российской Федерации живет около 100 коренных народов, т.е. таких, чья основная этническая территория находится в России. Кроме того, имеется еще более 60 народов/этнических групп, основная масса соплеменников которых живет за пределами нашей страны» [Богоявленский, 2018: 22].

Этот подход иногда находит свое применение также в текстах регионального «языкового» законодательства. Например, в Законе Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)», принятом в 1992 г. и действующем в редакции 2012 г. (1019 N 929-IV) содержится Статья 4 «Язык саха как язык коренной нации, давшей название республике, является государственным языком Республики Саха (Якутии). И далее закреплено: «Эвенкийский, эвенский, юкагирский, долганский, чукотский языки признаются местными официальными языками в местах проживания этих народов и используются наравне с государственными языками» (Статья 5). В этом акте «коренной» статус языков названных этнических групп не фиксируется. В другом нормативно-правовом акте – Законе «О статусе языков коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» от 20.02.2004 N 244-III – перечисленные языки отнесены к особой категории, определены как «национальное достояние Российской Федерации и Республики Саха (Якутия)», носителям которых гарантируются соответствующие права и поддержка со стороны республиканских властей [Закон Республики Саха (Якутия) от 20.02.2004].

При миноритарном подходе отмечается, что в 90 стран мира проживает более 476 млн представителей коренных народов, что составляет 6,2% населения планеты. Их представляет более 5000 различных групп. На коренные народы приходится подавляющее большинство из примерно 7000 языков мира, не менее 40% которых находятся под угрозой исчезновения [Права и возможности носителей языков коренных народов].

В российском официально-документальном обиходе понятие «коренные» используется применительно к исчерпывающему списку народов страны. Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. № 255 утвержден «Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации», в котором значатся около 50 общностей. Из них абазины (Карачаево-Черкесская республика), бесермяне (Удмуртская Республика), вепсы (Республика Карелия, Ленинградская область), водь (Ленинградская область), ижорцы (Ленинградская область), нагайбаки (Челябинская область), саамы (Мурманская область), сету (Псковская область), шапсуги (Краснодарский край) проживают в европейской части страны.

В России, судя по официальному сайту Всероссийской переписи населения [ВПН 2020], к коренным малочисленным народам относят этносы численностью не более 50 тыс. человек, которые проживают в местах своего исторического расселения, сохраняют свой язык, обычаи и промыслы и осознают себя как отдельный народ. Как правило, это сельские жители труднодоступных районов севера европейской части страны, Кавказа, Сибири и Дальнего Востока. Общая численность россиян, относящихся к коренным малочисленным

народам, согласно переписи 2010 г., составила 316 тыс. человек. Самые крупные из них – ненцы (44 640 чел.), абазины (43 341 чел.) и эвенки (37 843 чел.). При этом в 2010 г. не было ни одного представителя народа алюторцы, входящего в официальный список 47 коренных малочисленных народов России, но 25 человек указали, что владеют алюторским языком. Самым малочисленным коренным этносом являются проживающие в Беринговском районе Чукотского автономного округа кереки, или как они сами себя называют – анкалгакку («приморские люди»). Во время переписи 2010 г. кереками назвали себя всего четыре человека, а владели керекским языком десять человек в стране. Кереки были включены в перечень коренных малочисленных народов России в 2000 г. Этот список был сформирован и корректируется на основе данных, полученных в ходе Всероссийских переписей населения [Малые народы большой России в переписи населения].

Как отмечалось во время работы II Форума коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока при участии таких организаций, как Северный Форум, Арктический Совет, Университет Арктики и других, численность таких народов за последние 30 лет увеличилась более чем на 30% [ТАСС, 2021].

Общепризнанного универсального понимания точных критериев для выделения коренных народов как строго очерченной категории национальных меньшинств не существует, в том числе в зарубежном академическом и общественно-политическом дискурсах.

В публичном информационно-политическом пространстве отмечают семантическую, когнитивную многозначность англоязычного термина “indigenous”, широко используемого в международном правовом дискурсе. Это слово обычно переводится применительно к этнокультурным и этноязыковым сообществам или к населению как «коренные», но также и как 1) «туземные, местные», 2) «природные, врожденные». При этом естественным образом возникают некоторые разночтения и смысловые нюансировки. С одной стороны, здесь может подразумеваться что-то такое, что связано со свойствами автохтонности, с признаками старожильческого пребывания в той или иной местности (в коннотациях «коренного жителя», «коренного населения»), и что часто приводит к стиранию официально-юридического и обиходного словоупотребления. С другой стороны, – это имплицитные моменты, включающие нечто экзотическое по сравнению с доминирующими культурными характеристиками, со спецификой природно-ландшафтных условий проживания и хозяйствования, как правило, ассоциирующейся с геокультурными и геоэкономическими свойствами этнической самости.

Один из вариантов содержательного определения категории «коренные народы» предложен известным канадским философом Уиллом Кимликой, активно разрабатывающим

теоретические аспекты этнокультурного многообразия в современном мире и проблематику мультикультурализма. Автор специально подчеркивает, что общепризнанного определения того, что такое «коренные народы», нет. Такие социальные образования, согласно проводимой им типологии, включают два крупных подкласса:

− «субгосударственные нации», которые сейчас не имеют своего государства, где они составляли бы большинство населения, но могли иметь такое государство в прошлом (до того, как были аннексированы, завоеваны, либо образовали федерацию с другими нациями), или, иными словами, они представляют собой «проигравших соперников», претендующих на всю полноту собственных социально-экономических и административно-управленческих институтов по модели национальных государств, примером чего служат каталонцы, баски, фламандцы, шотландцы, валлийцы, корсиканцы, пуэрториканцы и квебекцы;

− «коренные народы», территории обитания которых когда-то были захвачены поселенцами и присоединены к государству с иной доминирующей культурой, рассматриваемой в качестве «иностранной», а соответствующими притязаниями в данном случае становятся не требования самоопределения в форме сецессии, а цели сохранения культурной самобытности и традиционной общественной самоорганизации, признания равных прав и гражданского достоинства, как это происходит, в частности, в случаях с саамами, инуитами, маори или американскими индейцами и т.п. [Кимлика, 2010: 442–443].

Этот исследовательский подход перекликается с позициями составителей «Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов: руководство для национальных правозащитных учреждений» [Декларация ООН о правах коренных народов, 2013].

Следует оговориться: на сессии Совета ООН по правам человека (Женева, 29 июня 2006 г.) проект названной Декларации ООН поддержали 30 государств-членов Совета, 12 стран воздержались, делегации России и Канады голосовали против. В сообщении МИД РФ для печати были приведены разъяснения позиции российской стороны по мотивам голосования: «Прежде всего, речь идет о статье о праве коренных народов на самоопределение, которая, к сожалению, не сопровождается оговоркой о том, что она применяется в рамках национальных правовых систем и с учетом положений конституций стран и не может толковаться в качестве основания для нарушения территориальной целостности государств. В случае, если бы такое уточнение было сделано, мы смогли бы поддержать эту статью. Кроме того, в противоречие с российским законодательством вступают статьи о правах коренных народов на земли, территории и ресурсы. Такими

правами обладают все народы страны, а не только коренные» [Министерство иностранных дел РФ, 2006]. Во время финального принятия этого документа в 2007 г. российская сторона воздержалась от голосования.

Названная публикация как таковая, однако, представляет определенный интерес. В ней содержатся показательные, с точки зрения политико-социологических интерпретаций, концептуальные подходы:

− против принятия формального определения понятия «коренные народы» высказались сами представители этой категории этно-социальных сообществ, при этом отмечая «необходимость гибкости и уважения желания и права каждого коренного народа самостоятельно определить свое место в обществе», а также то обстоятельство, что народы, относимые к этой категории «пострадали от определений, навязанных им посторонними»;

− предложенная экспертно-аналитическая дефиниция «коренных народов» по смыслу фиксирует те же признаки, о которых говорит У. Кимлика: сохранение традиционных черт жизненного уклада с «доколониальных» времен, традиционных «социальных институтов и правовых систем», идентичности; «Это оставляет за такими общинами право и суверенную силу решения о том, кто входит в их состав, без постороннего вмешательства» [Декларация ООН о правах коренных народов, 2013: 6–7].

Обращает на себя внимание также то, что авторы этой публикации, выпущенной под эгидой ООН, сами призывают отойти от своеобразной «аборигенной» логики, делая упор на самоидентификацию как решающий признак и резко выделяющей данную группу среди других групп государства [Там же: 8].

По ряду соображений очевидно, что такой способ понимания применительно к российским условиям вряд ли может расцениваться как пригодный даже для ограниченной имплементации в методологическом плане для разработки государственной национальной политики Российской Федерации и в политико-правовом обеспечении языковой политики.

Нетрудно заметить, что вся дискурсивная стилистика этой Декларации строится на идейных принципах критических социальных теорий, в том числе принципов критической лингвистики. Среди таких ориентиров Рут Водак, к примеру, называет «разоблачение неравенства и несправедливости, лишение идеологий их естественности, раскрытие отношений доминирования и власти и сообщение об этих отношениях тем, кто страдает от угнетения, – таковы цели, которые сторонники критической лингвистики считают желательным и возможным реализовать» [Водак, 2011: 287].

Существует ряд заслуживающих внимания доводов на предмет непосредственной имплементации приведенных положений из Декларации в правовой идеологии, лежащей в основе российской языковой политики.

Во-первых, неубедительной с теоретико-социологической точки зрения выглядит подход, фактически приравнивающий два самостоятельных аспекта анализа: этнокультурный (этнологический) ракурс, с одной стороны, и страто-центричный аспект, для которого характерны социально-структурные единицы (такие, как «слои общества»), с другой стороны. С этой точки зрения некорректно соотносить «коренные общины, народы и нации» с «другими слоями общества», занимающими преобладающие и доминирующие позиции в обществе, как это можно понимать из приведенной выше цитаты.

Во-вторых, не может не вызывать существенных сомнений универсальная применимость в правовом смысле *de facto* принципа двойной или параллельной юрисдикции применительно ко всем культурно отличающимся общностям, когда эти последние наделяются «суверенными» полномочиями определять (фактически – предписывать) соответствующее членство. По-видимому, в данном случае имеет место необоснованная экстраполяция модели, характерной для моделей общественной организации в современных условиях некоторых североамериканских племен в США и Канаде – Native Americans, First Nations – сочетающих гражданство (институт связи индивида с государством) и формальное закрепление принадлежности к племенным общностям (связь индивида с досовременными типами групповой лояльности).

В-третьих, заведомо неприемлемым для государственной национальной политики Российской Федерации с ее духом гражданской консолидации общества, включая установки на бережное отношение к его этнокультурному и этноязыковому многообразию, выглядит навязчивое культивирование исторической памяти многих народов, в которой доминируют комплексы виктимности. Эксплицитное предписывание самобытным этническим сообществам чувства неполноценности, ущемленности, стигматизированности, травматического восприятия своего прошлого означает увековечение (как чего-то фундаментально непреходящего) конфликтного потенциала в качестве органичной составной части идентичности. Политико-психологическая атмосфера, характерная для ситуации вокруг движения BLM в США, наглядно продемонстрировала, какими последствиями могут оборачиваться экзальтации вокруг истерического раздувания расовых проблем.

Для осмысления перспектив российской государственной языковой политики важным ориентиром выступает соединение двоякого рода задач. Это укрепление языковой (в целом

социально-коммуникативной) связанности общества, с одной стороны, и достижение устойчивого воспроизводства этноязыкового многообразия как цивилизационного достояния, с другой стороны. Кампания, связанная с Десятилетием, не должна ограничиваться рамками только лишь языков, являющихся родными для коллективов численностью меньше, чем 50 тысяч – актуальных или потенциальных – носителей, или рамками тех или иных «закрытых» перечней народов и их языков. Это затрагивает не только морально-политические стороны темы, но и практические механизмы властно-управленческого регулирования применительно к культурно-языковому многообразию, в том числе – с точки зрения распределения внимания и ресурсов.

Пафос и замысел Десятилетия изначально предполагают в числе прочего и такие не исключающие способы видения предмета. «Глобальный план действий, как гласит один из программных документов Десятилетия, – опирается не на рестриктивный, а на широкий подход к языкам коренных народов, способствуя инклюзии родных языков, которые он определяет как языки, в настоящее время или исторически используемые коренными народами и считающиеся неотъемлемой частью их наследия, систем знаний или идентичности. Языки коренных народов могут также использоваться другими лицами, не принадлежащими к коренным народам. Определение коренных народов стало процессом длительных политических дискуссий в Организации Объединенных Наций и было закреплено в ряде нормативно-правовых документов, прежде всего в Декларации ООН о правах коренных народов. Самоидентификация коренных народов включает особые культурные традиции и тесную традиционную связь с определенной территорией и определенным языком. *С учетом того, что цель Десятилетия – не оставить никого позади, пользователи других языков (в виде как устной речи, так и языка жестов), часто называемые языковыми меньшинствами, пользователи менее распространенных языков и языков, которым грозит исчезновение, будут выступать в качестве как движущих сил текущего процесса, так и его бенефициаров* (выделено мною. – *Н.М.*). Это основывается на принципах недопущения дискриминации, права на развитие и инклюзию, а также равного и справедливого шанса на доступ к возможностям, имеющимся в обществе; при этом, однако, следует учитывать, что основное внимание в рамках Десятилетия уделяется языкам коренных народов» [Глобальный план действий…: 41].

Намечаемые в российских условиях меры далее нецелесообразно строить на упомянутом «аборигенном» принципе. Существуют определенные – хотя, в известном смысле. и косвенные – свидетельства того, что расширенный подход к программированию мероприятий характерен и для документов универсальных межправительственных

организаций (ООН, ЮНЕСКО). Здесь, как правило, не фигурируют какие-то закрытые, исчерпывающие перечни языков коренных народов, а также не артикулируются конкретные признаки и критерии, позволяющие квалифицировать языки в названном качестве. Не используются ни критерии демографического порядка, ни характеристики и параметры коммуникативной мощности и функциональной развитости языков. Более того, в документах ЮНЕСКО по итогам проведения в 2019 году в контексте проведенных исследований (опросов) выделены 220 языков [Evaluation of UNESCO'S Action…, 2021].

С оговоркой, что это не отражает позицию ЮНЕСКО, в документе представлен перечень языков, которые вошли в качестве предмета в проводимый исследовательский обзор в качестве релевантных случаев «возрождения (revitalization) и продвижения языков коренных народов». В соответствующий массив включат в том числе ряд языков коренных народов РФ (в традиционном понимании) – например, это вепсский, долганский, нганасанский, нивхский, саамский, чукотский, караимский, корякский, лакский, селькупский, шорский, чукотский, эвенкийский языки. Однако при этом в тот же перечень вошли башкирский, бурятский, ительменский, кабардино-черкесский, карельский, чувашский, карельский, коми язык, марийские, татарский, якутский.

Иначе говоря, в поле зрения Десятилетия потенциально включаются не только языки, традиционно ассоциирующиеся с критериями «коренных народов», о которых было сказано выше. Внимание привлечено также и к языкам, которые наделены статусом государственных языков российских республик, а также к языкам, не входящим в категорию тех, которые находятся явным образом под угрозой исчезновения в обозримой перспективе.

В названном выше перечне фигурируют языки, функционирующие в разных странах, в том числе, обладающие солидными характеристиками демографической и коммуникативной мощности, развитой функциональностью и давней филологической традицией, правовым статусом государственных или официальных языков. Это, например:

- язык фиджи;
- ассамский язык (один из 23 официальных языков Индии с 15 млн носителей);
- язык зулу (один из 11 официальных языков ЮАР с 12 млн носителей и второй по распространенности из языков банту в Южной Африке);
- язык кечуа (14,4 млн носителей. Государственный язык в Перу и Боливии);
- каренский язык (7 млн носителей);
- кхмерский язык (обладатель одной из самых древних систем письма, государственный язык Камбоджи с 14,5 млн носителей, распространенный также в Таиланде, Вьетнаме и Лаосе) [Evaluation of UNESCO'S Action…, 2021].

Еще один красноречивый пример – присутствие в списке уэльского (валлийского) языка, которым владеют 562 тыс. человек (по данным 2011 г.). Этот язык имеет официальный статус в Уэльсе и, тем самым, юридически признан официальным в любой части Соединенного Королевства. Он расценивается ЮНЕСКО как единственный из кельтских языков, который не находится под угрозой исчезновения. На этом языке ведется теле- и радиовещание, выходят печатные СМИ и сотни наименований книжной продукции ежегодно. Правовая политика, ориентированная на поддержание этноязыкового многообразия в России и ее регионах, представляет собой многоуровневую нормативную практику. Это относится и к территориально-пространственным характеристикам, и к регуляторному инструментарию.

Особенностью российского «языкового» законодательства – федерального и регионального – выступает в числе прочего то, что в большинстве случаев в качестве предмета правового регулирования указываются не собственно общественные отношения, но многочисленные конструкции, относящиеся непосредственно к языкам, *имплицитно* понимаемым в системном смысле, т.е. как коды или «идиоэтнические» языки как таковые. Юридические конструкции выглядят в типичном варианте – «равноправие языков» («языки имеют равные права»), «создание условий для сохранения и равноправного самобытного развития народов Российской Федерации», «равноправное функционирование», «использование языков местного населения» и т. п.

К примеру, в Законе Республики Алтай «О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай» (в последней редакции от 2012 г. N 46 – РЗ) среди основных принципов языковой политики (что само по себе представляет весьма редкое исключение) закрепляется «языковое равенство каждого человека». «Языковой» закон Башкортостана определяет «условия сохранения и равноправного развития языков народов Республики Башкортостан». С точки зрения юридической техники во многих случаях первоначальная формула российского закона 1991 г. «государственной гарантии языкового суверенитета народов и личности» была впоследствии заменена положением о «государственных гарантиях равноправия языков народов Российской Федерации». Иначе говоря, языки как таковые эксплицитно были наделены свойствами правосубъектности, что так или иначе было воспроизведено в корпусе республиканских «языковых» законов. Это, по-видимому, своеобразный эффект декларативности в законотворчестве, призванный отразить идейно-правовую установку на уважительное отношение ко всем языкам, являющимся для граждан страны родными. Однако при этом в законодательстве чаще всего не «поименованы» языки («идеоэтнические» коды), отличные от так называемых «титульных» языков.

В целом правовые конструкции, номинирующие (категоризирующие) миноритарные этноязыковые группы, формулируются, как правило, в максимально обобщенном виде. В корпусе законодательных актов, включая Конституцию Российской Федерации (Статья 71), термин «национальное меньшинство» используется в общем значении и без конкретизации и при отсутствии нормативной дефиниции. В действующем «языковом» федеральном и региональном законодательстве также, как правило, говорится о «языках народов», проживающих на той или иной территории, без указания на то, какие именно языки и группы их носителей имеются в виду в отдельных случаях. Более того, сначала Закон СССР «О языках народов СССР» (от 24 апреля 1990 г.), затем Закон СССР «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР» (от 26 апреля 1990 г.) создали прецедент определения миноритарных этноязыковых коллективов по логике «от противного». В первом из названных правовых актов содержалась Статья 19 «Использование языков в местностях компактного проживания иноязычного населения в союзных и автономных республиках», подразумевая, что в местах компактного проживания это – «язык большинства населения данной местности». По-видимому, законодатель в условиях дезинтеграции союзной государственности в спешке счел возможным использовать формулу из «Большой советской энциклопедии» середины 1950-х годов: национальные меньшинства это – «в СССР национальности, живущие вне своих национальных республик либо не имеющие их» [Национальные меньшинства, 1954: 295].

Впоследствии формула перекочевала в российское законодательство о языках в виде конструкции «в местах компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за их пределами, наряду с русским языком и государственными языками республик, в официальных сферах общения может использоваться язык населения данной местности». Нет нужды специально обосновывать, каким диссонансом подобные определения звучат в контексте современных ориентиров национальной и языковой политики в Российской Федерации. В связи с этим можно предположить, что среди неотложных задач правовой политики в области языковой жизни российского общества – идентификация таких анахроничных норм, с одной стороны, и «инвентаризация» терминологического аппарата с точки зрения научной корректности, с другой стороны.

Языки некоторых коренных малочисленных народов в разные годы получали и получают законодательное закрепление и особый статус на уровне субъектов РФ. В Республике Саха (Якутии), как уже было сказано, это долганский, чукотский, эвенкийский,

эвенский и юкагирский языки, которые наделены статусом «местных официальных языков»; В Сахалинской области – это языки нанайцев, нивхов, ороков (ульта), эвенков; в Ханты-Мансийском автономном округе – языки хантов, манси, ненцев; в Ямало-Ненецком автономном округе – ненецкий, хантыйский, селькупский языки; в Красноярском крае закон (от 5 ноября 2015 г. N 9-3816) «О родных (национальных) языках коренных малочисленных народов, проживающих на территории Красноярского края» относит к этой категории языков долганский, кетский, нганасанский, ненецкий, селькупский, чулымский, эвенкийский, энецкий языки; закон «О языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа» (утратил силу в 2015 г.) – языки долган, ненцев, энцев, эвенков, нганасан и других.

В некоторых республиканских «языковых» законах закреплены нормы о языках этнических коллективовв местах их компактного проживания. В Республике Алтай это казахи («казахский язык используется в официальных сферах общения в местах компактного проживания его носителей»). В этом субъекте РФ, как можно попутно заметить, в законодательстве используется понятие «диаспора»: «Республика Алтай оказывает помощь этническим группам, а также национальным диаспорам в издании учебно-методической, художественной литературы на родном языке (в ред. Закона Республики Алтай от 10.07.2012 N 46-РЗ)». В Республике Бурятия Статья 12 «языкового» закона, ранее гласившая, что «в местах компактного проживания малочисленного в Республике Бурятия населения других национальностей (эвенки, татары, немцы и др.) наряду с государственными языками в деятельности государственных органов, делопроизводстве, оформлении документов, проведении выборов и референдумов может использоваться язык большинства населения данной местности», была исключена (Закон Республики Бурятия от 29.09.2003 N 467-III). В Законе Республики Мордовия «О государственных языках в Республике Мордовия» (от 24 апреля 1998 года) содержится положение: «В национальных мордовских и татарских селениях, статус которых определен в соответствии с законом Республики Мордовия, создаются условия для более углубленного изучения родного языка» (Статья 10).

В субъектах Российской Федерации начато планирование проведения Международного Десятилетия языков коренных народов. Эта работа включает в свой предмет не только языки народов, формально включенных в соответствующий перечень «коренных малочисленных народов».

План, принятый, например, в Свердловской области, предполагает мероприятия на основе, так сказать, «инклюзивного» подхода. Это и «Организация целевого обучения лиц из числа коренных малочисленных народов Российской Федерации по образовательным

программам среднего профессионального и высшего образования (“Образование и педагогические науки”, “Языкознание и литературоведение”, “Культуроведение и социокультурные проекты”)», но также и «Предоставление субсидий некоммерческим организациям на реализацию проектов, направленных на сохранение русского языка, в том числе русского языка как государственного, а также на сохранение и развитие национальных языков, в том числе языков народов Российской Федерации». В Нижегородской области в ходе Десятилетия предполагаются культурно-просветительские и фольклорно-этнографические события, посвященные русской литературе, литературам и языкам татар, мордвы, чувашей, марийцев.

В Краснодарском крае планируется ежегодное проведение мероприятий, посвященных Дню адыгейского (черкесского) языка и письменности, а также семинаров и выставок. В Ставропольском крае – это регулярное проведение виртуальной выставки "Языковое многообразие народов Кавказа". В Вологодской области предполагается уделить отдельное внимание языку вепсов; в Мурманской области – саамскому языку; в Кемеровской области – языкам шорцев и телеутов.

В Республике Татарстан планом проведения Десятилетия предусмотрена регулярная работа (создание программ и учебно-методических комплексов, словарей и разговорников по родным языкам жителей республики, оцифровка научного и культурного наследия, конференции, олимпиады, фестивали, конкурсы…), связанная с русским и татарским языками, с тюркской лингвокультурологией, с языками – чувашским, удмуртским, марийскими и мордовскими. В плане значится также: «Оказание содействия в организации комплексных научных экспедиций в населенные пункты Республики Татарстан с компактным проживанием чувашского, удмуртского, марийского, мордовского населения 2022–2032 гг. (ежегодно); Организация фольклорно-этнографических экспедиций в русские села Республики Татарстан с целью изучения народных традиций, духовной культуры и быта русских, проживающих на данной территории».

В свете сказанного планирование мероприятий Десятилетия языков коренных народов нецелесообразно ограничивать лишь сферами функционирования языков малочисленных народов России и, тем более, мероприятиями технического порядка (рассчитанными на поддержку систем письма, использования каких-то графических приемов в цифровой сфере и проч.).

Было бы недостаточно продуктивным ограничивать проведение мероприятий в рамках объявленной глобальной кампании столь высокого уровня только лишь теми языками, которые включены законодательно в соответствующий закрытый перечень.

Понятно, что «Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации» мотивирован не столько культурно-языковыми соображениями, сколько обстоятельствами, связанными со спецификой социально-экономического развития, традиционных способов хозяйствования, природопользования, демографией, а также с определенными преференциями

Целесообразно действовать таким образом, чтобы Десятилетие стало символическим ресурсом и поводом для привлечения внимания к проблематике этноязыкового многообразия России в целом, поводом для мобилизации дополнительных усилий в области федеральной, региональной и местных повесток при формировании современных моделей языковой политики.

Литература

Баринов И. (2022) Сохранение языкового многообразия – важнейшая задача стратегии национальной политики России // Комсомольская правда. 22 февраля 2022 г. Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/27368/4549442/ . Дата обращения: 02.11.2022.

Богоявленский Д.Д. (2018) Этнический состав населения и владение языками // Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. 2-е изд., исправленное и дополненное. – М.: ИЭА РАН. С. 22–61.

Водак Р. (2011) Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. № 4 (38). С. 286–291.

Глобальный план действий. Международное десятилетие языков коренных народов (2022–2032) // Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000379851_rus/PDF/379851rus.pdf.multi. Дата обращения: 09.11.2022.

Гурьянов С. (2022) Дайте только знак: кому нужны новые алфавиты // Известия. 24 февраля 2022 // Режим доступа: https://iz.ru/1295465/sergei-gurianov/daite-tolko-znak-komu-nuzhny-novye-alfavity. Дата обращения: 09.07.2022.

Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов: Руководство для национальных правозащитных учреждений (2013) // Режим доступа: UNDRIPManualForNHRIs_ru.pdf. Дата обращения: 02.06.2022.

Закон Республики Саха (Якутия) от 20.02.2004 N 244-III «О статусе языков коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» // Режим доступа: https://www.sakha.gov.ru/zakon-respubliki-saha-jakutija-20-fevralja-2004-goda-111-z-n-243-iii-o-statuse-jazykov-korennyh-malochislennyh-narodov-severa-respubliki-saha-jakutija. Дата обращения: 01.06.2022.

Кибрик А.А. «Исторический шанс есть, и надо его использовать» (2019) // Институт языкознания РАН. Новости. Режим доступа: https://iling-ran.ru/web/ru/news/190801_kibrik . Дата обращения: 01.11.2022.

Кимлика У. (2010). Современная политическая философия: Введение. М.: ВШЭ.

Малые народы большой России в переписи населения // Всероссийская перепись населения 15 октября – 14 ноября 2021 года. Пресс-релиз. Режим доступа: https://www.strana2020.ru/mediaoffice/malye-narody-bolshoy-rossii-v-perepisi-naseleniya/#:~:text=По%20данным%20Всероссийской%20переписи%20населения,46%20являются%20коренными%20малочисленными%20этносами. Дата обращения: 30.10.2022.

Министерство иностранных дел Российской Федерации. О решении Совета ООН по правам человека по Декларации о правах коренных народов. Сообщение для печати от

30.06.2006 // Режим доступа: https://www.mid.ru/en/foreign_policy /humanitarian cooperation/1596259/?lang=ru. Дата обращения: 05.09.2022.

Национальные меньшинства // Большая советская энциклопедия. М.: БСЭ, 1954. Т. 29.

Права и возможности носителей языков коренных народов // Российская государственная библиотека. Выставка с 4 апреля по 30 июня 2022 года. Режим доступа: https://www.rsl.ru /ru/events/afisha/vistavki/prava-i-vozmozhnosti-nositelej-yazyikov-korennyix-narodov. Дата обращения: 01.11.2022.

ТАСС. Численность коренных малочисленных народов в России выросла более чем на 20% за 30 лет (2021) // Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/11076891. Дата обращения: 09.11.2022.

Evaluation of UNESCO'S Action to revitalize and promote indigenous languages. March 2021 // Режим доступа: attach_import_35fe0e5c-4c32-4daa-936e-35e44b8d6abe?_=376719eng.pdf - Yandex.Documents. Дата обращения: 06.06.2022

References

Barinov, I. (2022) Sohranenie jazykovogo mnogoobrazija – vazhnejshaja zadacha strategii nacional'noj politiki Rossii [Preservation of language diversity is the most important task of the strategy of national policy of Russia] // Komsomol'skaja pravda. 22 fevralja 2022 g. Available at: https://www.kp.ru/daily/27368/4549442/ . Access date: 02.11.2022. (In Russ.)

Bogojavlenskij, D.D. (2018) Jetnicheskij sostav naselenija i vladenie jazykami // Jetnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii / pod red. V.A. Tishkova, V.V. Stepanova. Izdanie 2-e, ispravlennoe i dopolnennoe [Ethnic composition of the population and language proficiency // Ethnic and religious diversity of Russia / Ed by V.A. Tishkov, V.V. Stepanov. 2nd edition, corrected and supplemented]. – M.: IEA RAN. Pp. 22–61. (In Russ.)

Vodak, R. (2011) Kriticheskaja lingvistika i kriticheskij analiz diskursa // Politicheskaja lingvistika. № 4(38). Pp. 286–291. (In Russ.)

Global'nyj plan dejstvij Mezhdunarodnoe desjatiletie jazykov korennyh narodov (2022–2032) [Global Action Plan INTERNATIONAL DECADE OF INDIGENOUS LANGUAGES (2022-2032)] // Available at: https://unesdoc.unesco.org/ark:
/48223/pf0000379851_rus/PDF/379851rus.pdf.multi. Access date: 09.11.2022. (In Russ.)

Gur'janov, S. (2022) Dajte tol'ko znak: komu nuzhny novye alfavity [Just give a sign: who needs new alphabets] // Izvestija. 24 fevralja 2022 // Available at: https://iz.ru/1295465/sergei-gurianov/daite-tolko-znak-komu-nuzhny-novye-alfavity. Access date: 09.07.2022. (In Russ.)

Deklaracija Organizacii Ob#edinennyh Nacij o pravah korennyh narodov: rukovodstvo dlja nacional'nyh pravozashhitnyh uchrezhdenij (2013) [The United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples: a guide for National human rights institutions] // Available at: UNDRIPManualForNHRIs_ru.pdf. Access date: 02.06.2022. (In Russ.)

Zakon Respubliki Saha (Jakutija) ot 20.02.2004 N 244-III «O statuse jazykov korennyh malochislennyh narodov Severa Respubliki Saha (Jakutija)» [The Law of the Republic of Sakha (Yakutia) of 20.02.2004 N 244-III "On the status of the languages of the indigenous peoples of the North of the Republic of Sakha (Yakutia)"] // Available at: https://www.sakha.gov.ru/zakon-respubliki-saha-jakutija-20-fevralja-2004-goda-111-z-n-243-iii-o-statuse-jazykov-korennyh-malochislennyh-narodov-severa-respubliki-saha-jakutija. Access date: 01.06.2022. (In Russ.)

Kibrik, A.A. «Istoricheskij shans est', i nado ego ispol'zovat'» (2019) ["There is a historical chance, and we must use it"] // Institut jazykoznanija RAN. Novosti [Institute of Linguistics of the RAS. News]. Available at: https://iling-ran.ru/web/ru/news/190801_kibrik. Access date: 01.11.2022. (In Russ.)

Kymlicka, W. (2010). Sovremennaja politicheskaja filosofija: vvedenie [Modern Political Philosophy: Introduction]. M.: Gos. un-t Vysshaja shkola jekonomiki. – 592 p. (In Russ.)

Malye narody bol'shoj Rossii v perepisi naselenija [Small peoples of Greater Russia in the population census] // Vserossijskaja perepis' naselenija 15 oktjabrja – 14 nojabrja 2021 goda. Press-reliz [All–Russian Population Census October 15 – November 14, 2021. Press release]. Available at: https://www.strana2020.ru/mediaoffice/malye-narody-bolshoy-rossii-v-perepisi-naseleniya/#:~:text=Po%20dannym%20Vserossijskoj%20perepisi%20naselenija, 46%20javljajutsja%20korennymi%20malochislennymi%20jetnosami. Access date: 30.10.2022. (In Russ.)

Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii. O reshenii Soveta OON po pravam cheloveka po Deklaracii o pravah korennyh narodov. Soobshhenie dlja pechati ot 30.06.2006 [On the decision of the UN Human Rights Council on the Declaration on the Rights of Indigenous Peoples. Press release from 30.06.2006] // Available at: https://www.mid.ru /en/foreign_policy /humanitarian_cooperation/1596259/?lang=ru. Access date: 05.09.2022. (In Russ.)

Nacional'nye men'shinstva [National minorities] // Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija [The Great Soviet Encyclopedia]. M.: BSE 1954. Vol. 29. (In Russ.)

Prava i vozmozhnosti nositelej jazykov korennyh narodov [The rights and opportunities of native speakers of indigenous languages] // Rossijskaja gosudarstvennaja biblioteka. Vystavka s 4 aprelja po 30 ijunja 2022 goda [Russian State Library. The exhibition from April 4 to June 30, 2022]. Available at: https://www.rsl.ru/ru/events/afisha/vistavki/prava-i-vozmozhnosti-nositelej-yazyikov-korennyix-narodov. Access date: 01.11.2022. (In Russ.)

TASS. Chislennost' korennyh malochislennyh narodov v Rossii vyrosla bolee chem na 20% za 30 let (2021) [The number of small indigenous peoples in Russia has grown by more than 20% in 30 years] // Available at: https://tass.ru/obschestvo/11076891. Access date: 09.11.2022. (In Russ.)

Evaluation of UNESCO'S Action to revitalize and promote indigenous languages. March 2021 // Available at: attach_import_35fe0e5c-4c32-4daa-936e-35e44b8d6abe?_=376719eng.pdf - Yandex.Documents. Access date: 06.06.2022.

Примечание

Работа выполнена по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.

Мухарямов Наиль Мидхатович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и права ФГБОУ ВП «Казанский государственный энергетический университет».
Адрес: Казань, 420066, ул. Красносельская, 51.
Эл. адрес: n.mukharyamov@yandex.ru

Для цитирования: *Мухарямов Н.М.* Десятилетие языков коренных народов: Вопросы правовой политики [Электронный ресурс]. Социолингвистика. 2022. № 4 (12). С. 11–28. DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-11-28

For citation: *Mukharyamov, N.M.* A decade of indigenous languages: Legal policy issues [online] // Sociolinguistics. 2022. No. 4 (12). Pp. 11–28. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-11-28

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

LANGUAGES OF PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

УДК 81.272 DOI:10.37892/2713–2951-4-12-29-44

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ ПОДДЕРЖКИ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА В СИТУАЦИИ ЕГО КРИЗИСА

Владимир Л. Волгин
Распределенный научный центр межнациональных и межрелигиозных проблем,
Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов,
Российская Федерация

Калмыцкий язык характеризуется ослаблением функциональности, среди калмыков наблюдается низкий уровень владения им. Это вызывает обеспокоенность, предпринимаются меры государственной поддержки языка, однако они считаются недостаточными. Гражданские инициативы приобретают особенность своеобразного замещения слабости политики. Исследование нацелено на то, чтобы показать специфику указанных инициатив, и другая их особенность заключается в том, что они условно могут быть разделены на три группы. Первая – это предложения мер поддержки калмыцкого языка, адресованные органам государственной власти и обществу. Вторая – популяризация калмыцкого языка через возможности современных цифровых, информационных технологий. Третья – традиционные или оригинальные проекты без применения цифровых технологий. В первом случае особенность заключается в том, что значительная часть гражданских идей остается без публичной реакции со стороны официальных структур. Популяризация калмыцкого языка с помощью цифровых инициатив отличается тем, что IT-проекты имеют динамичное развитие, широкий диапазон. Среди нецифровых инициатив успешно зарекомендовали себя курсы обучения калмыцкому языку, вместе с тем их последователи стремятся выйти за привычные рамки в поисках новых способов и форм обучения языку.

***Ключевые слова**: калмыцкий язык, этноязыковая ситуация, языковая политика, гражданские инициативы поддержки языка, языковой активизм.*

FEATURES OF CIVIL INITIATIVES TO SUPPORT THE KALMYK LANGUAGE IN THE SITUATION OF ITS CRISIS

Vladimir L. Volgin
Distributed Scientific Center for Interethnic and Interreligious Problems,
Network of Ethnological Monitoring and Early Warning of Conflicts,
Russian Federation

The Kalmyk language is characterized by the weakened functionality, low demand, and low level of proficiency in it among Kalmyks. This causes concern; measures are being taken to support the language by the state, but they are considered insufficient. Civic initiatives acquire the peculiarity of a kind of substitution for the weaknesses of politics. The study aims to show the

specifics of these initiatives, and their other feature is that they can be conditionally divided into three groups. The first is proposals of measures to support the Kalmyk language addressed to state authorities and society. The second is the popularization of the Kalmyk language through the possibilities of modern digital, information technologies. The third is traditional or original projects without the use of digital technologies. In the first case, the peculiarity lies in the fact that a significant part of civic ideas remains without a public reaction from official structures. The popularization of the Kalmyk language through digital initiatives is distinguished by the fact that IT projects have a dynamic development, a wide range. Among the non-digital initiatives, Kalmyk language courses have successfully proven themselves, at the same time, their followers seek to go beyond the usual framework in search of new ways and forms of language teaching.

Keywords: *Kalmyk language, ethno-linguistic situation, state language policy, civil initiatives to support the language, language activism*

Введение

Настоящее исследование нацелено на то, чтобы показать специфику инициатив гражданских и этноязыковых активистов в Республике Калмыкия в обеспечении сохранения и развития калмыцкого языка. В исследовании применялись эмпирические методы – невключенное наблюдение, дискурс-анализ, контент-анализ, этнологический мониторинг, вторичная интерпретация данных статистики и опросов. Информационными источниками исследования были региональные нормативно-правовые, распорядительные акты; публикации на официальных сайтах органов государственной власти Калмыкии, в иных интернет-ресурсах, в республиканских и городских газетах («Калмыкия сегодня», «Парламентский вестник Калмыкии», «Элистинский курьер», «Элистинская панорама», «Хальмг унн»); популярные социальные сети («Доска позора. Элиста», «Моя Калмыкия», «Политическая Калмыкия», «Черный список. Элиста. Калмыкия» и др.); данные официальной статистики, опросов населения.

Этноязыковая ситуация в Калмыкии

В национальной структуре населения республики по результатам всероссийской переписи 2010 г. выделялись две крупные группы – калмыки (56,2%) и русские (29,6%). Другие этнические сообщества на порядок и более уступали им по численности. Данные переписи 2020 г. (фактически проведенной в 2021 г.) о национальном составе населения к моменту подготовки статьи не обнародовались.

Степным Уложением (Конституцией) Калмыкии установлено, что государственные языки в республике – калмыцкий и русский. При этом в отношении калмыцкого языка сказано, что «его возрождение, сохранение, развитие и расширение среды употребления являются приоритетными задачами органов власти Республики Калмыкия» [Степное Уложение… , 1994]. В законе «О государственных языках Республики Калмыкия и иных

языках в Республике Калмыкия» декларируется, что «Республика Калмыкия, являясь единственным государственным образованием калмыцкого народа, обеспечивает заботу о сохранении и развитии калмыцкого языка как основы его национальной культуры». Более того, республика содействует сохранению, развитию и изучению калмыцкого языка за ее пределами. Закон также предусматривает утверждение региональным правительством государственных программ сохранения, изучения, развития и функционирования государственных языков республики [О государственных языках… , 2014].

Официальная документированная оценка состояния калмыцкого языка органами региональной власти содержалась в подпрограмме «Сохранение и развитие калмыцкого языка» государственной программы «Развитие образования Республики Калмыкия на 2013–2020 годы»: «Современная языковая ситуация в республике показывает, что для калмыцкого языка стало характерным ослабление его функционального развития, наблюдается неуклонное падение уровня владения родным языком среди представителей калмыцкой национальности» [О государственной программе «Развитие образования Республики Калмыкия на 2013–2020 годы», 2013]. В новой госпрограмме развития образования в регионе, принятой правительством, не оказалось подпрограммы сохранения и развития калмыцкого языка и оценок его состояния. Однако это не означало, что проблема перестала быть актуальной. По данным ЮНЕСКО, калмыцкий язык имеет некоторую опасность исчезновения. Результаты масштабного исследования о состоянии калмыцкого языка в 2020 г. с участием более тысячи опрошенных показали, что только 10% респондентов свободно разговаривают, читают, пишут, думают на калмыцком языке, тогда как у 67% низкий уровень языковой компетентности либо она отсутствует вовсе [Намруева, 2020].

В калмыцком дискурсе ситуация с неблагополучным состоянием языка, его низкой востребованностью вызывает большую тревогу, оценивается как бедственная, кризисная, а то и катастрофическая. Говорится, что язык уходит из повседневной жизни, замер в своем развитии, умирает, агонизирует; сокращается количество его носителей; калмыков, в совершенстве владеющих родным языком, немного, на нем практически перестали общаться между собой и с молодежью даже представители старшего поколения. Подчеркивается, что калмыков уже не смущает, что они не понимают язык, а в некоторых комментариях без обиняков говорится, что игнорируют и даже стесняются его [Музаев, 2022].

Нередко родители и их дети-школьники, особенно старшеклассники, делают выбор в пользу уклонения от изучения калмыцкого языка как родного, считая, что важнее сосредоточиться на подготовке к успешной сдаче ЕГЭ. Кроме того, они полагают, что в реалиях современной жизни русский, а также иностранные языки дадут больше

возможностей для личностного и профессионального роста, социальной адаптации и мобильности. Вдобавок нарекания значительной части родительской общественности вызывает методика преподавания калмыцкого языка в образовательных организациях, и ее просят изменить. Бытует мнение, что учебники ориентированы на детей, знающих язык, и делают акцент на грамматике, тогда как надо в первую очередь учить школьников, в массе своей не владеющих языком, разговорной речи [Басангов, 2022].

Специалисты делают тревожные выводы том, что в определении своей этнической принадлежности роль языкового фактора для калмыков не является определяющей [Намруева, 2020]. В обществе соглашаются, что калмыцкий язык утрачивает национальную значимость [Маштыкова, 2022], некоторые в своих размышлениях идут еще дальше, полагая, что угроза исчезновения калмыцкого языка влечет за собой угрозу исчезновения калмыцкой нации [Манджиев, 2020].

Не будет преувеличением сказать, что в настоящее время Калмыкия – русскоговорящий регион, за исключением нескольких сельских населенных пунктов, где бытует калмыцкий язык, да и то в соцсетях стали появляться комментарии, что в местах с доминирующим титульным населением дети уже не разговаривают на калмыцком, хотя им никто не мешает. Заседания Народного Хурала (Парламента) Калмыкии, правительства республики, других органов государственной и муниципальной власти проводятся на русском языке. Нормативно-правовые, распорядительные акты органов государственной власти и местного самоуправления публикуются также на русском языке. Нет ни одной газеты, которая выходила бы полностью на калмыцком языке. Главное официальное издание «Хальмг унн» («Калмыцкая правда») – двуязычное, русско-калмыцкое.

Проблемы государственной политики поддержки калмыцкого языка

Несмотря на удручающую ситуацию, самооценка представителей региональной власти по поводу государственной политики поддержки языка оставалась в основном положительной. Глава республики называл работу системной, в региональном правительстве считали, что они уделяют проблеме большое внимание. В публикации на официальном сайте кабинета это обосновывалось следующим образом: функционируют национальные школы и инновационные национально-образовательные учреждения; проводятся олимпиады по родному языку, транслируются теле- и радиопередачи на национальном языке; ведется работа по привлечению в систему образования дипломированных специалистов; молодым учителям калмыцкого языка и литературы в общеобразовательных организациях предусмотрена денежная выплата в размере 50 тыс. руб. в качестве подъемного капитала. В период с 1 января

2015 г. по 1 мая 2022 г. такие денежные выплаты получили 18 молодых учителей калмыцкого языка. В общеобразовательных учреждениях осуществляется закупка пособий по калмыцкому языку и литературе. На учебно-методические комплексы по предметам этнокультурной направленности ежегодно выделяется до 3 млн руб. из республиканского бюджета. Существует республиканский конкурс «Лучшая общеобразовательная организация, реализующая программы этнокультурного образования в системе общего и дополнительного образования» среди школ, расположенных в сельской местности. Кроме того, учителей, которые ведут пропаганду калмыцкого языка, и детей, добившихся успехов в его изучении, награждают премией «Келни билг». Для этих целей ежегодно из бюджета выделяется 120 тыс. руб. Ученики могут получить 5 тыс. руб., лучшие преподаватели, воспитатели и семьи, пропагандирующие калмыцкий язык, – 10 тыс. Действует бюджетное учреждение «Центр по развитию калмыцкого языка» [Сохранение… , 2022].

Правда, сами же власти признавали, что ситуация с калмыцким языком непростая, на достигнутом останавливаться нельзя. На публичных слушаниях об основных итогах исполнения регионального бюджета за 2021 г. руководитель правительства вынужден был согласиться, что «это все точечные решения, необходимы глобальные концепции для дальнейшей работы» [Диалог… , 2022]. Представители общественности, приближенные к официальным кругам, тоже положительно оценивали деятельность руководства. Но в основном калмыцкий социум был настроен иначе. Говорилось, что «на всевозможных конференциях, форумах, круглых столах, панельных дискуссиях обсуждаются проблемы, касающиеся состояния калмыцкого языка и развития национально-региональной системы образования, но, несмотря на безусловную актуальность и полезность этих обсуждений, воз и ныне там» [Болвсн, 2019]. Звучало недовольство тем, что власти не прилагают особых усилий по сохранению языка, его внедрению в повседневную жизнь, ограничиваются проведением «одноразовых акций» [Санджиев, 2021]. Отмечалось, что стало уменьшаться количество национальных классов. Например, в Элисте раньше они были почти в каждой школе, сейчас их нет. Одна из причин в том, что прежде для них велась подготовка педагогических кадров, а затем ее закрыли. На взгляд специалистов, это случилось из-за отсутствия должной заинтересованности на республиканском уровне [Манжусова, 2019]. Доклад об итогах деятельности администрации региональной столицы за 2021 г. подтверждал, что ни в одной из 22 муниципальных общеобразовательных организаций нет классов с углубленным изучением калмыцкого языка, только в 5 функционируют кружки, студии этнокультурной направленности. Калмыцкий язык изучают 13 148 обучающихся 1–

11-го классов, из них 1990 – дети нетитульной национальности. Русский как родной изучают 3048 школьников, из них 2206 – калмыки [Об итогах… , 2022].

От республиканского руководства калмыцкие активисты и общественность ждут большего. Масштабный опрос 2020 г., о котором уже упоминалось выше, выявлял также отношение граждан к мерам, предпринимаемым для развития калмыцкого языка. Результаты оказались неутешительными: 34,2% респондентов не удовлетворено указанными мерами, 19,9% совершенно не удовлетворено, 9,9% удовлетворено частично и только 5% удовлетворено полностью [Намруева, 2020].

Представляется, что государственную политику поддержки калмыцкого языка отличает ряд проблем. Остановимся на некоторых из них. Во-первых, это отсутствие программного подхода. Напомним, закон «О государственных языках Республики Калмыкия и иных языках в Республике Калмыкия», принятый в 2014 г., предусматривает, что региональное правительство утверждает государственные программы сохранения, изучения, развития и функционирования государственных языков республики. Прошло восемь лет после принятия закона, но программ как не было, так и нет. Хотя очевидно, что значительно ограниченный в своем функциональном применении калмыцкий язык остро нуждается в таком проекте, где были бы предусмотрены открытая для системы власти и общества постановка целей, задач, обозначение показателей, этапов, сроков реализации, ожидаемых результатов, определение исполнителей, объемы бюджетных ассигнований, другие параметры. Без этого трудно рассчитывать на грамотную, последовательную, разностороннюю, эффективную политику в рассматриваемом направлении.

Во-вторых, наблюдается размытая субъектность в политике поддержки калмыцкого языка. Закон «О государственных языках Республики Калмыкия и иных языках в Республике Калмыкия» почему-то не определяет полномочия главы, правительства, парламента, других органов власти в языковой сфере. Хотя в ряде других законов компетенции применительно к тем или иным областям деятельности определены. Например, в близком языковой среде региональном законе «О культуре».

В-третьих, имеет место непоследовательность действий и решений органов власти. Так, сначала в составе государственной программы «Развитие образования Республики Калмыкия» была утверждена подпрограмма «Сохранение и развитие калмыцкого языка» сроком действия до 2020 г. Затем, в 2018 г., до истечения периода ее реализации, подпрограмма была отменена. Руководство озвучивало привлекательные лозунги о том, что знание родного языка должно быть модным и престижным, о необходимости сберечь калмыцкий язык, развивать его, передать будущим поколениям, уделять ему еще больше

внимания. Вместе с тем на этом фоне сокращено количество номинаций ежегодной премии главы республики по калмыцкому языку.

В-четвертых, происходит сужение госполитики поддержки калмыцкого языка. С одной стороны, она явственно распространяется практически на одну сферу – образования. Другие аспекты получают меньше внимания, а то и не получают вовсе. Так, государство фактически отстранилось от нужд калмыцкой литературы и книгоиздания, что чрезвычайно беспокоит общественность. Калмыцкое книжное издательство ликвидировано, республиканская типография находится в состоянии банкротства. Многие годы бюджет не финансирует издание и переиздание книг калмыцких авторов, учебной литературы в необходимом объеме, переводческую деятельность. Известный калмыцкий писатель отмечал, что авторы вынуждены сами искать средства на издание книг, а состояние современной калмыцкой литературы охарактеризовал лаконично и безрадостно: существует автономно от местной власти, поскольку давно не пользуется ее поддержкой [Санджиев, 2022].

С другой стороны, и внутри системы образования масштабы государственного участия оставляли желать лучшего. В государственной программе «Развитие образования в Республике Калмыкия на 2013–2020 годы», как уже говорилось, была подпрограмма «Сохранение и развитие калмыцкого языка». В ныне действующей программе развития образования, рассчитанной до 2030 г., такой подпрограммы нет. Есть только три основных мероприятия в рамках подпрограммы «Содействие развитию дошкольного и общего образования», относящихся к языковой сфере: развитие и распространение государственных языков республики как основы гражданской самоидентичности; комплексное развитие калмыцкого языка, обеспечение научных основ языковой политики; совершенствование системы преподавания родного языка через внедрение новейших методов и приемов обучения языку. На самом же деле за такими обнадеживающими мероприятиями скрываются два скромных целевых индикатора и показателя – количество учителей калмыцкого языка, поступивших на работу в общеобразовательные организации, получающих денежное вознаграждение в качестве подъемного капитала; количество студентов, успешно обучающихся в Калмыцком госуниверситете по направлению «Филология: Калмыцкий язык и литература», получающих ежемесячную именную стипендию [О государственной программе Республики Калмыкия «Развитие образования Республики Калмыкия», 2018]. Конечно, при всем желании трудно признать, что это и есть «комплексное развитие калмыцкого языка».

Гражданские инициативы поддержки калмыцкого языка

Как бы то ни было, существует мнение, что все больше людей, в том числе внутренне мотивированной молодежи, даже выросшей в русифицированной среде, проявляют интерес к калмыцкому языку, и в обществе не желают мириться с его угасанием. Граждане, неправительственный сектор энергично заявляли о себе инициативами поддержки языка, и одна из особенностей этого процесса заключается в том, что он примечателен не только сам по себе, но и как своеобразное, пусть частичное, замещение недостатков государственной политики.

Следующая особенность языкового активизма выражается в том, что указанные инициативы можно условно разделить на три группы: предложения мер поддержки калмыцкого языка, адресованные как органам государственной власти, так и обществу; популяризация калмыцкого языка через возможности современных цифровых, информационных технологий (такие проекты, надо сказать, весьма динамично развиваются в последнее время); традиционные или оригинальные проекты без применения цифровых технологий.

К первой группе следует отнести, например, инициативы, адресованные прежде всего власти:

– принять закон о поддержке калмыцкого языка как исчезающего;

– учредить фонд поддержки калмыцкого языка за счет средств внешних нефтегазовых компаний в качестве компенсации за использование ими недр республики;

– сделать общественный совет по развитию калмыцкого языка при главе региона государственным;

– установить должность заместителя министра образования и науки по калмыцкому языку и создать соответствующий отдел в министерстве;

– возобновить работу республиканского совета «Родной язык» и Ассоциации учителей калмыцкого языка при Минобрнауки региона;

– осуществить ревизию учебников калмыцкого языка, актуализировать методику обучения;

– на законодательном уровне предусмотреть поощрительную систему для преподавателей калмыцкого языка и школьников, изучающих его;

– для более уверенного владения калмыцким языком развивать связи учащихся школ Калмыкии с ровесниками в Монголии и в монгольских районах Китая;

– объединить бюджетное учреждение «Центр по развитию калмыцкого языка» с другими профильными госучреждениями и на их базе создать Калмыцкий республиканский научный этнокультурный центр для улучшения языковой ситуации;

– возродить в Калмыцком госуниверситете кафедру методики преподавания калмыцкого языка;

– преобразовать педагогический колледж в педагогический институт, где сделать упор на подготовку учителей калмыцкого языка и т.д.

Звучали мнения о необходимости вернуть обязательное изучение калмыцкого языка в школах.

Сторонники радикальных взглядов предлагали установить для представителей власти, другого начальства обязанность пройти курсы изучения калмыцкого языка и тестирование, законодательно закрепить необходимость знания калмыцкого языка претендентами на должности государственной службы, руководителями-калмыками всех уровней.

Нельзя не заметить, что инициативы неоднозначны по значимости, масштабу, степени реальности осуществления, иным аспектам. Но особенность заключается в том, что значительная часть предложений оставалась без публичного внимания, интереса со стороны органов государственной власти (хотя, возможно, кулуарная реакция существовала). Последние, как правило, не выражали своего отношения, тем более, если проекты сопровождались критикой государственной языковой политики, звучали от представителей оппозиции.

Пожелания в адрес калмыцкой общественности касались, в основном, того, чтобы люди овладевали калмыцким языком, сами формировали языковую среду, начиная с семьи. Член Общественного совета по развитию калмыцкого языка при главе региона говорил: «С молоком матери ребенок должен впитывать родную речь. Все другие усилия государства: научные центры, образовательные учреждения, программы и методики не решат проблему родного языка, пока калмыцкий язык не вернется в семью, где на бытовом уровне должно проходить общение взрослых и детей. Поэтому сохранение языковой среды, исторического культурного наследия – наше общее дело, и оно зависит только от нас самих» [Дорджиева, 2021].

Активисты не ограничивались идеями, осуществляли акции, и нельзя не обратить внимание на распространение цифровых инициатив, что не было случайным. По мнению одного из специалистов, цифровизация дает новые инструменты и методы в обучении языку, его популяризации, а нынешняя молодежь имеет все возможности и навыки в IT-области, чтобы использовать этот потенциал на благо калмыцкого языка.

Примеры подобного рода проектов таковы. В формате pdf и аудио в интернете выложены лучшие, как считается, курсы изучения калмыцкого языка. В социальных сетях, мессенджерах постоянно появляются ссылки на онлайн-уроки, другие ресурсы, приложения к смартфонам для обучения калмыцкому языку. С Play Market и Appstore можно свободно скачать разработанные энтузиастами приложения «Кроссворды на калмыцком»; «Хальмг келн» (включает калмыцко-русский и русско-калмыцкий офлайн-словари); «Русско-калмыцкий разговорник» по разным темам; «Мана дун» с народными и современными песнями на калмыцком языке, калмыцкими танцевальными мелодиями; «Джангар» – текст одноименного калмыцкого эпоса на калмыцком и русском языках. В YouTube размещались переозвученные на калмыцком языке современные популярные мультфильмы, отдельные полнометражные фильмы, а также сопровожденные калмыцкими субтитрами клипы зарубежных певцов. Один из фондов формирует «базу данных», состоящую из коротких полезных видео-занятий с детьми по калмыцкому языку в семьях, детских садах, школах. Студент Калмыцкого государственного университета на грант Росмолодежи организовал всемирный онлайн-диктант по калмыцкому языку. В нем приняли участие около 2 тысяч человек из Калмыкии, а также дистанционно из Монголии, Синьцзяна (Китай), США, Франции, Чехии (надо полагать, из тамошних калмыцких диаспор). Акция была призвана проверить и повысить уровень знания языка, помочь избавиться от наиболее распространенных ошибок.

В последнее время получила развитие система республиканских государственных грантов для некоммерческих организаций, и в конкурсе на их получение преуспевали цифровые проекты. Пожалуй, самый значительный – создание электронной библиотеки учебников, учебных пособий, словарей калмыцкого языка, существующих с начала XX века, с открытым доступом к ней всех желающих. Еще один проект – установка мультиязычных, в том числе с калмыцким и старокалмыцким языками, информационных стел на культурных объектах Элисты. В YouTube появился молодежный канал «Джангрин ачнр» образовательно-просветительской направленности, в том числе ориентированной на желающих изучать калмыцкий язык на уровне разговорного.

Не остался незамеченным успешный опыт сотрудничества группы IT-энтузиастов и Центра по развитию калмыцкого языка в создании калмыцкого сегмента игровой метавселенной Roblox. Эта многопользовательская онлайн-платформа – не только собрание уже существующих игр, но и возможность разрабатывать собственные, она насчитывает почти 200 млн активных посетителей в месяц. Первая калмыцкая игра основана на сюжете,

где главному герою необходимо спасти калмыцкий национальный праздник весны Цаган Сар, для чего нужно пройти 11 уровней, задания в которых озвучены на калмыцком языке.

В группе нецифровых проектов поддерживались успешно зарекомендовавшие себя варианты поддержки калмыцкого языка, вместе с тем, появлялись новые. К первым следует отнести разнообразные бесплатные курсы обучения калмыцкому языку для всех желающих. Одни из самых известных проводятся с 2010 г. центральным хурулом «Золотая обитель Будды Шакьямуни» и благотворительным фондом «Буйн-Добродетель». Они ориентированы на людей разного возраста, как желающих усовершенствовать свои знания, так и начинающих. Очередное обучение состоялось летом 2022 г. В обществе позитивно оценивали этот проект, называли его успешным, отмечали, что он пользуется популярностью. Регулярно проводит курсы по изучению калмыцкого языка народный артист Калмыкии, отличник народного образования РФ С. Мучиряев. Кроме того, он проводит занятия в коллективах. Например, в 2021 г. это происходило в республиканском информационном агентстве «Калмыкия», Национальной библиотеке им. А.М. Амур-Санана. Руководитель Фонда содействия развитию калмыцкого языка «Сяяхн келн» регулярно проводила заседания клуба разговорного языка на базе постоянного представительства республики при президенте РФ в Москве. Один из энтузиастов организовал мастер-классы на калмыцком языке по калмыцким играм в детском летнем лагере.

Особенностью инициатив в области привычного варианта поддержки калмыцкого языка стало стремление выйти за устоявшиеся рамки в поисках новых способов и форм курсового обучения языку. Многообещающе выглядит инициатива группы активистов «Учим калмыцкий за 16 часов с Дмитрием Петровым», воплощение которой уже началось. Этот российский полиглот и переводчик известен, в частности, как автор циклов передач на телеканале «Культура» по ускоренному обучению разным языкам. Калмыцкие энтузиасты надеются, что с высокопрофессиональным и популярным ведущим можно совершить прорыв в изучении калмыцкого языка. Для этого решено воспользоваться отработанной авторской методикой – создать и выпустить в эфир реалити-шоу из шестнадцати 45-минутных уроков специалиста. Их запись началась [Ремишевская, 2022].

Реализован ряд новых оригинальных инициатив. Учитель начальных классов сельской гимназии создала калмыцкий алфавит Брайля в помощь слепым и слабовидящим. Общественный фонд содействия развитию калмыцкого языка «Хальмг келн» организовал месячный курс для молодых родителей, бабушек и дедушек по бесплатному разучиванию колыбельных песен на калмыцком языке. Художник-мультипликатор снял мультфильм по

калмыцкой сказке, ученики и семья одного из учителей сделали на калмыцком языке мультфильмы «Теремок», «Репка».

Появлялись и другие общественные или персональные инициативы поддержки калмыцкого языка. В основном они положительно воспринимались в калмыцком социуме, но, надо признать, часть общественности, судя по всему, незначительная, выражала неверие в благие намерения активистов, подозрения в популизме, желании поживиться на грантах, «раскошелить» спонсоров. С другой стороны, от властей недоставало мер поощрения по отношению к авторам, участникам полезных инициатив. Речь не только о материальных, финансовых, но и моральных, статусных стимулах. Как уже говорилось, сокращено количество номинаций ежегодной премии главы республики по калмыцкому языку. Она вручается учителю, воспитателю, учащемуся, семье, но не учитывает общественных, сетевых, других активистов, успешно поддерживающих и популяризирующих калмыцкий язык. Шире могли бы использоваться такие формы поощрения языковых общественников, как, например, объявление благодарности, награждение грамотами, другими республиканскими и муниципальными знаками отличия, званиями. Представляется, что эти проблемы отчасти связаны с размытой субъектностью в госполитике поддержки калмыцкого языка, о чем говорилось выше. В ситуации неопределенности полномочий и ответственности органов власти оказывается неопределенным и вопрос о том, какие из них и на какие гражданские инициативы должны обращать внимание, реагировать помощью и поощрительными мерами.

Заключение

Подводя итоги, скажем еще раз, что калмыцкий язык в настоящее время переживает период ослабления функциональности, востребованности, в калмыцком этносе наблюдается низкий уровень владения языком. Фактически Калмыкия стала русскоговорящим регионом, если не считать нескольких сельских населенных пунктов. Это вызывает обеспокоенность не только в профессиональной среде калмыковедов, лингвистов, но и в обществе, во власти. Последняя принимает меры государственной поддержки языка, однако они оцениваются как недостаточные. Госполитику в указанной сфере отличает ряд проблем. Это, прежде всего, отсутствие программного подхода, размытая субъектность в обеспечении развития калмыцкого языка, непоследовательность действий и решений, сужение масштабов поддержки. От руководства республики граждане, активисты ждут большего, но, вместе с тем, энергично заявляют о себе инициативами поддержки языка. В сложившейся ситуации подобные инициативы становятся примечательными не только сами по себе, но и

приобретают особенность своеобразного, пусть частичного, замещения недостатков государственной политики. Не исключено, что без него калмыцкий язык оказался бы в еще более сложном состоянии.

Гражданские инициативы можно условно разделить на три группы. Одна из них – предложения мер поддержки калмыцкого языка, адресованные как органам государственной власти, так и обществу. Вторая – популяризация калмыцкого языка через возможности современных цифровых, информационных технологий. Третья – традиционные или оригинальные проекты без применения цифровых технологий.

В первом случае органам власти предлагались идеи в области поддержки калмыцкого языка, направленные на совершенствование языкового законодательства, системы управления, образования, финансирования. Пожелания в адрес калмыцкой общественности касались, в основном, того, чтобы люди овладевали калмыцким языком, формировали языковую среду, начиная с семьи. Особенность этой группы инициатив заключается в том, что значительная часть предложений оставалась без публичной реакции, проявления интереса со стороны органов государственной власти.

Популяризация калмыцкого языка с помощью цифровых инициатив происходила в интернете, мессенджерах, соцсетях через различные онлайн- или офлайн-форматы привлечения внимания к калмыцкому языку, помощи в освоении языковых компетенций. Энтузиасты действовали в широком диапазоне – от размещения ссылок на соответствующие электронные ресурсы до разработки и распространения приложений к смартфонам, ориентированных на использование и постижение калмыцкого языка, создания калмыцкой компьютерной игры, доступной на глобальной платформе. Здесь особенностью является динамичное развитие IT-проектов.

В группе нецифровых проектов поддерживались успешно зарекомендовавшие себя разнообразные бесплатные курсы обучения калмыцкому языку для всех желающих. Особенностью в области привычного варианта поддержки калмыцкого языка стало стремление выйти за устоявшиеся рамки в поисках новых способов и форм курсового обучения языку. К новым инициативам следует отнести, например, создание калмыцкого алфавита Брайля в помощь слепым и слабовидящим, мультфильмов на калмыцком языке, проведение курсов для родителей, бабушек и дедушек по разучиванию калмыцких колыбельных песен.

Конечно, не обходится без трудностей. Часть инициатив воспринимается неоднозначно, не получает должного внимания, авторы и участники полезных проектов не всегда удостаиваются материальной поддержки, морального, статусного поощрения.

Вопрос о будущем калмыцкого языка остается дискуссионным, общественность и специалисты расколоты во взглядах на перспективы. Одни считают, что процесс утраты калмыцкого языка стал необратимым, ему грозит исчезновение. Другие остаются оптимистами, полагая, что язык не погибнет. Судя по всему, оптимистов больше, они понимают, что для благополучия калмыцкого языка потребуется упорная работа. В ней, как видно, гражданские инициативы являются немаловажным полезным и перспективным подспорьем.

Литература

Басангов И. (2022) Анда – Андрей Бадмаев // Хальмг унн. 10 сент.

Болвсн Х. (2019) Псевдоревнители // Элистинский курьер. 7 нояб.

Диалог общества и государства: публичные слушания об исполнении республиканского бюджета за 2021 год (2022) // Правительство Республики Калмыкия [официальный сайт]. Режим доступа: http://www.kalmregion.ru/novosti/dialog-obshchestva-i-gosudarstva-publichnye-slushaniya-ob-ispolnenii-respublikanskogo-byudzheta-za-2/. Дата обращения: 26.11.2022.

Дорджиева К. (2021) Слагаемые успеха ученого Лиджиева // Хальмг унн. 4 дек.

Манджиев С. (2020) Самое главное – понимать и любить детей // Хальмг унн. 3 окт.

Манжусова В. (2019) «Островок» сохранения языка // Калмыкия сегодня. 13 нояб.

Маштыкова Т. (2022) Как повысить статус родного языка? // Элистинская панорама. 3 сент.

Музаев Л. (2022) Встречи калмыков с хазарейцами // Хальмг унн. 8 сент.

Намруева Л. (2020) Сохраним родной язык // Хальмг унн. 10 окт.

Об итогах деятельности Главы Администрации города Элисты и Администрации города Элисты за 2021 год : Решение Элистинского городского собрания шестого созыва от 31 марта 2022 г. №2 // Элистинская панорама. 5 апр.

О государственной программе «Развитие образования Республики Калмыкия на 2013-2020 годы»: Постановление Правительства Республики Калмыкия от 7 мая 2013 г. №214 (утратило силу с 1 января 2019 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document /460210846. Дата обращения: 26.11.2022.

О государственной программе Республики Калмыкия «Развитие образования Республики Калмыкия»: Постановление Правительства Республики Калмыкия от 27 декабря 2018 г. №416 (с изменениями на 26 сентября 2022 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/ document/ 550333944 (дата обращения: 26.11.2022).

О государственных языках Республики Калмыкия и иных языках в Республике Калмыкия: Закон Республики Калмыкия от 15 декабря 2014 года №93-V-З. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/423902412. Дата обращения: 26.11.2022.

Ремишевская А. (2022) «Учим калмыцкий за 16 часов» // Хальмг унн. 6 сент.

Санджиев А. (2021) Калмыкия завтра // Элистинский курьер. 16 сент.

Санджиев А. (2022) Единственный писатель-романист // Элистинский курьер. 13 янв.

Сохранение и развитие родного языка – опора национальной самобытности (2022) // Правительство Республики Калмыкия [официальный сайт]. Режим доступа: http://www.kalmregion.ru/novosti/sokhranenie-i-razvitie-rodnogo-yazyka-opora-natsionalnoy-samobytnosti/. Дата обращения: 26.11.2022.

Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия от 5 апреля 1994 года (с изменениями на 10 июня 2021 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document /720705887. Дата обращения: 26.11.2022.

References

Basangov, I. (2022) Anda – Andrej Badmaev [Anda – Andrey Badmaev] // Hal'mg unn. 2022. September 10. (In Russ.)

Bolvsn, H. (2019) Psevdorevniteli [Pseudo-loggers] // Jelistinskij kur'er. 2019. November 7. (In Russ.)

Dialog obshhestva i gosudarstva: publichnye slushanija ob ispolnenii respublikanskogo bjudzheta za 2021 god [Dialogue between society and the state: public hearings on the implementation of the republican budget for 2021] (2022) // Pravitel'stvo Respubliki Kalmykija [Government of the Republic of Kalmykia]. Available at: http://www.kalmregion.ru/novosti /dialog-obshchestva-i-gosudarstva-publichnye-slushaniya-ob-ispolnenii-respublikanskogo-byudzheta-za-2/. Access date: 26.11.2022. (In Russ.)

Dordzhieva, K. (2021) Slagaemye uspeha uchenogo Lidzhieva [The components of the success of the scientist Lidzhiev] // Hal'mg unn. December 4. (In Russ.)

Mandzhiev, S. (2020) Samoe glavnoe – ponimat' i ljubit' detej [The most important thing is to understand and love children] // Hal'mg unn. October 3. (In Russ.)

Manzhusova, V. (2019) «Ostrovok» sohranenija jazyka [The «island» of language preservation] // Kalmykija segodnja. November 13. (In Russ.)

Mashtykova, T. (2022) Kak povysit' status rodnogo jazyka? [How can I improve the status of my native language?] // Jelistinskaja panorama. September 3. (In Russ.)

Muzaev, L. (2022) Vstrechi kalmykov s hazarejcami [Meetings of Kalmyks with Khazars] // Hal'mg unn. September 8. (In Russ.)

Namrueva, L. (2020) Sohranim rodnoj jazyk [Let's keep our native language] // Hal'mg unn. October 10. (In Russ.)

Ob itogah dejatel'nosti Glavy Administracii goroda Jelisty i Administracii goroda Jelisty za 2021 god : Reshenie Jelistinskogo gorodskogo sobranija shestogo sozyva ot 31 marta 2022 g. №2 [On the results of the activities of the Head of the Administration of the City of Elista and the Administration of the City of Elista for 2021 : Decision of the Elista City Assembly of the sixth convocation of March 31, 2022 No. 2] // Jelistinskaja panorama. 2022. April 5. (In Russ.)

O gosudarstvennoj programme «Razvitie obrazovanija Respubliki Kalmykija na 2013–2020 gody» : Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kalmykija ot 7 maja 2013 g. №214 (utratilo silu s 1 janvarja 2019 g. [On the state program «Development of Education of the Republic of Kalmykia for 2013–2020» : Resolution of the Government of the Republic of Kalmykia dated May 7, 2013 No. 214 (expired on January 1, 2019)] // Jelektronnyj fond pravovyh i normativno-tehnicheskih dokumentov [Electronic fund of legal and regulatory documents]. Available at: https://docs.cntd.ru/document/460210846. Access date: 26.11.2022. (In Russ.)

O gosudarstvennoj programme Respubliki Kalmykija «Razvitie obrazovanija Respubliki Kalmykija» : Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kalmykija ot 27 dekabrja 2018 g. №416 (s izmenenijami na 26 sentjabrja 2022 g.) [On the State Program of the Republic of Kalmykia «Development of Education of the Republic of Kalmykia» : Resolution of the Government of the Republic of Kalmykia dated December 27, 2018 No. 416 (as amended on September 26, 2022)] // Jelektronnyj fond pravovyh i normativno-tehnicheskih dokumentov [Electronic fund of legal and regulatory documents]. Available at: https://docs.cntd.ru/document/550333944. Access date: 26.11.2022. (In Russ.)

O gosudarstvennyh jazykah Respubliki Kalmykija i inyh jazykah v Respublike Kalmykija : Zakon Respubliki Kalmykija ot 15 dekabrja 2014 goda №93-V-Z. [On the State languages of the Republic of Kalmykia and other languages in the Republic of Kalmykia : Law of the Republic of Kalmykia No. 93-V-Z of December 15, 2014.] // Jelektronnyj fond pravovyh i normativno-tehnicheskih dokumentov [Electronic fund of legal and regulatory documents]. Available at: https://docs.cntd.ru/document/423902412. Access date: 26.11.2022. (In Russ.)

Remishevskaja, A. (2022) «Uchim kalmyckij za 16 chasov» [«Learning Kalmyk in 16 hours»] // Hal'mg unn. September 6. (In Russ.)

Sandzhiev, A. (2022) Edinstvennyj pisatel'-romanist [The only novelist writer] // Jelistinskij kur'er. January 13. (In Russ.)

Sandzhiev, A. (2021) Kalmykija zavtra [Kalmykia tomorrow] // Jelistinskij kur'er. September 16. (In Russ.)

Sohranenie i razvitie rodnogo jazyka – opora nacional'noj samobytnosti (2022) [Preservation and development of the native language is a pillar of national identity] // Pravitel'stvo Respubliki Kalmykija [Government of the Republic of Kalmykia]. Available at: http://www.kalmregion.ru/novosti/sokhranenie-i-razvitie-rodnogo-yazyka-opora-natsionalnoy-samobytnosti/. Access date: 26.11.2022. (In Russ.)

Stepnoe Ulozhenie (Konstitucija) Respubliki Kalmykija ot 5 aprelja 1994 goda (s izmenenijami na 10 ijunja 2021 g.). [The Steppe Code (Constitution) of the Republic of Kalmykia dated April 5, 1994 (as amended on June 10, 2021)] // Jelektronnyj fond pravovyh i normativno-tehnicheskih dokumentov [Electronic fund of legal and regulatory documents]. Available at: https://docs.cntd.ru/document/720705887. Access date: 26.11.2022. (In Russ.)

Волгин Владимир Леонидович – кандидат политических наук, независимый исследователь, эксперт Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем, Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов.
Адрес: Ленинский проспект, 32а, 119334, г. Москва, Российская Федерация.
Эл. адрес: vvlrk@mail.ru

Для цитирования: *Волгин В.Л.* Особенности гражданских инициатив поддержки калмыцкого языка в ситуации его кризиса [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2022. № 4 (12). С. 29–44. DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-29-44.

For citation: *Volgin, V.L.* Features of civil initiatives to support the Kalmyk language in the situation of its crisis [online] // Sociolinguistics. 2022. No. 4 (12). Pp. 29–44. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-29-44

УДК 81 272 DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-45-70

ДИНАМИКА ВЫПУСКА ПЕРИОДИКИ НА РУССКОМ И РЕСПУБЛИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ НАРОДОВ РФ (1970–2021)

Мария А. Горячева
Институт языкознания Российской академии наук,
Российская Федерация

Сфера СМИ в жизни языков является одной из доминантных, лишь немногим уступая в значимости сфере образования. В статье проанализирована динамика функционирования русского языка и республиканских государственных языков (РГЯ) Российской Федерации в сфере периодической печати. Широкий временной срез (1970–2021) позволил провести периодизацию и выявить основные тенденции развития государственных языков республик РФ в данной коммуникативной сфере, а также наметить возможную динамику ее развития. В статье газетная и журнальная печатная продукция анализировалась на основе выпусков статистических сборников «Печать СССР» и «Печать Российской Федерации» за выбранный период, а также на основе ряда других источников. Подсчеты на основе этих данных, а также материалов переписей населения, обобщены в ряде таблиц. При работе над статистикой привлекались лингводемографические данные переписей населения, законы и подзаконные акты в различных сферах жизни страны (социальной, экономической, политической), результаты опросов ВЦИОМ и отраслевые доклады Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций. Графики и диаграммы позволят наглядно увидеть удельный вес рассматриваемых языков в этой коммуникативной сфере, представить динамику их функционирования в периодической печати и ее основные тенденции. На основе специального индекса изучается уровень обеспеченности населения печатной периодической продукцией на республиканских государственных языках. Практическая полезность статьи, помимо изучения заявленной темы, также в обобщенных и наглядно представленных сведениях об изменении численности этносов-носителей рассматриваемых языков при историческом сдвиге от СССР к Российской Федерации и ряду сопредельных государств.

***Ключевые слова**: языковая ситуация в республиках РФ, коммуникативные сферы, сфера СМИ, русский язык, государственные языки республик РФ, диахроническая социолингвистика, СССР, периодическая печать.*

DYNAMICS OF PERIODICALS PRODUCTION IN RUSSIAN AND REPUBLICAN STATE LANGUAGES OF PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION (1970–2021)

Maria A. Goryacheva
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

The sphere of mass media in language life is one of the dominant ones, only slightly yielding in importance to the sphere of education. The paper analyzes the dynamics of the functioning of the Russian language and the republican official languages (ROL) of the Russian Federation in the field of periodicals. A wide time slice (1970–2021) made it possible to carry out periodization and to identify the main trends in the development of the state languages of the republics of the Russian Federation in this communicative sphere, as well as to outline the possible dynamics of its development. In the article, newspaper and magazine printed products were analyzed on the basis

of the releases of the statistical collections "Print of the USSR" and "Print of the Russian Federation" for the selected period, as well as on the basis of a number of other sources. Estimates based on these data, as well as data from population censuses, are summarized in a number of tables. When working on statistics, the author used linguo-demographic data of population censuses, laws and by-laws in various spheres of the country's life (social, economic, political), the results of the Russian Public Opinion Research Center surveys and sectoral reports of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media. Graphs and diagrams will allow you to visually see the share of the considered languages in this communicative sphere, to present the dynamics of their functioning in the periodical press and its main trends. On the basis of a special index, the level of provision of the population with printed periodicals in the republican state languages is studied. The practical usefulness of the article, in addition to studying the stated topic, is also in generalized and clearly presented information about the change in the number of ethnic groups-carriers of the languages under consideration during the historical shift from the USSR to the Russian Federation and a number of neighboring states.

Keywords*: language situation in the republics of the Russian Federation, communication spheres, media sphere, Russian language, state languages of the republics of the Russian Federation, diachronic sociolinguistics, USSR, periodicals*

1. Введение

Сфера массовой коммуникации считается в социолингвистике одной из доминантных коммуникативных сфер. Периодическая печать является одной из разновидностей средств массовой коммуникации. Как и все СМИ, сфера периодической печати выполняет одновременно информационную, оценочную, образовательную и познавательно-просветительную, воспитательную, развлекательную функции, функцию идеологического и прочего воздействия на потребителей [Горячева, 2016: 464–466]. Необходимыми признаками также являются периодичность (по законодательству Российской Федерации, не меньше одного раза в год) и массовость (1000 и более экземпляров для издаваемых газет и журналов). Также есть категория «Листовая и другая печатная продукция, не распределенная по основным видам изданий». К периодическим печатным изданиям относятся: газеты, журналы, сборники, бюллетени, а также в советское время «Роман-газета», блокноты агитатора и т.п.

Поскольку многие периодические издания продублированы в интернете и имеют возможность комментирования, то на первые места выступает коммуникативная функция: обсуждения, комментарии к размещенным на сайтах статьям, передачам, опросы и т.п.). Это дает возможность обратной связи с аудиторией и значительно повышает роль периодической печати в современном мире.

Периодическая печать подразделяется на газеты, журналы, альманахи, сборники, бюллетени. Цель исследования – рассмотрение динамики выпуска газетной и журнальной продукции на языках народов России в 1970–2022 гг. в контексте ряда экстралингвистических параметров. В статье рассматриваются республиканские

государственные языки (РГЯ). Предполагается развить тему в следующей статье, посвятив ее другим статусным группам языков РФ.

2. Источники и периодизация исследования

Главным нашим источником стали статистические данные, публикуемые Российской книжной палатой: до 2010 г. в бумажном, с 2012 г. – в электронном виде на сайте [Российская книжная палата]. Высокий уровень статистической достоверности обеспечен Федеральным законом «Об обязательном экземпляре документов», по которому «производители документов в целях последующего распределения изданий между крупнейшими библиотечно-информационными организациями доставляют в день выхода в свет первой партии тиража печатных изданий в Российскую книжную палату» 16 обязательных бесплатных экземпляров книг и брошюр, журналов и продолжающихся изданий. Руководитель Книжной палаты в предисловиях к статистическим выпускам систематически сетует, что далеко не все издатели исполняют указанный Закон или же исполняют не в той степени, которую Закон предусматривает. «В результате никто точно не знает, сколько же в стране издается книг, брошюр, журналов, газет, другой печатной продукции. Еще труднее определить точный тираж выпускаемых изданий, поскольку, как уже упоминалось в предисловии, далеко не все издания содержат в своих выпускных данных сведения о тираже» [Ленский, 2004: 9]. Практически в каждом предисловии к выпускам он призывает издателей точно соблюдать требования закона для увеличения степени полноты отражаемой в сборниках информации.

«Пилотный проект» исследования был осуществлен в 2021 г., когда на примере республики Якутия была изучена динамика выпуска газетной и журнальной продукции за данный период. Его результаты были представлены в виде доклада на конференции [Горячева, 2021]. В статье мы сочли целесообразным осуществить переход на макроуровень, приняв его результаты за точку отсчета. Основываясь на них, мы сделали статистическую выборку за определенные годы, сосредоточив внимание на этих хронологических срезах. В то время как советский период представляется десятилетиями, последующий хронологический отрезок представлен статистикой за 1999, 2002, 2003, 2008, 2012, 2013, 2017, 2020 и 2021 гг. Именно в этот период можно ожидать скачков статистических показателей. Некруглая дата – 1999 – стала «мостиком» к оценке выявленного в исследовании по якутскому языку провала 2002 г., при этом позволив избежать слишком близкого расположения трех точек на графике. 2003 г. позволил оценить уровень и последствия провала 2002 г.

Второй аспект, положенный в основу исследования с учетом опыта со статистическими данными по республике Якутия – сосредоточение внимания на таких параметрах, как «число номеров» и «общий годовой тираж» как на наиболее репрезентативных. Следует отметить, что именно они приводятся в изданиях «Печать РФ в … году», чтобы показать общую динамику печатной продукции.

3. Языки в сфере периодики

Мы решили взять за основу группировки языков признак их юридического статуса. По нему языки РФ делятся на:

− государственный язык РФ (русский);

− государственные языки субъектов Федерации (или республиканские государственные языки): абазинский, аварский, агульский, адыгейский, азербайджанский, алтайский, башкирский, бурятский, даргинский, ингушский, кабардино-черкесский, калмыцкий, карачаево-балкарский, коми, крымскотатарский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, марийские (луговомарийский и горномарийский), мордовские (мокшанский и эрзянский), осетинский, рутульский, табасаранский, татарский, татский, тувинский, удмуртский, украинский, хакасский, цахурский, чеченский, чувашский, якутский;

− языки с официальным статусом: вепсский, долганский, казахский, карельский, коми-пермяцкий, мансийский, ненецкий, селькупский, финский, хантыйский, чукотский, эвенкийский, эвенский, юкагирские (северноюкагирский и южноюкагирский);

− языки коренных малочисленных народов РФ (группа частично пересекается с предыдущей; критерий – численность соответствующего этноса менее 50 тыс. чел.);

− языки народов, не являющихся народами РФ, которые делятся на: 1) языки народов стран бывшего СССР; языки народов стран дальнего Зарубежья; языки народов, не имеющих собственных государственных образований (например, ассирийский, цыганский). Следует учитывать, что ряд языков народов стран бывшего СССР являются одновременно языками народов РФ, даже республиканскими государственными (украинский, азербайджанский).

Безусловно, в рамках одной статьи невозможно более-менее полно показать степень функциональной активности всех используемых в этой сфере языков. К тому же языки бывших союзных республик представляют интереснейший материал для социолингвистического исследования и, несомненно, требуют отдельного изучения. Также необходимо подробное рассмотрение ситуации в этой сфере с языками малочисленных народов РФ. В статье мы сосредоточились на русском языке как государственном языке

страны и на группе республиканских государственных языков. Следует сказать и о выбивающихся из общей картины азербайджанском и украинском языках. Азербайджанский язык считается государственным в Республике Дагестан на основании проекта Закона о языках республики, согласно которому государственными были провозглашены языки всех народов Дагестана вне зависимости от числа их носителей и степени развитости литературного языка. Идут споры и о том, сколько же языков в этом регионе – 28 или 32. Ст. 11 Конституции Республики Дагестан от 10 июля 2003 г. закрепляет статус государственных языков Республики Дагестан за русским языком и языками народов Дагестана, но перечень этих языков не приводится. Таким образом, эта правовая лакуна существует до сих пор, но работа в данном направлении продолжается. Не углубляясь в эту тему, мы будем ориентироваться на ставший традиционным еще с советской эпохи список 14 условно «титульных» языков народов Дагестана, пусть даже и с не вполне утвержденным статусом «государственных» языков.

Украинский язык приобрел статус государственного языка в Республике Крым согласно статье 10 Конституции Республики Крым [Конституция Республики Крым] и Закону о языках, который до 2017 г. функционировал в виде проекта, а 24 мая 2017 г. был принят специальным постановлением [Постановление Государственного Совета…, 2017]. Украинцы составляют 16% населения Республики Крым, являясь вторым по численности после русских народом нового субъекта РФ.

В СССР рубрикация периодических изданий была следующей: языки народов СССР (с отдельным выделением языков народов Дагестана и народов Севера), языки народов зарубежных стран. Проведение диахронического исследования затрудняет тот факт, что приводятся данные по всему Советскому Союзу в целом (Таблицы 35 «Выпуск периодических и продолжающихся изданий (без газет) на языках народов СССР и народов зарубежных стран» и 41 «Выпуск газет на языках народов СССР и народов зарубежных стран»). Таблица 52 «Выпуск журналов на языках народов СССР» и Таблица 58 «Выпуск газет на языках народов СССР» по республикам представляет лишь сведения о языке данной республики СССР, о русском языке и о «других языках народов СССР», вместе взятых. Поэтому при изучении динамики выпуска периодики для украинского и азербайджанского языков надо будет это учитывать. В сборниках «Печать Российской Федерации» таблицы назывались «Выпуск газет на языках народов мира» и «Выпуск журналов на языках народов мира».

Следует обратить особое внимание на ряд языков, которые в зависимости от года статистической отчетности назывались по-разному. Это, прежде всего, марийские и

мордовские языки. Марийские в советское и частично в постсоветское время назывались «марийский» (причем имелся в виду луговой) и «марийский (горное наречие)», мордовские – «мордовский-мокша» и «мордовский-эрзя» – с дефисным написанием. В постсоветское время в статистических сборниках по печати появляются названия «мокшанский», «эрзянский». Марийские же языки также зачастую представлены в виде «марийский язык», при этом имеется в виду луговой. Горные марийцы составляют приблизительно 1/3 всего марийского населения, луговые – 2/3. Мокшане составляют примерно 1/3 мордовского населения, а эрзяне – 2/3. Алтайский язык в ряд лет, например в 1990 г., имел в скобках уточнение «ойротский».

Также путаницу могут вызывать кабардино-черкесский и карачаево-балкарский языки, которые являются одними из государственных языков в Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республиках. Кабардино-черкесский – язык кабардинцев и черкесов. Название языка может варьироваться в зависимости от условий: в Кабардино-Балкарской Республике он официально именуется кабардинский; в Карачаево-Черкесской Республике – черкесским; в лингвистической литературе встречаются все три варианта: кабардино-черкесский, черкесский, кабардинский. Название карачаево-балкарского языка также может варьироваться в зависимости от условий: в Карачаево-Черкесской Республике он официально именуется карачаевским, в Кабардино-Балкарской Республике – балкарским, в лингвистической литературе также используется все три варианта. Поскольку данные по рассматриваемой сфере предоставлялись из республик, то показатели по двум этим языкам разнесены на четыре, а иногда и на шесть строчек. Для кабардино-черкесского языка суммированы показатели по кабардинскому и черкесскому, для карачаево-балкарского языков – по карачаевскому и балкарскому соответственно.

Крымскотатарский язык в советских статистических сборниках писался через дефис. Особенностям и истории вопроса его написания в журнале «Социолингвистика» посвящена целая статья [Иванова, 2020: 138–149].

В СССР в официальной литературе, в том числе в нашем источнике, словосочетание «еврейский язык» обозначало именно идиш, иврит же назывался «древнееврейским». В сборниках «Печать РФ» язык называется «идиш».

Итак, начнем с крайних точек выбранного периода.

Современное состояние функционирования языков в сфере периодики.

Следует сказать несколько слов о 2022 г. К сожалению, на момент работы над статьей данные за первое полугодие были выложены лишь по числу непериодических изданий, в том числе книг и брошюр. При сравнении их числа с показателями за первое полугодие 2021 г.

оказалось, что за первое полугодие 2022 г. всех непериодических изданий было выпущено на 3,5% больше, а книг и брошюр – на 4 % больше, чем за соответствующий период 2021 г. Вероятно, общее число периодических изданий в первом полугодии также не сократилось, а даже увеличилось. Но, к сожалению, что касается второго полугодия, то из-за санкций имеется высокая вероятность сокращения как тиражей, так и, возможно в меньшей степени, числа наименований печатных изданий, в том числе периодики. Не исключено, что в 2023 г. число наименований периодических изданий будет сокращаться и дальше.

Итоговое число всей газетной продукции, прошедшей через Книжную палату, в 2021 г. составило 7324 наименования на 62 языках разных статусных типов. Оно отражено в таблице 37 под названием «Выпуск газет на языках народов мира» на сайте Российской книжной палаты. Суммарный годовой тираж издаваемых газет составляет 4,3 млрд экземпляров. Рассмотрим подробнее этот состав применительно к теме статьи.

4.1 Русский язык

В 2021 г. на русском языке издавалось 4956 наименований газетной продукции годовым тиражом 4 252 875 100 экземпляров, что составляет 92,3% от всех наименований издаваемых в РФ газет и 98,5% их годового тиража соответственно.

Таким образом, процент наименований газетной продукции на всех остальных языках мира, кроме русского, составляет 7,7%, процент тиражей – 1,5%.

Число газет на республиканских государственных языках (без русского языка) равно 507 наименованиям и 61 680 500 единицам годового тиража. Соответственно доля наименований газет на РГЯ составляет 7% всех газет и 1,43% годовых тиражей.

Для большей наглядности соотношения представленности языков нами были составлены Диаграммы 1 и 2.

Диаграмма 1. Число наименований газет по типам языков в 2021 г.

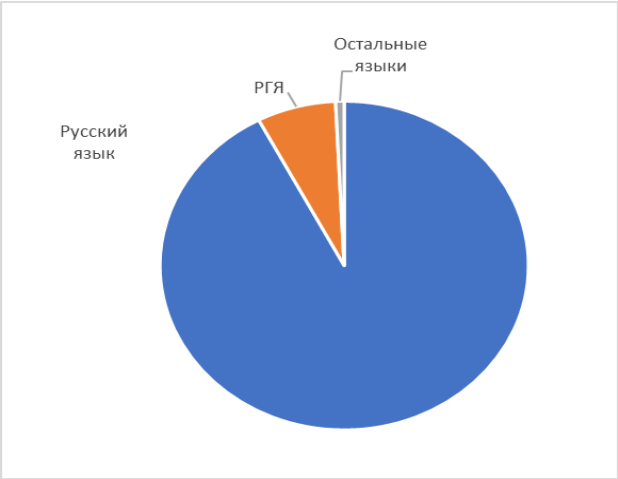
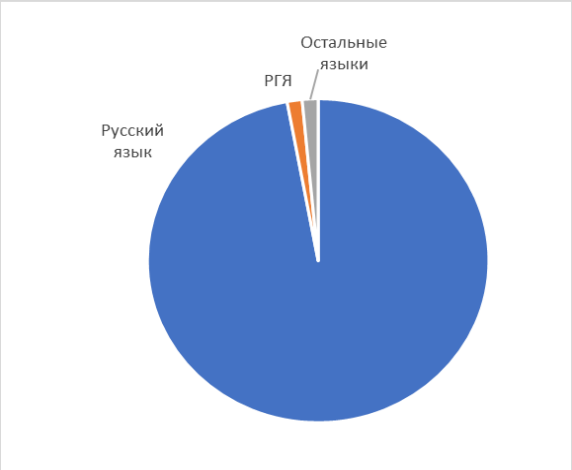


Диаграмма 2. Годовой тираж газет по типам языков в 2021 г.



4.2. РГЯ (без русского языка)

На основе произведенных нами подсчетов вырисовывается следующая картина. В 2021 г. все без исключения РГЯ функционировали в сфере периодической печати. На них выходило 507 наименований газет общим годовым тиражом 616 805 000, т.е. почти 617 млн экземпляров.

По числу изданий газет все РГЯ можно разделить на следующие группы: 1) татарский язык (169 наименований); 2) башкирский, якутский, чувашский языки (четыре десятка наименований); 3) аварский, чеченский, осетинский, марийский луговой, удмуртский, алтайский, бурятский, тувинский языки (20–10 наименований); 4) лезгинский, крымскотатарский, даргинский, калмыцкий, карачаево-балкарский, кумыкский, коми-зырянский, лакский, мордовский эрзя языки (9–5 наименований); 5) мордовский мокша, адыгейский, табасаранский, хакасский, абазинский, азербайджанский, ингушский,

ногайский, агульский, рутульский, татский, украинский, цахурский языки (4–1 наименований).

Сравнив число изданий и размер годовых тиражей, мы видим, что между этими двумя группировками имеется высокая степень корреляции, что вполне ожидаемо.

5. Динамика функционирования русского языка и РГЯ в сфере периодики в 1970–2021 гг.

5.1 Советский период: особенности сравнения с российским периодом

Прежде всего, следует учесть, что фактически это была другая страна, с другими размерами и составом субъектов. Российская Федерация по сравнению с СССР территориально уменьшилась на 23,6%, а по численности населения – на 50%, при этом языковое разнообразие изменилось незначительно. Применительно к целому ряду языков, необходимо оговорить произошедшие трансформации. Для наглядности мы обобщили статистические показатели численности этносов в Таблице 1, составленной на основе данных последней Всесоюзной Переписи населения 1989 г. Для графы «Союзные республики» мы воспользовались подсчетами, приведенными в статьях по соответствующим языкам в труде Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН «Письменные языки мира. Языки Российской Федерации» [Письменные языки… Т. 1. 2000; Т. 2. 2003].

Таблица 1.

Распределение этносов-носителей республиканских государственных языков по месту их основного проживания, 1989 г.

Этнос	Число этноса		Комментарии
	РСФСР	Союзные республики	
Украинцы	4 362 872	39 823 134	СССР: 44 186 006, Украинская ССР: 3 7419 053
Русские	119 865 946	25 289 000	СССР: 145 155 489, Украинская ССР: 11 355 582
Азербайджанцы	335 889	6 434 514	СССР: 6 770 403, Азербайджанская ССР: 5 804 980
Татары	5 522 096	1 126 663	СССР: 6 648 760, Узбекская ССР: 467 829
Крымские татары	21 275	250 440	СССР: 271 715, Украинская ССР: 46 807, Узбекская ССР: 188 772

Лезгины	257 270	208 735	Азербайджанская ССР: 171 395
Осетины	402 275	195 723	Грузинская ССР: 164 055
Башкиры	1 345 273	103 884	СССР: 1 449 157, Казахстанская ССР: 41 847
Мордва	1 072 939	81 048	
Чуваши	1 773 645	68 701	СССР: 1 842 346, Казахстанская ССР: 22 305
Авары	544 016	57 937	СССР: 600 989, Азербайджанская ССР: 44072
Чеченцы	898 999	57 880	Казахстанская ССР: 49 507
Удмурты	714 833	31 960	Казахстанская ССР: 15 786, Украинская ССР: 8583
Марийцы	643 698	27 170	
Ингуши	215 068	22 370	
Цахуры	6 492	13 480	СССР: 19 972, Азербайджанская ССР: 13 318
Карачаевцы и балкарцы	228 673	12 363	
Лакцы	106 245	11 820	
Даргинцы	353 348	11 662	
Таты	19 420	11 249	Азербайджанская ССР: 10 239
Коми-зыряне	336 309	8 210	
Калмыки	165 821	8 000	
Карелы	124 921	6 500	
Кабардинцы и черкесы	436 819	6 424	
Кумыки	277 163	4 830	
Ногайцы	73 703	4 478	
Буряты	417 425	3 955	
Табасараны	93 587	3 947	
Адыгейцы	122 908	1 918	
Хакасы	78 500	1 828	
Якуты	380 242	1 680	
Алтайцы	69 409	1 396	
Абазины	32 893	630	
Тувинцы	206 160	469	

В первой графе приводится в алфавитном порядке название соответствующих языку этноса или этносов (марийцы, мордва, кабардинцы и балкарцы, карачаевцы и черкесы). Вторая графа показывает численность этноса или суммированную численность этносов в 1989 г. в РСФСР, третья – в союзных республиках. В четвертой графе даются сведения о наличии больших групп этносов за пределами РСФСР, с указанием названия союзной

республики и, в ряде случаев, где эта информация необходима для большей наглядности, – общей численности в СССР.

Итак, таблица дает общую картину проживания этносов, представлять которую совершенно необходимо для решения поставленной задачи – проанализировать ситуацию в динамике на основе данных, относящихся к двум государствам.

Если смотреть в абсолютных цифрах, то обращают на себя внимание, прежде всего, такие народы, как (в порядке убывания признака): украинцы, русские, азербайджанцы, татары, крымские татары, лезгины, осетины и башкиры, причем в процентном отношении абсолютно лидируют по этому признаку крымские татары: лишь 7,8% народа проживало на территории РСФСР, а 69,5% в Узбекской и 17,2% в Украинской ССР. В настоящее время крымские татары составляют 12,6% населения Крыма и занимают третье место по численности в этой республике. Их язык является одним из трех государственных языков этого субъекта Федерации. Также в процентном отношении сильно уменьшилось число татов: на 33,4% (за счет жителей Азербайджанской ССР). В абсолютных числах больше всего изменилась численность следующих народов.

Украинцы. Что касается украинцев, то только около 10% из них жили в РСФСР, большинство же проживало в Украинской ССР – 84% этноса. Численность украинцев в СССР по последней советской переписи 1989 г. составляла 44 млн человек.

Русские. 82,6% русских проживали в РСФСР, а 17,5% – на территории союзных республик, будущих новых государств. 7,8% всех русских Советского Союза проживали в Украинской ССР, 4,3 % – в Казахской ССР (последнее объясняется переселением туда русских в период освоения целинных земель).

Численность азербайджанцев в СССР составляла около 6,8 млн чел., и только около 5% из них жили в РСФСР.

В РСФСР проживало 83% татар, 7% жило в Узбекской ССР.

Крымские татары в большинстве своем – 69,5% – проживали на территории Узбекской ССР, и 17% в Украинской ССР, пока Крым не вошел в 2014 г. в состав РФ. И только 7,8% народа проживало на территории РСФСР.

Осетины с 1922 г. проживали в Юго-Осетинской АО, входящей в Грузинскую ССР. Их количество в советский период варьировалось незначительно: от 66 073 (66,5% населения) до 65 232 (66,2%). После конфликта 2008 г. значительная часть осетин покинула регион, и по переписи 2015 г. их число составило 48 146 человек. Другая часть носителей языка проживала в регионе, который с 1936 г. назывался Северо-Осетинская АССР, с 1993 г., в составе РФ – Республика Северная Осетия, с 1995 – Республика Северная Осетия (Алания).

В 1970 г. их количество составляло 552 581 человек. В 2010 г. их количество составляло 472 688 или 66,7% населения региона. В Грузии без Южной Осетии в 2002 г. проживало 37 000 осетин, а в 2014 – лишь 15 385. Всего в РФ в 2010 г. насчитывалось 528 500 осетин. Таким образом, численность проживающих на территории бывшего СССР осетин приблизительно в 9 раз меньше, чем осетин-россиян.

В 1970 г. в СССР было издано 2942 газет общим годовым тиражом 8325 млн экземпляров на 57 языках народов СССР. В 1980 г. периодические и продолжающиеся издания выходили на 46 языках народов СССР [Печать СССР в 1980 г.: 109]. В 1990 г. они выходили на 45 языках народов СССР [Там же: 114], в 1999 году – на 26 языках народов РФ и на 32 языках народов мира [Печать РФ в 1999 г.: 96], в 2021 г. – на 50 языках народов РФ [Печать РФ в 2021 г.].

5.2 Динамика 1970–2021 гг.

5.2.1. Русский язык

Газетная продукция.

График 1. Русский язык (газеты)

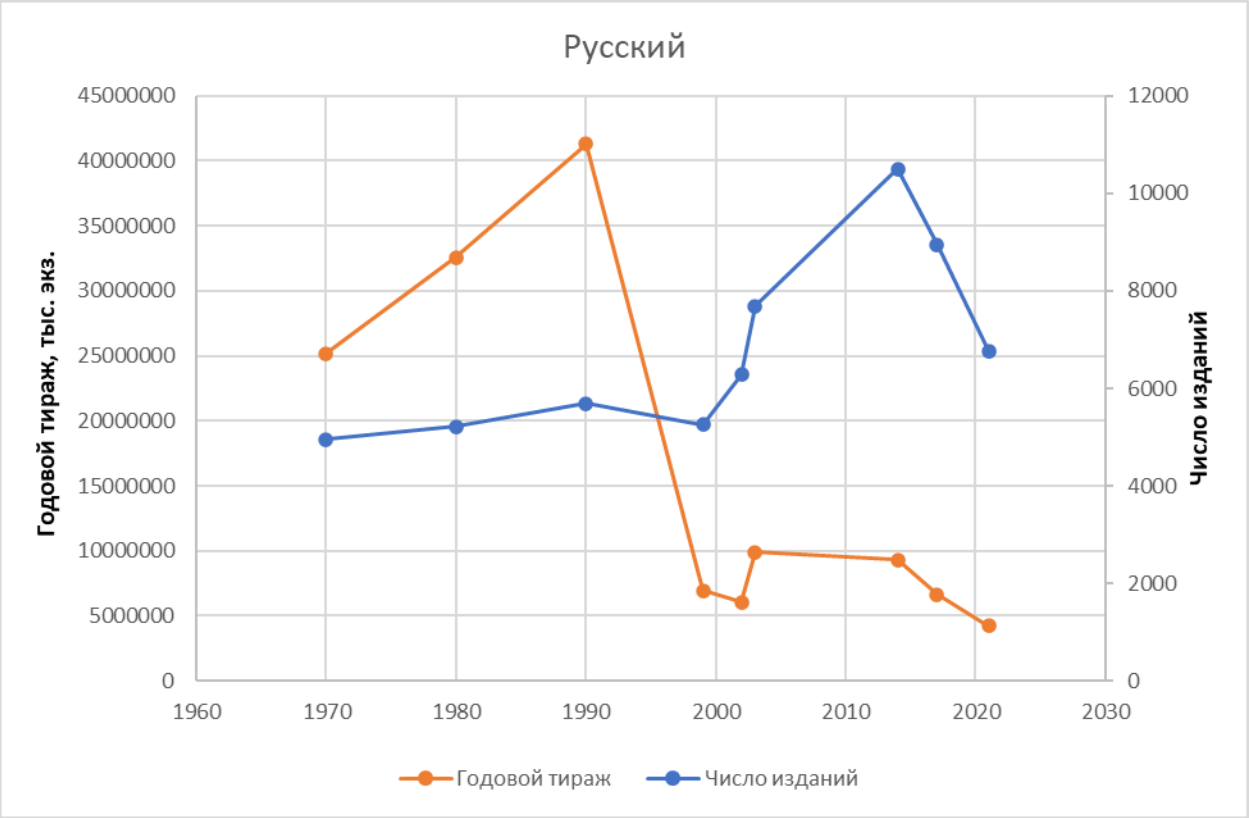


График наглядно показывает изменения при переходе от СССР к РФ. Как мы видим, число наименований газет сократилось не сильно, в то время как тираж серьезно скакнул вниз. Это естественно, ведь государство сократилось как территориально, так и на целевую аудиторию потребителей периодики на русском языке.

Обратимся к российскому периоду. Здесь же постараемся описать причины происходящих изменений. Провал 2002 г. для русского языка был частью общего сокращения бумажной продукции, которая стала следствием закона в сфере экономики. Вот что писал об этом руководитель Книжной палаты: «Основной причиной ухудшения большинства показателей книжного выпуска за отчетный год стала ситуация, сложившаяся в области государственной поддержки книгоиздания. Введение налога на добавленную стоимость даже в 10-процентном размере (а по ряду категорий изданий, в том числе по детской литературе, в течение 1 полугодия НДС составил 20%) естественным образом привело к повышению цен на книжном рынке <…> обеспечить необходимую динамику книжного выпуска, особенно в области социально значимых видов литературы, в современных условиях можно только при осуществлении надежной и эффективной государственной поддержки как средства повышения доступности книг для более широких слоев населения» [Печать Российской Федерации…, 2002: 4]. Уже в следующем, 2003 г. ситуация не просто выправилась, а даже улучшилась: «Российское книгоиздание сделало новый, значительный шаг в своем развитии [Печать Российской Федерации…, 2003: 5]. При этом стало ясным, что основной причиной спада стали не системные процессы, а «неурядицы с формами и размерами государственной поддержки книгоиздания в связи с изменениями в одноименном федеральном законе» [Там же]. Применительно к сфере периодической печати, провал относился больше к тиражам, в то время как число изданий даже увеличилось по сравнению с 1999 г.

Как видно из графика, позднее 2014 г. (10 503 названий тиражом 9 295 330 тыс. экз.) начался спад как наименований, так и тиражей газет. В 2015 г. издавалось 9 952 наименований тиражом 7 561 453,3 тыс. экземпляров, в 2016 г. – 9 473 наименования газет на русском языке годовым тиражом 6 748 163,1 тыс. экз. Как уже писалось выше, в 2021 г. было издано 6762 названий тиражом 4 252 875 тыс. экз. Таким образом, с 2014 г. число наименований выпускаемой на русском языке продукции сократилось на 35,6%, а ее тиражи упали на 54,2%, т.е. более чем вдвое.

Так что же произошло в 2014 г. такого, что вызвало столь серьезные последствия? Предисловия к статистическим выпускам, в которых приводились сравнительные характеристики текущего года с предыдущим и намечались основные тенденции, с

переходом статистических таблиц с печатного на электронный формат выкладываться перестали. Обратимся к еще одному источнику, также непосредственно связанному с периодикой и составляющему следующее звено в пути газеты или журнала до конечного потребителя – отраслевому докладу Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. «Поскольку доставка подписных изданий населению, особенно в отдаленные сельские районы, для ФГУП “Почта России” экономически не выгодна, то оно хочет избавиться от убытков через повышение цен», – говорится в ежегодном докладе Управления периодической печати, книгоиздания и полиграфии [Российская периодическая печать, 2014]. В марте 2013 г. была отменена государственная дотация на доставку подписных изданий, после чего подписные тиражи газет и журналов во второй половине 2014 г. в среднем по стране упали на 20,2%, а по итогам первого полугодия 2015 г. – на 22% (данные ФГУП «Почта России»). В отдельных регионах Российской Федерации это падение превысило 100%. Выручка от розничных продаж печатной прессы осталась примерно на уровне 2013 г., но исключительно за счет роста цен, составившего за год около 20%. В отдельных регионах, как отмечается в докладе, это падение превысило 100%. Также закрылось огромное количество газетных киосков, что объясняется, опять-таки, экономическими причинами: их ставку арендной платы приравняли к продуктовым.

Также влияние на падение выгодности выпуска периодических изданий оказал целый ряд принятых в 2013 г. законов и поправок к законам, напрямую не связанных с этой сферой. Во-первых, это запрет на рекламу табачных изделий и БАДов, что составляло значительную часть рекламной выручки. Также в 2013 г. были внесены изменения в Гражданский кодекс РФ, ограничивающие распространение информации о частной жизни гражданина, что повлекло увеличение случаев судебных разбирательств с выплатой компенсации морального вреда. Увеличилось и количество штрафов после принятия статьи о пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, а также о нецензурной брани. Плюс ко всему, увеличилось число штрафов после внесения в том же 2013 г. поправок о защите интеллектуальных прав. Возросла нагрузка на СМИ и после законодательно оформленного требования выпускать в свет экстренную информацию о чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера, причем на безвозмездной основе. Все эти причины сокращения выпуска периодической печати в 2014 г. были перечислены в том же отраслевом докладе. Итак, мы видим, что не только уменьшение субсидий, но целый комплекс совокупных экономическо-законодательных действий оказал свое пагубное влияние на ситуацию с печатаной продукцией.

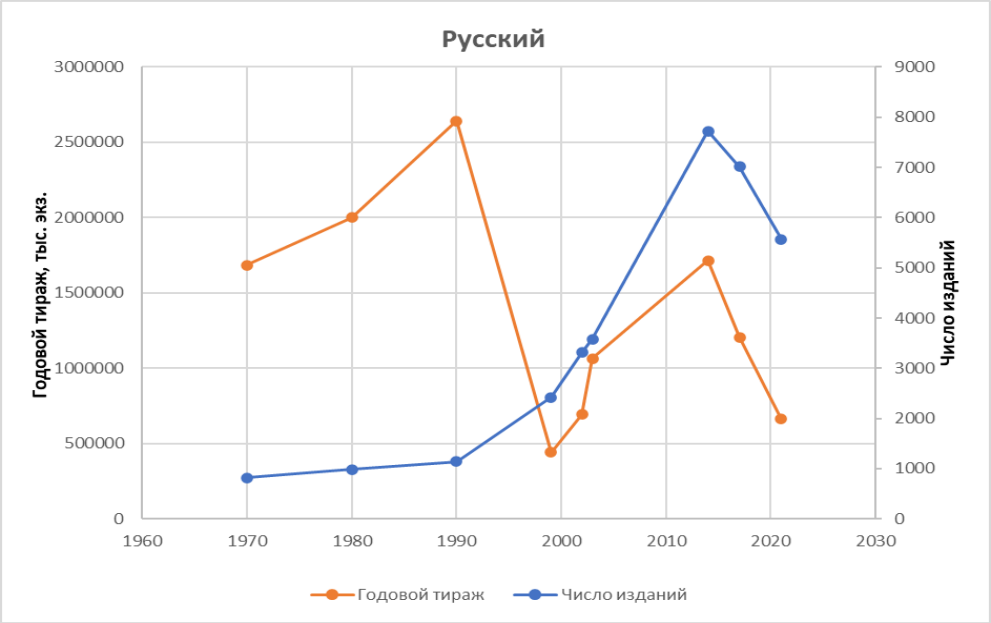
В 2020 г. была попытка добиться возвращения субсидий: «Комитет Госдумы по информполитике просит правительство вернуть “Почте России” ежегодную субсидию на доставку газет и журналов, которая до 2014 г. составляла 3,5 млрд руб. С учетом инфляции на эти цели теперь нужно 9 млрд руб.: такая субсидия сделает прессу по подписке дешевле, чем в рознице, и увеличит спрос на нее, надеются участники рынка. Минкомсвязь против субсидии: даже с ней подписка была для “Почты” убыточной, а увеличивать ее бесконечно невозможно» [Коммерсантъ, 13.05.2020].

Следует учитывать и такой чисто экономический фактор, как удорожание себестоимости печатного издания. С 2015 до 2018 г. цена на бумагу из-за валютного кризиса и подорожания целлюлозы выросла более, чем на 50% [ГИИП 2019]. Как показали недавние события, связанные с санкциями, отрасль производства печатной продукции оказалась чрезвычайно уязвимой из-за высокой доли импорта как бумаги и краски, так и обслуживания печатных станков и т.п.

Еще один фактор, пагубно сказавшийся на ситуации с печатной продукцией – ковидные ограничения и самоизоляция 2020 г. Об этом говорится и в докладе: «Самоизоляция привела к сокращению потребления населением традиционных форматов печатной прессы» [Российская периодическая печать, 2021: 10]. Этот период не прошел без последствий в формировании новых читательских привычек у населения, в том числе у такой консервативной его части, как пенсионеры, которая является одним из основных потребителей печатного вида периодической продукции.

Журнальная продукция.

График 2. Русский язык (журналы)



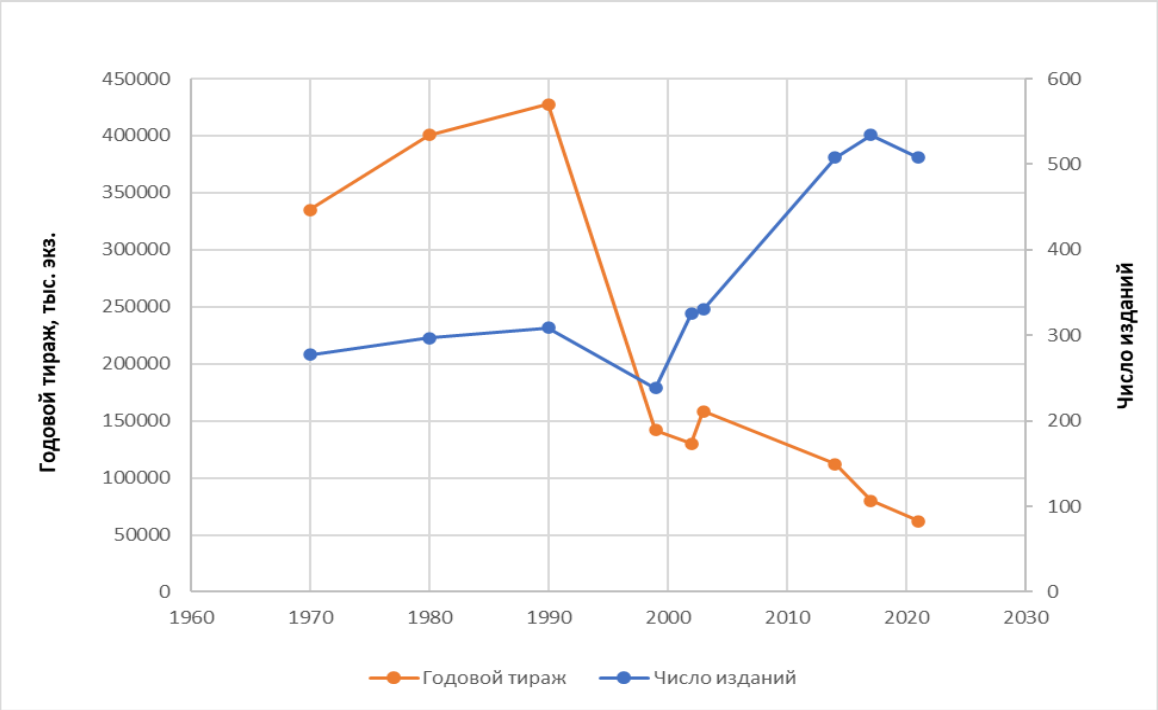
Ситуация с журналами на русском языке близка к ситуации с газетной продукцией, но все-таки несколько отличается в своей динамике от нее. По числу названий шел уверенный подъем вплоть до 2014 г., т.е. распад СССР на него не повлиял. Это логично, потому что русские проживали в основном в РФ, а большинство русскоязычных журналов, в отличие от газет, издавалось именно там. Что же касается тиражей, то, как и в случае с газетной продукцией, их число в этот период значительно сократилось. Наивысшего спада тиражи достигли не в 2002, а в 1999 г. (442 080 тыс. экз.), в то время как 2002 г. уже ознаменовался подъемом журнальных тиражей. Этот подъем продолжался до 2014 г., после чего и число наименований, и тиражность журналов пошли вниз. Этот спад сохраняется и до сих пор. В настоящее время тираж русскоязычных журналов составляет 664 120 тыс., что даже чуть ниже уровня 2002 г.

5.2.2. Республиканские государственные языки

Газетная продукция.

Выведем пока за скобки азербайджанский и украинский языки. Итак, без их учета на РГЯ РФ в 2021 г. издавалось 508 газет суммарным годовым тиражом 61 907 300 экз.

График 3. РГЯ (газеты)



Как мы видим, график в целом имеет похожее строение с графиком по русскому языку, т.е. республиканские государственные языки были подвержены тем же тенденциям. Рассмотрим его поподробнее. Итак, мы видим, что советский период характеризуется подъемом газетной продукции на РГЯ, особенно по тиражам. Переход к периоду РФ

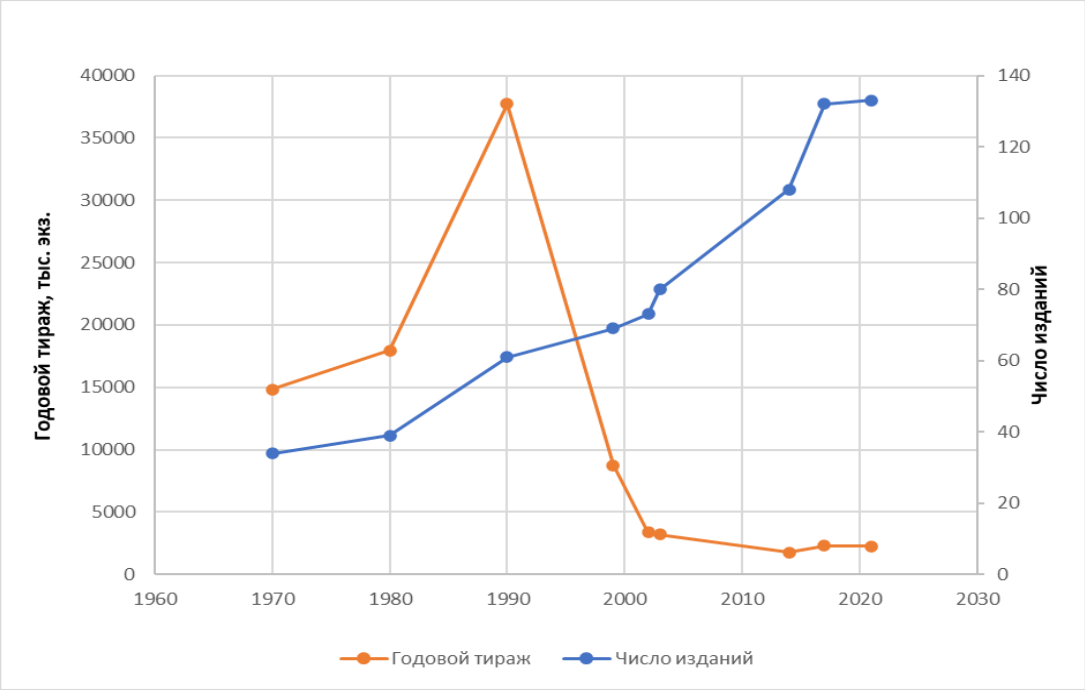
наглядно виден резким падением тиражей и более плавным – наименований продукции. Между советским (1990) и российским (1999) неполным десятилетием произошло сокращение числа изданий газет на 23% и сокращение годовых тиражей на 67%. За десятилетие 1990–2000 гг. ситуация значительно ухудшилась и по другой причине. Закон № 1552-1 «О печати и других средствах массовой информации», принятый Верховным Советом СССР 12 июня 1990 г., и принятый следом за всесоюзным Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 № 2124-1 [Закон «О средствах массовой информации»] (вступил в силу лишь в феврале 1992 г.) лишь легитимизировали данные процессы, важнейшим из которых стал свободный рынок СМИ, что привело к расцвету «желтой прессы» и плохо сказалось на тиражах СМИ на языках народов РФ.

Кризис 2002 г. сократил тиражи на 8,4% по сравнению с 1999 г., что же касается числа изданий, то мы, напротив, наблюдаем их рост, продолжающийся восемнадцать лет. С 2017 г. число изданий начало сокращаться. С 2003 по 2021 г. тиражи сократились на 61%. Если посмотреть на крайние точки выбранного диапазона, то с 1970 г. число изданий газет на РГЯ возросло почти вдвое, тиражи же упали на 82%. Из 61 907,3 тыс. экз. издающихся в 2021 г. на РГЯ тиражей газет 26 601 тыс. экз., или 43% выпускается на татарском языке. На чувашском языке издается 11,6% газетной продукции, на башкирском – 7%, на осетинском – 6,8% и на якутском – 4,9%. На всех остальных языках издается 26,7% от общего числа тиражей на РГЯ.

Журналы на РГЯ.

Следует отметить, что значительная часть журналов на республиканских государственных языках на самом деле является двуязычной, причем удельный вес материалов на русском языке может быть разным. Также следует отметить, что альманахи могут переходить в разряд журналов, и наоборот. В первом случае они в статистике по журналам не отображены. В качестве примера может быть приведен калмыцкий язык, единственный журнал на котором – «Теегин герл» («Свет в степи») – в 1980 г. был еще альманахом, а в 1981 г. стал считаться журналом, причиной чего стала «небывалая писательская активность калмыцких литераторов» [Дякиева, 2018: 94].

График 4. РГЯ (журналы)



Как видим, число наименований журналов за рассматриваемый период уверенно растет. Лишь за последние пять лет этот рост замедлился (прибавился лишь один новый журнал), но не остановился. Хотя, вероятнее всего, в ближайшие годы можно ожидать стагнацию, а то и регресс. Что же касается тиражей, то график, при общем сходстве с газетным, отличается сглаженными «кризисными точками» 2002, 2014 и последних гг. Но тот потенциал к росту, который вроде бы начал намечаться, все-таки не смог быть реализованным: тиражи последних лет немного уменьшились. В целом за весь рассматриваемый период число наименований журналов выросло на 75%, а тиражи снизились на 85%.

По числу изданий журналов все РГЯ можно разделить на следующие группы: 1) татарский язык (28 наименований); 2) башкирский (10), крымскотатарский, якутский (9), коми-зырянский, чеченский, марийские, чувашский (6–5); 3) адыгейский, калмыцкий, карачаево-балкарский, осетинский, удмуртский, даргинский, кумыкский, лакский, ногайский (4–3); аварский, ингушский, кабардино-черкесский, карельский, лезгинский, мордовский мокша, мордовский эрзя, табасаранский, тувинский (2); абазинский, алтайский, бурятский, цахурский (1). По величине годовых тиражей лидирует татарский язык (1184 тыс. экз.), а также башкирский (320 тыс. экз.), якутский (176,5 тыс. экз.) языки. То есть из 2244 тыс. экз. издающихся на республиканских государственных языках журналов половина издается на татарском языке.

Как мы видим, распределение языков по этому признаку в целом сходно с группировкой по числу издаваемых газет, но имеются и отличия. В двух списках с сильным отрывом лидирует татарский язык. А вот по количеству журналов группой выше оказался крымскотатарский язык, группой ниже – бурятский язык.

6. Индекс экземпляров

Для лучшего понимания того, что стоит за приведенными цифрами, введем позицию, которую можно назвать «индексом экземпляров». На этот раз во главу угла поставим не этнос, а язык. Из статистических параметров по рассматриваемой сфере, на наш взгляд, наиболее показательным для нашей цели будет «годовой тираж газет» на данном языке. Соотношение этих двух параметров покажет широту охвата печатной газетной продукцией ее целевой аудитории — говорящих на данном языке. Для этого нам нужно число экземпляров разделить на количество населения РФ, говорящего на данном языке. Так мы узнаем число экземпляров газет, которых для каждого говорящего на данном языке издается за год.

Таблица 2.

Индекс печатной газетной периодики на РГЯ в 2021 г.

Перечень языков	Число изданий	Общий годовой тираж, тыс. экз.	Численность лиц владеющих соответствующим языком	Индекс экземпляров
Всего	7324	4 318 720,3	143 000 000	30,201
Абазинский	2	233,7	37 831	6,177
Аварский	20	1291,0	715 297	1,805
Агульский	1	23,0	29 287	0,785
Адыгейский	3	1242,6	117 489	10,576
Азербайджанский	2	44,0	473 044	0,093
Алтайский	11	795,5	55 720	14,277
Башкирский	46	4353,7	1 152 404	3,778
Бурятский	10	665,8	218 557	3,046
Даргинский	6	388,9	485 705	0,801
Ингушский	2	201,0	305 868	0,657
Кабардино-черкесский	10	1522,4	515 672	2,952
Калмыцкий	6	688,4	80 546	8,547
Карачаево-балкарский	6	787,5	305 364	2,579

Коми-зырянский	5	312,7	156 099	2,003
Крымскотатарский**	7	655,7	91 569	7,161
Кумыкский	6	475,4	426 212	1,115
Лакский	5	220,5	145 895	1,511
Лезгинский	9	660,1	402 173	1,641
Марийский*	14	1189,2	388 378	3,062
Мордовский мокша*	4	458,9	133 000	3,450
Мордовский эрзя*	5	461,6	36 726	12,569
Ногайский	2	236,9	87 119	2,719
Осетинский	15	4229,5	451 431	9,369
Русский	6762	4 252 875,1	137 500 000	30,930
Рутульский	1	72,8	30 360	2,398
Табасаранский	3	153,3	126 136	1,215
Татарский	169	26 601,0	4 280 718	6,214
Татский	1	65,0	2 012	32,306
Тувинский	10	634,2	253 673	2,500
Удмуртский	14	775,9	324 338	2,392
Украинский**	1	1,5	1 129 838	0,001
Хакасский	3	330,5	42 604	7,757
Цахурский	1	62,4	10 596	5,889
Чеченский	19	1542,0	1 354 705	1,138
Чувашский	42	7162,5	1 042 989	6,867
Якутский	44	3019,7	450 140	6,708

*Результаты переписи населения 2010 г., к сожалению, не позволяют точно определить как число горных и луговых марийцев, так и число мордвы мокша и эрзя. То же самое относится и к говорящим на этих языках. 365 127 чел. назвали владение просто «марийским», «лугово-восточным марийским» – 189 чел., «горномарийским» – 23 062 чел. Указали владение «мордовским» языком 392 941 чел., 2025 чел. указали владение «мокша-мордовским» языком. К сожалению, запрет переписчикам задавать уточняющие вопросы в этом случае оказался не на пользу.

**Число говорящих на крымскотатарском языке лишь дает представление об этом параметре. Оно получено путем суммирования данных, приведенных в Переписи населения 2010 г. (308 чел.), и Переписи населения в Крыму [Таблицы с итогами Федерального статистического наблюдения… Табл. 4. Владение языками]. В последнем источнике число владеющих крымскотатарским языком приведено как 91 119 чел. Возможно, некоторые исследователи учитывают также число указавших владение «татарским» языком, поскольку автору в различных статьях встречалась цифра большая, чем получилась у него. Что касается

украинского языка, то это число получилось суммированием 1 129 838 чел., владеющих им по переписи 2010 г., и 72 000 крымчан, назвавших родным украинский язык в 2014 г.

Итак, на россиянина приходится в среднем 30 экземпляров газет в год. В 1970 г. в СССР было издано 2942 газеты общим годовым тиражом 8325 млн. экз. Численность населения СССР по переписи 1970 г. – 241 720 134 чел. Следовательно, наш индекс в 1970 г. составлял 34,5, т.е. снизился, но незначительно.

Но вернемся к 2021 г. Наибольший показатель оказался не у русскоязычных граждан, а у владеющих татским языком. Не исключено, что это показывает наличие накладки в статистике Книжной палаты. Отличные показатели у алтайского, мордовского эрзя (но здесь непонятен уровень достоверности числа говорящих), адыгейского, осетинского языков. Совсем низкий индекс у аварского, лезгинского, лакского, табасаранского, чеченского, кумыкского, даргинского, агульского и ингушского языков. Особняком стоят украинский и азербайджанский языки с минимальным индексом, что объясняется узостью той группы говорящих на этих языках, для которой он является республиканским государственным в соответствующих субъектах – республиках Крым и Дагестан – по сравнению с огромным числом диаспоры в стране в целом. Как уже было сказано выше, эти два языка, хотя и имеют статус республиканских государственных, но по своему социолингвистическому статусу условно могут быть выделены в особую группу.

7. Заключение

Попробуем оценить перспективы печатных СМИ в России.

По данным опроса ВЦИОМ в декабре 2014 г., большинство читателей выбирали печатные версии газет: 73% взрослого населения России не готовы полностью отказаться от бумажных СМИ в пользу электронных, а 51% аудитории всегда предпочтут печатный вид. При этом печатную прессу чаще читают люди пенсионного возраста – 84% [ВЦИОМ, 2015]. Проведенный в октябре 2017 г. опрос показал снижение до 46% числа тех, кто всегда предпочитает печатный вид периодического издания. При этом полностью отказаться от печатных газет и журналов в пользу электронных версий готовы 19% россиян (среди возрастной группы 25–34 лет – 35%). [ВЦИОМ, 2018]. Безусловно, с 2014 г., а особенно после опыта самоизоляции в ковидное время, увеличился процент пожилых людей, которые стали активно пользоваться гаджетами и привыкли получать информацию из цифровых аналогов любимой периодики. Так, «посещаемость сайта aif.ru за время пандемии увеличилась на 100% по отношению к такому же периоду 2019 года» [Российская периодическая печать, 2021: 30].

С другой стороны, еще велико число населенных пунктов, не охваченных покрытием интернета. По актуальным данным ГИС ЖКХ, в РФ имеется 1447 таких населенных пункта [Перечень населенных пунктов…].

Этот фактор особенно важен для сохранения периодической печати на языках народов России, многие носители которых проживают в регионах без интернета или с неустойчивой связью, когда печатный вариант является единственным. В связи с этим государству особенно важно, наравне с дальнейшим проведением цифровизации регионов, что вполне успешно делается, следить также за деятельностью «Почты России», не допуская «оптимизации» в виде закрытия почтовых отделений. Это очень важно. Ну и, конечно, делать печатный материал более интересным, «бороться» за молодую аудиторию.

Можно ли в сегодняшнее нестабильное время делать какие-либо прогнозы? Так, например, поступили специалисты Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, написав в 2014 г.: «Прогноз по рынку печатных СМИ является негативным с перспективой почти полного исчезновения этого сегмента в его бумажном виде к 2030 году» [Российская периодическая печать, 2014]. В связи с этим можно вспомнить и прогноз Билла Гейтса, заявление которого о том, что в 2017 г. будет выпущен последний экземпляр печатной газеты в мире, напомнил в 2022 г. Гендиректор АО «Аргументы и факты» [Гендиректор ИД «АиФ» Руслан Новиков…Аиф 18.06.2022].

Активный рост цифровизации и переход в интернет-пространство, безусловно, неизбежен, хотя полный отказ от печатного аналога периодического издания представляется крайне маловероятным. Да, постепенно «ядро аудитории» меняет под воздействием ряда факторов свои читательские привычки и начинает предпочитать цифровой вариант привычной газеты или журнала. Но именно языки народов России, в том числе и республиканские государственные, оказываются в наиболее уязвимом положении. Налаженная система производства и снабжения россиян печатной периодической продукцией, претерпевая угрозы, направленные из самых различных сфер (законодательство, экономика, реалии цифровой эпохи и др.), тем не менее, находится во вполне дееспособном состоянии. Она имеет потенциал, чтобы в случае серьезных вызовов нашего нестабильного времени, например, появления масштабных проблем с интернет-платформами и с доступом к интернету вообще, увеличить тиражность, расширить охват доставки и продолжать выполнять свою важную функцию – прежде всего информационную и просветительскую – на языках народов России. Для этого необходимо на государственном уровне понимать важность сохранения периодики именно в ее печатной ипостаси и осознанно и бережно относиться ко всем звеньям этого механизма. Прежде, чем принимать какой-либо закон в,

казалось бы, далекой от периодики сфере, следует проанализировать возможные последствия и продумать конкретные действия для минимизации рисков. Что касается периодики на языках народов России, то здесь, как нам представляется, особенно важно беречь человеческий потенциал и сохранять преемственность специалистов в области печатного дела на этих языках.

Литература

ВЦИОМ: большинство россиян предпочитают читать газеты и журналы в бумажном виде. 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/1691624. Дата обращения: 06.08.2022.

ВЦИОМ: печатные СМИ теряют популярность, но к полному отказу от них россияне не готовы. 2018 Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/4863572. Дата обращения: 08.08.2022.

Всероссийская перепись населения 2010 года [Электронный ресурс] URL: Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. Дата обращения: 20.10.2019

Гендиректор ИД «АиФ» Руслан Новиков рассказал о будущем печатной прессы // Аиф 18.06.2022. Режим доступа: https://spb.aif.ru/money/finances/gendirektorid_aif_ruslan novikovrasskazal_o_budushchem_pechatnoy_pressy]. Дата обращения: 19.09.2022

ГИИП: Роспечать: цены на газетную бумагу выросли вдвое. 11.04.2019. Режим доступа: https://gipp.ru/news/poligrafiya-rynok-bumagi/rospechat-tseny-na-gazetnuyu-bumagu-vyrosli-vdvoe/. Дата обращения: 09.09.2022

Горячева М.А. (2016) Сфера СМИ // Язык и общество: Энциклопедия. М.: Азбуковник. 872 с. ISBN 978-5-91172-129-9. С. 464–466.

Горячева М.А. (2021) Динамика выпуска газетной и журнальной продукции на якутском языке в 1970–2021 гг. в контексте ряда этнодемографических параметров // Пресса на национальных языках в глобальном медиапространстве. Международная научно-практическая конференция. Якутск. Режим доступа: https://sakhamedia.ru/pressa2021/. Дата обращения: 26.11.2022.

Дешериев Ю.Д. (1976) Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. М.: Наука. 430 с.

Дякиева Б.Б. (2018) Теегин герл» – родоначальник калмыцкой журнальной периодики и его роль в развитии национальной литературы: (К 90-летию основания) // Научная мысль Кавказа. № 4. С. 92–98.

Закон о средствах массовой информации от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 01.07.2021) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document /cons_doc_LAW_1511/ Дата обращения: 17.11.2022.

Иванова О.Е. (2020) Об основаниях орфографической кодификации прилагательного «крымско-татарский» [Электронный ресурс]. Социолингвистика. № 2(2). С. 138–149. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osnovaniyah-orfograficheskoy-kodifikatsii-prilagatelnogo-krymsko-tatarskiy Дата обращения: 17.11.2022.

Коммерсант, газета. 13.05.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4342650 Дата обращения: 17.11.2022.

Конституция Республики Крым [Электронный ресурс] Режим доступа: https://constitution.garant.ru/region/cons_krim/chapter/3d3a9e2eb4f30c73ea6671464e2a54b5/ Дата обращения: 24.11.2022.

Ленский Б.В. (2003) От Российской книжной палаты // Печать Российской Федерации в 2002 году: Статистический сборник. М.

Перечень населенных пунктов, на территории которых отсутствует доступ к сети Интернет // ГИС ЖКХ, официальный сайт. Режим доступа: https://dom.gosuslugi.ru /#!/places/without/internet Дата обращения: 24.11.2022

Печать Российской Федерации … [Текст]: статистический сборник / Науч.-произв. об-ние «Всесоюз. кн. палата». М.: Финансы и статистика, 1992.

Письменные языки мира. Языки Российской Федерации: Социолингвистическая энциклопедия. (2000). М.: Academia. Кн. 1. 656 С.

Письменные языки мира. Языки Российской Федерации: Социолингвистическая энциклопедия. (2003). М.: Academia. Кн. 2. 848 С.

Постановление Государственного Совета Республики Крым от 24 мая 2017 г. № 1562-1/17 «О проекте закона Республики Крым «О государственных языках Республики Крым и иных языках в Республике Крым» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/43822706/ Дата обращения: 24.11.2022

Российская книжная палата. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: .http://www.bookchamber.ru/statistics.html Дата обращения: 24.11.2022

Российская периодическая печать : Состояние, тенденции и перспективы развития: Отраслевой доклад. (2014). Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.unkniga.ru /images/docs/2014/otraslevoy-doklad-periodika.pdf Дата обращения: 24.11.2022.

Российская периодическая печать : Состояние, тенденции и перспективы развития: Отраслевой доклад. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://digital.gov.ru /uploaded/files/periodic-2021.pdf?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f Дата обращения: 27.11.2022.

Таблицы с итогами Федерального статистического наблюдения «Перепись населения в Крымском федеральном округе». Раздел IV, Табл. 4 и 6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/tab-krim.htm Дата обращения: 27.11.2022.

References

VCIOM: bol'shinstvo rossijan predpochitajut chitat' gazety i zhurnaly v bumazhnom vide. 2015 [Jelektronnyj resurs]. [VTsIOM: Most Russians prefer to read newspapers and magazines in paper form]. Available at: https://tass.ru/obschestvo/1691624. Access date: 06.08.2022. (In Russ.)

VCIOM: pechatnye SMI terjajut populjarnost', no k polnomu otkazu ot nih rossijane ne gotovy. 2018 [Jelektronnyj resurs]. [VTsIOM: print media are losing popularity, but Russians are not ready for a complete rejection of them.]. Available at: https://tass.ru/ obschestvo/4863572. Access date: 08.08.2022. (In Russ.)

Vserossijskaja perepis' naselenija 2010 goda [Jelektronnyj resurs] [All-Russian population census of 2010] URL: Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010 /croc/perepis_itogi1612.htm. Access date: 20.10.2019. (In Russ.)

Gendirektor ID «AiF» Ruslan Novikov rasskazal o budushhem pechatnoj pressy [Ruslan Novikov, General Director of the AiF Publishing House, spoke about the future of the printed press] // Aif [Arguments and Facts] 18.06.2022. Available at: https://spb.aif.ru/money/finances /gendirektor_id_aif_ruslan_novikov_rasskazal_o_budushchem_pechatnoy_pressy]. Access date: 19.09.2022. (In Russ.)

GIIP: Rospechat': ceny na gazetnuju bumagu vyrosli vdvoe [Rospechat: newsprint prices doubled]. 11.04.2019. Available at: https://gipp.ru/news/poligrafiya-rynok-bumagi/rospechat-tseny-na-gazetnuyu-bumagu-vyrosli-vdvoe/. Access date: 09.09.2022. (In Russ.)

Gorjacheva, M.A. (2016) Sfera SMI [Media sphere] // Jazyk i obshhestvo. Jenciklopedija [Language and society. Encyclopedia]. M.: Azbukovnik. 872 s. Pp. 464–466. (In Russ.)

Gorjacheva, M.A. (2021) Dinamika vypuska gazetnoj i zhurnal'noj produkcii na jakutskom jazyke v 1970–2021 gg. v kontekste rjada jetnodemograficheskih parametrov [Dynamics of newspaper and magazine production in the Yakut language in 1970–2021 in the context of a number of ethno-demographic parameters] // Pressa na nacional'nyh jazykah v global'nom mediaprostranstve. Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija [Press in national languages in the global media space. International scientific and practical conference]. Jakutsk. Available at: https://sakhamedia.ru/pressa2021/. Access date: 26.11.2022. (In Russ.)

Desheriev, Ju.D. (1976) Zakonomernosti razvitija literaturnyh jazykov narodov SSSR v sovetskuju jepohu [Patterns of development of the literary languages of the peoples of the USSR in the Soviet era]. M.: Nauka. 430 p. (In Russ.)

Djakieva, B.B. (2018) Teegin gerl» — rodonachal'nik kalmyckoj zhurnal'noj periodiki i ego rol' v razvitii nacional'noj literatury : (K 90-letiju osnovanija) ["Teegin Girl" – the ancestor of the Kalmyk periodical press and its role in the development of national literature (to the 90th anniversary of its foundation)] // Nauchna mysl' Kavkaza [Scientific thought of the Caucasus]. No. 4. Pp. 92–98. (In Russ.)

Zakon o sredstvah massovoj informacii ot 27.12.1991 N 2124-1 (red. ot 01.07.2021) [Law on the Mass Media of December 27, 1991 N 2124-1] [Jelektronnyj resurs]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/. Access date: 17.11.2022. (In Russ.)

Ivanova, O.E. (2020) Ob osnovanijah orfograficheskoj kodifikacii prilagatel'nogo krymsko-tatarskij [On the bases of orthographic codification of the adjective Crimean Tatar] [Jelektronnyj resurs]. Sociolingvistika [Sociolinguistics]. No. 2 (2). Pp. 138–149. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osnovaniyah-orfograficheskoy-kodifikatsii-prilagatelnogo-krymsko-tatarskiy. Access date: 17.11.2022. (In Russ.)

Kommersant, gazeta [Businessman, newspaper]. 13.05.2020. [Jelektronnyj resurs]. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/4342650. Access date: 17.11.2022. (In Russ.)

Konstitucija Respubliki Krym [Constitution of the Republic of Crimea] [Jelektronnyj resurs]. Available at: https://constitution.garant.ru/region/cons_krim/chapter/3d3a9e2eb4f30c73ea6671464e2a54b5/. Access date: 24.11.2022. (In Russ.)

Lenskij, B.V. (2003) Ot Rossijskoj knizhnoj palaty [From the Russian Book Chamber] // Pechat' Rossijskoj Federacii v 2002 godu. Statisticheskij sbornik [Seal of the Russian Federation in 2002. Statistical compendium]. M. (In Russ.)

Perechen' naselennyh punktov, na territorii kotoryh otsutstvuet dostup k seti Internet [List of settlements on the territory of which there is no access to the Internet] // GIS ZhKH, oficial'nyj sajt. Available at: https://dom.gosuslugi.ru/#!/places/without/internet. Access date: 24.11.2022. (In Russ.)

Pechat' Rossijskoj Federacii … [Tekst]: statisticheskij sbornik [Printing editions of the Russian Federation ... [Text] : statistical collection] / Nauch.-proizv. ob-nie "Vsesojuz. kn. palata" [Scientific and Production Association "All-Union Book Chamber"]. M.: Finansy i statistika, 1992.

Pis'mennye jazyki mira. Jazyki Rossijskoj Federacii. Sociolingvisticheskaja jenciklopedija. (2000) Kniga 1. [Written languages of the world. Languages of the Russian Federation. Sociolinguistic Encyclopedia. (2000) Book 1] M.: Academia. 656 p. (In Russ.)

Pis'mennye jazyki mira. Jazyki Rossijskoj Federacii. Sociolingvisticheskaja jenciklopedija. (2003). Kniga 2. [Written languages of the world. Languages of the Russian Federation. Sociolinguistic Encyclopedia. (2000) Book 2] M.: Academia. 848 p. (In Russ.)

Postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym ot 24 maja 2017 g. № 1562-1/17 «O proekte zakona Respubliki Krym «O gosudarstvennyh jazykah Respubliki Krym i inyh jazykah v Respublike Krym» [Decree of the State Council of the Republic of Crimea dated

May 24, 2017 No. 1562-1/17 “On the Draft Law of the Republic of Crimea “On the State Languages of the Republic of Crimea and Other Languages in the Republic of Crimea”] [Jelektronnyj resurs]. Available at: https://base.garant.ru/43822706/. Access date: 24.11.2022. (In Russ.)

Rossijskaja knizhnaja palata. Oficial'nyj sajt [Russian Book Chamber. Official site]. [Jelektronnyj resurs]. Available at: http://www.bookchamber.ru/statistics.html. Access date: 24.11.2022. (In Russ.)

Rossijskaja periodicheskaja pechat'. Sostojanie, tendencii i perspektivy razvitija. Otraslevoj doklad [Russian periodical press. Status, trends and development prospects. Industry report] (2014). Federal'noe agentstvo po pechati i massovym kommunikacijam [Federal Agency for Press and Mass Communications]. [Jelektronnyj resurs]. Available at: http://www.unkniga.ru/images/docs/2014/otraslevoy-doklad-periodika.pdf. Access date: 24.11.2022. (In Russ.)

Rossijskaja periodicheskaja pechat'. Sostojanie, tendencii i perspektivy razvitija. Otraslevoj doklad [Russian periodical press. Status, trends and development prospects. Industry report]. [Jelektronnyj resurs]. Available at: https://digital.gov.ru/uploaded/files/periodic-2021.pdf?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f. Access date: 27.11.2022. (In Russ.)

Tablicy s itogami Federal'nogo statisticheskogo nabljudenija «Perepis' naselenija v Krymskom federal'nom okruge» [Tables with the results of the Federal Statistical Observation "Population Census in the Crimean Federal District"]. Razdel IV/ Tabl. 4 i 6. [Jelektronnyj resurs]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim /tab-krim.htm. Access date: 27.11.2022. (In Russ.)

Горячева Мария Александровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.
Адрес: 295000, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1.
Эл. адрес: masha22275@list.ru

Для цитирования: *Горячева М.А.* Динамика выпуска периодики на русском и республиканских государственных языках народов РФ (1970–2021) [Электронный ресурс]. Социолингвистика. 2022. № 4 (12). С. 45–70. DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-45-70

For citation: *Goryacheva, M.A.* Dynamics of periodicals production in Russian and republican state languages of peoples of the Russian Federation (1970–2021) [Electronic resource] // Sociolinguistics. 2022. No. 4 (12). Pp. 45–70. (In Russ.). DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-45-70

УДК 28.271, 28.272 DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-71-89

СОХРАНЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР (ИЗ ОПЫТА КАФЕДРЫ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ СИБИРИ ТГПУ)

Сергей В. Ковылин
Томский государственный педагогический университет,
Российская Федерация
Елена А. Крюкова
Томский государственный педагогический университет,
Российская Федерация

В статье рассматривается деятельность кафедры языков народов Сибири (ЯНС) Томского государственного педагогического университета по сохранению и популяризации языков и культур, исследованием научной проблематики которых в ТГПУ занимаются уже более 70 лет. В работе описывается социолингвистическая ситуация кетского, селькупского, вах-васюганского хантыйского, телеутского и чулымско-тюркского языков, обсуждается количество говорящих, функционирование письменности, а также практическое использование языков и их диалектов, что определяет общий контекст их существования. Представлены основные проекты языкового активизма, успешно реализуемые кафедрой, которые подразумевают диалог автохтонного населения с учеными-исследователями языков и культур, а также вовлеченность в проекты автохтонного и аллохтонного населения. Мероприятия включают в себя проведение научно-популярных лекций, круглых столов, открытых уроков и тематических вечеров. Одним из наиболее интересных проектов является издание «Сборников аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала» (7 томов) двойной направленности (для академических сотрудников и в помощь желающим изучать языки народов Сибири). Более того, практически каждая организация коренного малочисленного народа Сибири, а также институты, такие как кафедра языков народов Сибири, развивают свой творческий потенциал (в рамках исследуемой проблематики) на просторах сети Интернет.

Ключевые слова: *сохранение и популяризация языков и культур, кетский, селькупский, вах-васюганский хантыйский, телеутский и чулымско-тюркский языки, социолингвистика, языковой активизм, цифровая среда.*

PRESERVATION AND POPULARIZATION OF LANGUAGES AND CULTURES (FROM THE EXPERIENCE OF THE DEPARTMENT OF SIBERIAN INDIGENOUS LANGUAGES, TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY)

Sergey V. Kovylin
Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation
Elena A. Kryukova
Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation

The paper discusses activities of the Department of Siberian Indigenous Languages in Tomsk State Pedagogical University (TSPU) aimed at preservation and popularization of the languages and cultures which have been under study in TSPU for more than 70 years. It provides an overview of the sociolinguistic situation for Ket, Selkup, Vakh-Vasyugan Khanty, Teleut and Chulym-Turkic. The number of speakers, the functioning of writing systems, as well as practical usage of languages and their dialects are discussed, which determine the general context of their existence. The department successfully implements projects of language activism, which imply

dialogue of the indigenous population with scientists-researchers of languages and cultures, as well as involvement of autochthonous and allochthonous population in projects. Different events include popular science lectures, round table discussions, open lessons and themed nights. In addition, one of the most interesting projects is the publication of "Annotated Folk and Daily Prose Texts in the Languages of Ob-Yenissei Linguistic Area" (7 Volumes) designated for academic staff and those who want to learn Siberian languages. Moreover, practically every organization of the indigenous small-numbered peoples of Siberia, as well as such institutes as the department of Siberian Indigenous Languages, develop their creative potential (within the framework of the problem under study) with the help of the Internet.

Keywords: *preservation and popularization of languages and cultures, Ket, Selkup, Vakh-Vasyugan Khanty, Teleut and Chulym-Turkic, sociolinguistics, language activism, digital environment*

1. Введение

Современные процессы глобализации приводят к устойчивой тенденции исчезновения языков мира, ассимиляции автохтонных народов и их культур в контакте с доминантными соседями. Сталкиваясь с подобными вызовами, в РФ активизируются усилия по сохранению культурного и языкового разнообразия как со стороны правительства, так и со стороны языковых активистов, местного населения и локальных институтов.

Одним из таких институтов является кафедра языков народов Сибири (ЯНС) Томского государственного педагогического университета, которая помимо исследовательской деятельности на постоянной основе проводит мероприятия, направленные на сохранение, ревитализацию и популяризацию языков и культур народов Сибири, сотрудничает с общественными организациями, состоящими из автохтонного населения, а также участвует в разработке учебных материалов для преподавания малых языков. В сферу деятельности кафедры входит работа с представителями коренного населения, проживающего по рекам Обь и Енисей, а также вдоль их притоков.

В дополнение необходимо сказать, что данная статья является обзорной и описывает лишь частный случай подходов, используемых для сохранения и популяризации языков: в ней дается описание краткой социолингвистической характеристики таких языков, как кетский, селькупский, хантыйский (вах-васюганское наречие), телеутский и чулымско-тюркский.

2. Социолингвистическая ситуация: кетский, селькупский, вах-васюганский хантыйский, телеутский, чулымско-тюркский языки

Важной социолингвистической проблемой является определение реального статуса исследуемых языков, который, в частности, подразумевает количество говорящих, функционирование письменности, а также практическое использование языков и их

диалектов. Часто официальные статистические данные (например, перепись населения), могут носить не точный характер, а подходы исследователей, основанные на разном опыте, также могут различаться.

2.1 Кеты

За статистикой Всероссийской переписи населения[2] порой скрываются ошибки, разобраться в которых могут только специалисты. Так, согласно переписи за 2010 г., численность кетов составляет 1219 человек, из которых, помимо других мест, 957 человек проживают в Красноярском крае, а 141 человек в Томской области [ВПН, 2010]. В Верхнекетском районе Томской области действительно проживают кеты. Так, например, 7 человек было зафиксировано во время экспедиции 2010 г. сотрудниками, на тот момент еще действующей Лаборатории автоматизированных лексикографических систем Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ имени М. В. Ломоносова [Экспедиция 2010]. Цифра 141, показывающая количество кетов в Томской области по данным ВПН, является явным недоразумением, здесь может быть два предположения, почему реальное положение дел оказалось искаженоискажения реального положения дел. Первое: часть селькупов, проживающих на р. Кеть, предки которых ранее владели кетским диалектом селькупского языка, могли дать свое самоназвание по наименованию реки. Второе: региональные журналисты, встретившие эвенков в одном из поселков Верхнекетского района в начале 2000-х сделали «сенсационное открытие», сообщив о затерявшихся на севере Томской области кетах. Эвенки были опознаны по букварю на эвенкийском языке, который попал в кадры видеорепортажа. Возможно, часть эвенков под впечатлением приезда журналистов и вышедшего репортажа записалось при очередной переписи населения в ряды кетов.

Более того, согласно переписи населения за 2010 г. знание кетского языка подтвердили 213 человек [ВПН, 2010], в то время как в проекте «Малые языки России» указывается число носителей – 60 человек [Кетский язык, 2022], а по данным опроса этнографа В.П. Кривоногова свободно кетским владеют 52 человека (экспедиция 2014 г.: Таблица № 9) [Кривоногов, 2016: 156]. Это число неуклонно падает, на родном языке в основном говорят представители старшего поколения – люди пенсионного возраста. Так, за последние пять лет ушли из жизни три ярких представителя кетского народа: Александр Максимович Котусов (кетский бард, исполнитель кетских личных песен и сочинитель

[2] Здесь и далее мы используем статистические данные по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., т. к. на момент написания статьи итоги переписи за 2020 г. нам недоступны.

собственных песен на кетском языке), Павел Егорович Сутлин (прекрасный рассказчик и знаток кетского фольклора), Валентина Михайловна Серкова (полный носитель северного диалекта кетского языка).

Кетский язык преподается в начальных классах и среднем звене средней образовательной школы в поселках Келлог и Суломай, уроки являются факультативными – 1–2 часа в неделю. Естественная передача родного языка от среднего поколения молодому прервана, и язык школьниками изучается с нуля. Для начальной школы существуют учебники, в свою очередь школьники среднего звена занимаются в основном изучением материальной культуры и традиций своих предков.

Кетская письменность для учебников была разработана отечественным ученым Г.К. Вернером в сотрудничестве с учителями кетского языка в 80-х годах прошлого века [Казакевич, 2003: 241-242], однако распространение в качестве средства общения она не получила. В настоящее время существуют попытки устно-письменного общения на кетском языке в социальных группах посредством мессенджеров. При использовании родного языка большинство кетов ведут фонетическую запись с помощью кириллицы с добавлением некоторых знаков (запятых, одинарных кавычек) для обозначения звуков, отсутствующих в русском языке.

2.2 Селькупы

Согласно переписи населения в 2010 г. в России проживало 3649 селькупов, из которых родным языком владеют 1023 человека (в том числе 57 человек в Томской области) [ВПН, 2010]. Тем не менее реальная численность говорящих оценивается гораздо ниже. Так, по материалам проекта Малые языки России, численность носителей северных диалектов селькупского языка составляет 600 человек [Северноселькупский, 2022], а южных – 7 человек [Южноселькупский, 2022]. По данным «Диалектологического словаря селькупского языка» [Казакевичи др., 2010: 272], на основе экспедиций 1996–2009 гг., количество говорящих на северных диалектах составляло не более 500 человек. По нашим подсчетам, численность говорящих на южных диалектах на 2022 г. составляет 2 человека, чей язык в разной степени был ревитализован на базе академических ресурсов. В это число не включены так называемые «новоговорящие», те, кто пытается осваивать язык в процессе ревитализации, принимая участие в различных курсах по селькупскому языку.

История селькупской письменности насчитывает более ста лет, начиная с попыток Н.П. Григоровского [Григоровский, 1879] и св. Макария (Невского) [Макарий, 1900] создать письменность для южных селькупов на нижнечаинском и среднеобском диалектах.

С начала 1980-х гг. предпринимается очередная попытка создания нового селькупского алфавита на основе кириллицы с ориентацией на верхнетазовский говор северного наречия, который впоследствии подвергся небольшим изменениям и сейчас используется для издания учебников, словарей и других материалов различной направленности на разных говорах [Казакевич, Будянская, 2010: 273]. Язык используется в школах и СМИ [Там же].

На кафедре ЯНС также были предприняты попытки создания алфавита на кириллице для южного среднеобского диалекта [Быконя и др., 1993, 1994; Бэккер и др., 1994; Быконя, 1999]. В то же время на базе нарымского диалекта был опубликован разговорник на основе кириллицы [Купер и др., 1993]. Используемый алфавит со временем подвергся некоторым модификациям, при последующем издании учебных пособий, словарей и различного практического материала для преподавания. На данный момент нарымский и среднеобский диалекты изучаются в основном в языковых сообществах при поддержке активистов.

2.3 Вах-васюганские ханты

Общая численность ханты по результатам переписи населения 2010 г. составляла 30 943 человек, из которых только 9584 человека владеет родным языком [ВПН, 2010]. Мы остановимся только на вах-васюганском наречии хантыйского языка, т.к. оно напрямую входит в сферу нашей деятельности, а по другим хантыйским диалектам у нас нет точных инклюзивных данных. Так, на 2010 г., согласно переписи населения, количество говорящих в Томской области на хантыйском языке (можно определить как васюганский диалект), составляло 35 человек, в то время как реальное количество носителей (по нашим данным) было примерно в два раза меньше. На 2022 г. еще предположительно оставалось до трех говорящих и до десяти носителей на уровне понимания и произнесения отдельных слов и фраз. Количество владеющих ваховским диалектом статистически не было определено в переписи (мы не нашли такую информацию), т.к. его носители проживают совместно с носителями сургутского диалекта (в широком понимании) в Нижневартовском районе. По данным наших четырех экспедиций на р. Вах (2017, 2018, 2019, 2022) количество в разной степени говорящих можно определить в пределах 200–300 человек, из которых активно владеют языком примерно 150 человек.

Официальная письменность на васюганском диалекте отсутствует, в то время как для ваховского диалекта она была предложена еще в 1952 г. на основе кириллицы [Кошкарева, 2013]. На ваховском диалекте было создано достаточно много учебной литературы [в том числе см.: Неттина, 1998; Прасина, 2002, 2003, 2004; Терешкин и др., 2005; Хромова и др.,

2005], количество которой постоянно пополняется. Несмотря на то, что ваховские ханты (преимущественно проживающие в п. Корлики) все еще активно владеют данным диалектом и даже могут его использовать в качестве основного средства общения, находясь на охоте или проживая на пастбищах, в быту он не находит применения в качестве письменного языка, и в по большей части ограничен преподаванием в школе и общественно-культурными мероприятиями[3].

2.4 Телеуты

Численность телеутов по переписи 2010 г. определяется в 2643 человека, в то время как численность говорящих достигает 975 человек [ВПН, 2010]. По данным проекта «Языки России» число носителей, включая пассивно владеющих, также достигает примерно 1000 человек [Телеутский язык, 2022]. Активно говорящих на телеутском языке насчитывается не более 10%, что примерно соответствует 250–260 говорящим. Это в основном группа населения старше 60 лет. Примерно половина представителей средней возрастной группы в той или иной степени владеет телеутским языком. Младшее поколение владеет языком слабо, хотя и в этой возрастной группе могут встречаться отдельные активные носители-билингвы [Токмашев, 2020: 17].

Телеутский можно причислить к первым письменным диалектам алтайского языка, вместе с языком алтай-кижи он лег в основу алтайской письменности. С 1923 г. телеутский использовался только в устной форме (алтай-кижи стал литературным языком), а письменность была возобновлена только в недавнее время [Токмашев, 2020: 17; Телеутский язык, 2022]. В системе образования телеутский язык функционирует в качестве факультативных занятий в СОШ с. Беково Кемеровской области (1–2 часа в неделю) для школьников 2–9-го классов [Телеутский язык, 2022].

2.5 Чулымские тюрки

По результатам Всероссийской переписи населения в 2010 г. в России проживало 335 чулымских тюрков, при этом на владение языком указали только 44 человека [ВПН, 2010]. В свою очередь, в соответствии с данными проекта Малые языки России число носителей составляет 30 человек, которые можно разбить на 3 группы: 1) до 55 лет владеют чулымско-тюркским языком на уровне понимания и произнесения отдельных слов; 2) от 55

[3] На 2022 г. в основном месте проживания говорящих на ваховском диалекте (п. Корлики) преподавание родного языка в школе (временно) не велось по причине отсутствия учителей.

до 65 лет – являются в основном пассивными или полуносителями; 3) старше 67 лет – свободно владеющие языком [Чулымско-тюркский язык, 2022]. По нашим данным количество носителей по трем заявленным группам может составлять до 50 человек на 2022 г.

Разработанной официальной письменности для языка чулымских тюрков нет, параллельно существуют две графики для разных диалектов языка: 1) для тутальского диалекта – графика на основе русского алфавита с добавлением 3–4 графем (разработана в 2003–2018 гг.); 2) для мелетского диалекта – графика на основе русского алфавита с добавлением 7 графем (разработана в 2007–2018 гг.) [Там же].

Чулымско-тюркский язык не преподается в школе и других учебных заведениях, был опыт проведения серии уроков на базе Тегульдетской районной библиотеки в рамках гранта национального проекта «Культура» в 2020–2021 гг.

При рассмотрении статистики по носителям языков, представленной Всероссийской переписью населения, и сравнении ее с проработанными данными, полученными научным сообществом, в отдельных случаях наблюдаются существенные различия. Так, количество носителей кетского, селькупского языков и васюганского диалекта хантыйского языка по данным исследователей минимум в два раза ниже оценок переписи населения, оценки числа носителей телеутского и чулымско-тюркского примерно совпадают, в то время как число носителей ваховского диалекта хантыйского языка не удается установить по переписи.

Более того, на основании вышесказанного, а также из общей оценки социолингвистической ситуации языков народов, проживающих по рекам Обь и Енисей, а также вдоль их притоков, очевидно, что в отдельных случаях для языков и диалектов в разной степени были разработаны системы письма, но их реальное функционирование может быть резко ограниченным, вплоть до того, что говорящие только слышали о письменности, однако не используют ее. Письменный язык может использоваться при начальном обучении и далее забываться из-за отсутствия востребованности или для написания различных учебных материалов, которые во многих случаях не получают практического применения. В отдельных случаях, хотя и с оговорками, можно говорить о фактически бесписьменных языках и их диалектах.

Дополняя картину социолингвистической ситуации, необходимо вкратце описать языковую политику в Томской области, т.к. кафедра ЯНС в существенной степени проводит мероприятия по поддержанию языков и культур именно в Томском государственном педагогическом университете. Механизмы поддержки этнической идентичности со стороны региональных властей, с одной стороны, не усиливают, но с другой – и не ослабляют

процессы ассимиляции автохтонного населения. Так, например, в Законе Томской области «О коренных малочисленных народах в Томской области» (2010) [Закон Томской области, 2010] разграничиваются полномочия органов власти по вопросам поддержки коренного населения, но в нем не обозначены меры, которые помогли бы сохранить, либо в отдельных случаях возродить преемственность родного языка, культуры, традиционных промыслов автохтонных этносов. Следует отметить, что в Томской области план мероприятий по реализации Стратегии государственной национальной политики РФ был разработан только в 2014 г., однако и он, также как и Закон Томской области «О коренных малочисленных народах Томской области», сводится в большинстве случаях к разграничению полномочий местных органов власти и привлечению вузов, некоммерческих организаций к совместным действиям по выполнению представленного плана [Распоряжение, 2014].

3. Языковой активизм

По своей сути, на основе опыта нашей кафедры, мероприятия, связанные с сохранением языка и культуры, являются вспомогательным, второстепенным явлением, связанным с языковым активизмом, который заключается в проведении данной деятельности в свободное от преподавания и занятия наукой временем. Языковой активизм, в нашем случае, возникает из-за исследования научных проблем в конкретных языках Сибири и позволяет использовать теоретические наработки на практике, подключать к участию реализации проектов коренное население, а также проводить популяризацию автохтонных языков и культур среди автохтонного и аллохтонного населения, таким образом повышая всеобщую осознанность и инклюзивность общества.

В начале 90-х гг. прошлого века американский ученый М. Краусс привлек внимание научного сообщества к проблемам сохранения и описания исчезающих языков, предрекая вымирание 90% языков [Krauss, 1992]. В это время в Томской области создается первая общественная организация КМНС Колта Куп, возникает потребность в разработке методических комплексов по изучению селькупского языка (постсоветская политика педагогических практик по сохранению языков), которую Госкомсевера поручает реализовать Лаборатории народов Севера ТГПИ (сегодня – кафедра языков народов Сибири ТГПУ) как крупному научному центру, занимающемуся с 1950-х гг. документацией коренных языков на территории Томской области и Красноярского Края[4].

[4] История Томской лингвистической школы им. А.П. Дульзона, под руководством которого велось комплексное описание языков и культур автохтонного населения Сибири, насчитывает более 70 лет.

С этого времени ученые ТГПУ осуществляют научное консультирование представителей коренных малочисленных этносов Сибири по лингвистическим, этнографическим и культурологическим аспектам[5]. В середине 1990-х гг. в ТГПУ на льготной основе поступило около 10 человек абитуриентов-селькупов, что позволило сотрудникам ЯНС организовать для них курсы по селькупскому языку (руководитель А.А. Ким), некоторые из этих бывших студентов и сегодня участвуют или организовывают мероприятия по популяризации языка и культуры своего народа. Параллельно предпринималось консультирование учителя селькупского языка Н.П. Иженбиной в школе с. Иванкино[6] (ощутимая помощь оказывалась Ю.А. Моревым, В.В. Быконя): разработка программы обучения, составление словников по темам, методические рекомендации по организации работы на уроке.

По заказу Агентства по поддержке коренных малочисленных народов Красноярского края в 2008—2010 гг. были организованы курсы повышения квалификации для учителей кетского языка (2008, 2009, 2010 гг. на базе Языковой лаборатории г. Туруханска, Томского государственного педагогического университета и средней школы п. Келлог; руководители курсов Е.А. Крюкова, Н.М. Гришина). Обучение затрагивало три аспекта: теоретические основы сибиреведения в целом и конкретно научное изучение кетского языка и культуры, практические занятия по кетскому языку в сопровождении с компетентными носителями (среди них В.А. Романенкова, З.В. Максунова), методические приемы при обучению языкам.

С 2017 г. активизировалось движение по популяризации языков и культур среди селькупского населения Томской области: было проведено три круглых стола по проблемам ревитализации миноритарных языков и культур разного уровня, в том числе и с представителями административной власти; регулярно организовывались семинары и уроки для коренного населения Томской области по языку и культуре (С.В. Ковылин, Н.А. Тучкова, Н.В. Дубровская, Н.В. Полякова, А.А. Ким, Г.В. Коротких) с участием компетентных носителей селькупского языка И.А. Коробейниковой и Н.П. Иженбиной; возросло количество культурных мероприятий, например, каждый год отмечался День родного языка, в 2018 г. был отпразднован 25-летний юбилей селькупского букваря.

В 2020–2021 гг. была организована работа «Кружка по изучению чулымского языка» (руководитель В.М. Лемская), которая проходила в рамках грантового проекта «Музей –

[5] Ниже описана деятельность кафедры ЯНС в периоды наиболее активного взаимодействия ученых и коренного населения Томской области и соседних регионов.

[6] До 2017 г. с. Иванкино имело статус «национального поселка» (Иванкинское национальное сельское поселение).

центр возрождения чулымской культуры» по заказу организации МКУ «Тегульдетская районная централизованная библиотечная система».

Временный спад активности произошел в 2020 г. в период пандемии, когда еще не были освоены виртуальные площадки в формате видеоконференций.

Из контекста описанных событий понятно, что кафедра ЯНС в целом апробировала постсоветские культурные практики (педагогические, информационные, правовые), реализуемые с 1990-х гг. повсеместно. Проводимые мероприятия пробуждали интерес к изучению языков и культур народов Сибири, но, к сожалению, только в малой степени способствовали появлению «новоговорящих». Положительная сторона такой деятельности – повышение престижа языковых сообществ при их поддержке научными институтами как среди населения, так и среди представителей административной власти. Кроме того, проведение мероприятий на базе кафедры ЯНС в течение 2017–2019 гг. дало положительную динамику и привело к тому, что представители коренного населения в настоящий момент самостоятельно реализуют проекты, сотрудничая и с другими учреждениями, общественными организациями.

С 2021 г. сотрудники кафедры ЯНС решили изменить формат работы с языковыми сообществами по сохранению и передаче родных языков. Отправной точкой стало мероприятие «Сказки народов Сибири за чашкой чая», который в связи с пандемией был переведен в онлайн режим. При проведении мероприятия стало ясно, что язык «оживает», когда выполняет свою основную функцию – коммуникативную, а организаторы мероприятия формируют этот коммуникативный запрос, давая участникам встречи возможность говорить на родных языках. В 2022 г. на регулярной основе стали проходить онлайн-мероприятия, целью которых стало не обсуждение проблем сохранения и ревитализации языков, а побуждение представителей коренного населения к использованию родного языка. Это пять мероприятий в год: Круглый стол ко Дню науки 8 февраля, на котором кроме научно-популярной составляющей представляется возможность активного использования языка (в 2022 г. это был «Речевой этикет народов Сибири»); в феврале День родного языка трансформировался в Неделю родного языка с проведением мини-уроков по селькупскому, кетскому, хантыйскому, чулымско-тюркскому, телеутскому языкам; в марте – уже традиционная встреча «Сказки народов Сибири за чашкой чая»; осенью впервые прошли

мероприятия «Вечер поэзии на языках народов Сибири» и «Малый фольклор на языках народов Сибири» (в дальнейшем они будут проводиться ежегодно)[7].

Одним из наиболее интересных проектов кафедры ЯНС, который направлен на широкий круг заинтересованных лиц, является публикация «Сборников аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала», насчитывающая семь томов, минимум по пять языков Сибири в каждом выпуске [Анн. фолькл. тексты, 2010; Сб. анн. и фольк. текстов, 2012–2020]. Тома содержат глоссированные тексты из неизданных архивов кафедры ЯНС и сопровождаются фольклорным анализом. Целевой аудиторией данных работ являются ученые лингвисты, фольклористы и автохтонное население Сибири. В связи с этим все материалы дополнительно представлены в кириллической транскрипции, что позволяет использовать их при преподавании и изучении родных языков.

Кафедра ЯНС Томского государственного педагогического университета является только одним из институтов в Томской области, занимающихся вопросами сохранения культуры и языков народов Сибири и России. Так, не менее активные позиции в проведении подобного рода мероприятий занимает Томский государственный университет, а также многочисленные организации коренных народов Томской области и сопредельных регионов, среди которых ТРОО «Союз коренных малочисленных народов Севера Томской области», Колпашевская районная общественная организация «Колта-Куп», Парабельская районная общественная организация «Колдэл ҕуп», Каргасокская районная общественная организация «Коргытсок», Томская городская общественная организация «Пеҕҕораль», «Ассоциация телеутского народа “Эне-Байат”», «Томская региональная общественная организация КМНС “Июс Кижилер” (Люди Чулыма)», ТРОО «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Томской области “Колта куп”», «Межэтническая ассоциация “Ильсат”», «Молодежная Ассамблея народов России» в Томске и др..

В последнее десятилетие цифровая среда стала развиваться более активно, происходит детальное ознакомление разных групп населения с возможностями сети Интернет. Не отстают в этом отношении и организации КМНС, идет апробация различных платформ, соцсетей и мессенджеров для популяризации своих языков и культур, обмена информацией и общения. И хотя контент не всегда пополняется регулярно и равномерно, на настоящий момент по совокупности сайтов и соцсетей можно получить представление о развитии языкового активизма в Томской области и сопредельных регионах (см. Список интернет-ресурсов коренных народов Сибири в конце Списка литературы).

[7] Информация о мероприятиях и их видеозапись размещается на странице ВКонтакте (https://vk.com/club208720876) и на канале кафедры ЯНС ТГПУ (https://www.youtube.com/@user-jc7hr4ux2z).

Общение коренных этнических групп в совокупности с языковыми активистами (на специально созданных каналах) еще больше интенсифицируется благодаря мессенджерам, например WhatsApp, Telegram, Viber, где участники получают самую актуальную информацию о проводимых мероприятиях, выступают с инициативами и, объединенные общей идеей, также поддерживают сохранение языкового и культурного разнообразия.

4. Обсуждение

В ходе научной и образовательной деятельности постоянно ведется коммуникация с представителями коренного населения Сибири. По личным наблюдениям и при обсуждении вопросов, относящиеся к перспективам и целесообразности сохранения родных языков, на тематических конференциях были выявлены самые типичные положительные и отрицательные комментарии (они представлены ниже), полученные от автохтонного населения, в диапазоне от отрицания считать свое наследие важным (комментарии о полном обрусении), до полного поддержания и активного участия в сохранении исконных культур и языков (стоит оговориться, что положительных комментариев гораздо больше).

Отрицательные комментарии:

- уверенность в полном исчезновении языков;
- невостребованность в современном обществе;
- возможность использования языка только в ограниченных условиях;
- незаинтересованность молодого поколения в изучении родного языка.

Положительные комментарии:

- надежда на восстановление родных языков и на передачу знаний последующим поколениям;
- особое внимание со стороны государства;
- повышение уровня самосознания;
- материальные стимулы;
- личная заинтересованность.

Представители коренного населения, которые позитивно оценивают идеи сохранения их языков и культур и одновременно участвуют в этой деятельности, составляют лишь небольшую часть от всего населения. Большую часть составляют пассивно поддерживающие, не участвующие в этой деятельности, но подчеркивающие значимость собственных языков и культур.

Остановимся более подробно на факторах, связанных с негативной оценкой, проявлением безразличия или скептицизма представителей языковых (этнических) общностей к деятельности по поддержке этнических языков.

Экономически активное коренное население часто предпочитает заниматься вопросами, связанными с заработком, в то время как обсуждаемая нами деятельность потенциально отнимает это время и не приносит желаемого финансового достатка. В случаях если отдельным обществам коренного населения от государства выделяются ресурсы (финансовые, административные), иногда можно наблюдать борьбу за их распределение как внутри групп, так и между разными обществами, что приводит к их разобщенности и взаимному непризнанию, а это негативно влияет на объединение усилий для достижения обозначенных целей по сохранению языков.

Достаточно серьезной проблемой является безработица в относительно изолированных районах Сибири (на примере Томской области и ХМАО) из-за экономической нецелесообразности поддержания отдаленных населенных пунктов без развитой инфраструктуры. В данной ситуации может наблюдаться безразличие коренного населения по отношению к текущей повестке дел в целом.

Иногда можно услышать комментарии об обрусении или отказе от прежних языческих традиций, в том числе по религиозным причинам. Косвенно (хотя не всегда) это влияет и на желание поддерживать стремление к сохранению родного языка.

Члены одного этноса могут проводить различия между представителями своего же народа по разным причинам. Например, указывая на различия в диалектах языка, настаивают, что именно их вариант нужно брать за основу для языковой деятельности. Возникает так называемая проблема «ряженых», когда одни члены этноса отказываются считать других коренными в полном смысле и могут не признавать их деятельность и достижения.

Поддержание функционирования языков (например, вопросы преподавания) требует серьезной работы, определенного уровня квалификации и понимания целей и задач, что требует от автохтонного населения немалых усилий. В связи с этим часто наблюдается только показная готовность организаций к серьезным действиям, естественно, без соответствующего ?.

Иногда можно увидеть разрыв во владении языками старшего и младшего поколений. Приведем пример на основе языковой ситуации в п. Корлики Нижневартовского района ХМАО, где старшее поколение с сожалением отмечает, что молодые уже практически не говорят на языке (хотя по личным наблюдениям язык еще передается в отдельных семьях), а

также нет условий для его использования, кроме школы. Молодое поколение уезжает в город и предпочитает учить языки, которые им пригодятся в жизни (английский).

Со своей стороны мы отдаем отчет о неизбежности естественных процессов и исчезновения некоторых диалектов языков Сибири, как и самих отдельных языков в обозримом будущем, однако считаем важным и в дальнейшем содействовать функционированию дополнительных площадок для поддержания востребованности коммуникации на родных языках и популяризации автохтонных культур. Первоочередной задачей, которая стоит сегодня перед языковыми активистами, является привлечение школьников и студентов к активному участию в деятельности по сохранению и возрождению языков; без молодого поколения невозможна дальнейшая передача опыта и знаний этносов о языке, материальной и духовной культуре, традиционных промыслах.

Литература

Аннотированные фольклорные тексты обско-енисейского языкового ареала (2010) / Отв. ред. А.Ю. Фильченко. Томск. 336 с.

Беккер Э.Г., Быконя В.В., Ким А.А., Купер Ш.Ц., Морева Л.В. (1994). Пособие по селькупскому языку. Томск: Томский пединститут. 272 с.

Быконя В.В., Ким А.А., Купер Ш.Ц. (1993) Шёшкуй букварь. Томск: НЛТ. 91 с.

Быконя В.В., Ким А.А., Купер Ш.Ц. (1994) Словарь селькупско-русский и русско-селькупский. Томск: Том. регион. отд. М-ва по делам национальностей и регион. Политике ; Том. гос. пед. ин-т. 93 с.

Быконя В.В. (1997) В помощь учителю селькупского языка для работы по букварю: (Шёшкуй букварь). Томск: Изд-во науч.-технической лит-ры. 28 с.

Быконя В.В. (1999) Шарватпленд шёшкуй шэндсэ! : Говори по-шёшкупски!: (Русско-селькупский разговорник). Томск.

Всероссийская перепись населения (ВПН) (2010). Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. Дата обращения 29.11.2022.

Григоровский Н.П. (1879) Азбука сюссогой гулани / Сост. Н.П. Григоровским для инородцев Нарымского края: Издание православного миссионерского общества. Казань.

Енисейские языки (2022) // Проект «Языки России». Режим доступа: http://jazykirf.iling-ran.ru/groups/Yeniseian.shtml. Дата обращения: 27.11.2022.

Закон Томской области: О коренных малочисленных народах Томской области // Государственная Дума Томской области. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/951833380. Дата обращения: 29.11.2022

Кетский язык (2022) // Малые языки России. Режим доступа: https://minlang.iling-ran.ru/lang/ketskiy. Дата обращения: 27.11.2022.

Казакевич О.А. (2003) Кетский язык // Письменные языки мира : Языки Российской Федерации: Социолингвистическая энциклопедия / Ред. В.М. Солнцева, В.Ю. Михальченко, О.А. Казакевич, И.В. Самарина. М.: Academia. Кн. 2. С. 238–252.

Казакевич О.А., Будянская Е.М. (2010) Диалектологический словарь селькупского языка: (Северное наречие). Екатеринбург: Институт филологии СО РАН.

Кошкарева Н.Б. (2013) Актуальные вопросы совершенствования хантыйской графики и орфографии // Вестник угроведения. № 3 (14). С. 52–72.

Кривоногов В. П. (2016) Этнические процессы у кетов в начале XXI в.: (Опыт интервальных исследований) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. № 6 (44). С. 152–161.

Купер Ш., Пустаи Я. (1993) Селькупский разговорник: (Нарымский диалект) // Specimina Sibirica. Redigit Janos Pusztay. Tomus 7. Savariae.

Макарий, епископ Томский (1900) Беседы об истинном Боге и истинной вере на наречии обских остяков. Томск.

Малые языки России (2022). Режим доступа: https://minlang.iling-ran.ru/. Дата обращения 27.11.2022.

Неттина М.А. (1998) Русско-хантыйский разговорник: Ваховский диалект. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение».

Прасина М.А. (2002) Картинный словарь хантыйского языка : (Ваховский диалект): Пособие для уч-ся нач. кл. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение». 190 с.

Прасина М.А. (2003) Тесты по хантыйскому языку : (Ваховский диалект): Учебно-методическое пособие для учителя нач. кл. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение». 47 с.

Прасина М.А. (2004) Хантыйская азбука : (Ваховский диалект): Наглядно-дидактический материал для уч-ся 1-4 кл. общеобр. учр. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение».

Проект «Языки России» (2022). Режим доступа: http://jazykirf.iling-ran.ru/list_2022.shtml. Дата обращения 27.11.2022.

Распоряжение: Об утверждении регионального плана мероприятий по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (2014) Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/467913251. Дата обращения: 30.11.2022.

Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала (2012–2022). / Отв. ред. А. Ю. Фильченко. Томск. Т. 2–7.

Северноселькупский (2022) // Малые языки России. Режим доступа: https://minlang.iling-ran.ru/lang/severnoselkupskiy. Дата обращения 29.11.2022.

Список языков России (2022) // Проект «Языки России». Режим доступа: http://jazykirf.iling-ran.ru/list_2022.shtml. Дата обращения 29.11.2022.

Телеутский язык (2022) // Малые языки России. Режим доступа: https://minlang.iling-ran.ru/lang/teleutskiy-yazyk. Дата обращения 30.11.2022.

Терешкин Н.Н., Меркулова Р.Ф., Каткалева Т.Ф. (2005) Букварь на хантыйском языке (ваховский диалект) для 1 класса общеобразовательных учреждений. 2-е изд., испр. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение».

Токмашев Д.М. (2022) Телеутский язык // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала / Отв. ред. А. Ю. Фильченко. Томск. Т. 6.

Тюркские: Горно-алтайские языки (2022) // Проект «Языки России». Режим доступа: http://jazykirf.iling-ran.ru/groups/Tu.%20Gorno-Altai.shtml. Дата обращения 30.11.2022.

Тюркские: Кыргызские языки (2022) // Проект «Языки России». Режим доступа: http://jazykirf.iling-ran.ru/groups/Tu.%20Khakassic.shtml. Дата обращения 30.11.2022.

Хромова Л.М., Немысова Е.А. (2005) Хантыйский язык в таблицах (ваховский диалект): Пособие для учащихся 5–9 кл. общеобраз. учрежд. СПб: Филиал изд-ва «Просвещение».

Чулымско-тюркский язык (2022) // Малые языки России. Режим доступа: https://minlang.iling-ran.ru/lang/chulymsko-tyurkskiy. Дата обращения: 30.11.2022.

Экспедиция к сымским эвенкам и кетским и тымским селькупам (2010) // Малые языки Сибири: Наше культурное наследие. Режим доступа: https://minlang.srcc.msu.ru/ru/expedition/2010-ekspediciya-k-symskim-evenkam-i-ketskim-i-tymskim-selkupam. Дата обращения: 29.11.2022.

Южноселькупский (2022) // Малые языки России. Режим доступа: https://minlang.iling-ran.ru/lang/yuzhnoselkupskiy. Дата обращения: 29.11.2022.

Krauss M. (1992) The world's languages in crisis // Language. V. 68. No. 1. Pp. 4–10.

Интернет-ресурсы коренных народов Сибири

АНО ЦИАИИЭ «НОВАЯ МАНГАЗЕЯ». Режим доступа: https://vk.com/public210733396 Дата обращения: 30.11.2022

Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Томской области «Колта куп». Режим доступа: http://kmnstomsk.ru/ob-assotsiatsii.php Дата обращения: 30.11.2022

Ассоциация телеутского народа «Эне-Байат». Режим доступа: https://vk.com/ene_bayat Дата обращения: 30.11.2022

Кеты. Кеты Подкаменной Тунгуски п. Суломай. Режим доступа: https://vk.com/club22892836 Дата обращения: 30.11.2022

КР ОО АКМНС «Колта-Куп» ТО. Режим доступа: https://vk.com/club147790354 Дата обращения: 30.11.2022

Межэтническая ассоциация «Ильсат». Режим доступа: https://vk.com/ilsat_tomsk Дата обращения: 30.11.2022

Молодежная Ассамблея народов России. Режим доступа: https://vk.com/tomsk.myrossiyane Дата обращения: 30.11.2022

Селькупский язык. Южноселькупский язык. Режим доступа: https://www.youtube.com/@selkup_lang/featured Дата обращения: 30.11.2022

Союз КМНС Томской области. Режим доступа: https://tomsk-indigenous.com/ https://ok.ru/soyuzkmns Дата обращения: 30.11.2022

Этнокультурная лаборатория «PROЧулымцев». Режим доступа: https://vk.com/club199685368; https://ok.ru/muzeytsent Дата обращения: 30.11.2022

SoyuzKMNS Tomsk. Режим доступа: https://www.youtube.com/c/SoyuzKMNSTomsk Дата обращения: 30.11.2022

References

Annotirovannyye fol'klornyye teksty obsko-yeniseyskogo yazykovogo areala [Annotated Folklore Prose Texts of Ob-Yenissei Language Area] (2010) / Ed.-in-chief A.Yu. Filchenko. Tomsk. 336 p. (In Russ.)

Bekker, E.G., Bykonya, V.V, Kim, A.A., Kuper, Ss.Ts., Moreva, L.V. (1994). Posobiye po sel'kupskomu yazyku [A guide to the Selkup language]. Tomsk: Tomsk Pedagogical Institute. 272 p. (In Russ.)

Bykonya, V.V., Kim, A.A., Kuper, Sh.Ts. (1993) Shoshkuy bukvar' [Shoshkup ABC-book]. Tomsk: NLT. 91 p. (In Russ.)

Bykonya, V.V., Kim, A.A., Kuper, Sh..Ts. (1994) Slovar' sel'kupsko-russkiy i russko-sel'kupskiy [Selkup-Russian and Russian-Selkup Dictionary]. Tomsk: Tomsk regional department for nationalities and regional policy ; Tomsk State Pedagogical Institute. 93 p. (In Russ.)

Bykonya, V.V. (1997) V pomoshch' uchitelyu sel'kupskogo yazyka dlya raboty po bukvaryu (Shoshkuy bukvar') [Assistance for the teacher of the Selkup language in work with the ACB-book (Shoshkup ABC-book)]. Tomsk: Publishing house of scientific and technical literature. 28 p. (In Russ.)

Bykonya, V.V. (1999) Sharvatplend shoshkuy shendse! : Govori po-shoshkupski! : (Russko-sel'kupskiy razgovornik) [Sharwatplend shoshka shandse! Speak Shoshkup! : (Russian-Selkup phrasebook)]. Tomsk. (In Russ.)

Vserossiyskaya perepis' naseleniya (VPN) [All-Russia Population Census (ARPC)] (2010). Available at: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. Access date: 29.11.2022. (In Russ.)

Grigorovskiy, N.P. (1879) Azbuka syussogoy gulani [ABC-book for syussogoy gula] / Sost. N.P. Grigorovskim dlya inorodtsev Narymskogo kraya. Izdaniye pravoslavnogo missionerskogo obshchestva. Kazan. (In Russ.)

Yeniseyskiye yazyki [Yenissei languages] (2022) // Proyekt “Yazyki Rossii”. Available at: http://jazykirf.iling-ran.ru/groups/Yeniseian.shtml. Access date: 27.11.2022. (In Russ.)

Zakon Tomskoy oblasti: O korennykh malochislennykh narodakh Tomskoy oblasti [Law of the Tomsk Region: On Indigenous Peoples of the Tomsk Region] // Gosudarstvennaya Duma Tomskoy oblasti. Access mode: https://docs.cntd.ru/document/951833380. Access date: 29.11.2022 (In Russ.)

Ketskiy yazyk [Ket language] (2022) // Malyye yazyki Rossii. Available at: https://minlang.iling-ran.ru/lang/ketskiy. Access date: 27.11.2022. (In Russ.)

Kazakevich, O. A. (2003) Ketskiy yazyk [Ket language] // Pis'mennyye yazyki mira : Yazyki Rossiyskoy Federatsii. Sotsiolingvisticheskaya entsiklopediya. Kniga 2. / Ed. V.M. Solntseva, V.Yu. Mikhalchenko, O.A. Kazakevich, I.V. Samarina. M.: Academia. Pp. 238–252. (In Russ.)

Kazakevich, O.A., Budyanskaya, E.M. (2010) Dialektologicheskiy slovar' sel'kupskogo yazyka (severnoye narechiye) [Dialectological Dictionary of the Selkup Language (Northern Dialect)]. Yekaterinburg: Institute of Philology SB RAS. (In Russ.)

Koptseva, N.P. (2014) Vliyaniye sovremennykh kul'turnykh praktik na etnicheskuyu identichnost' korennykh malochislennykh narodov Tsentral'noy Sibiri [The Influence of Modern Cultural Practices on the Ethnic Identity of the Indigenous Peoples in Central Siberia] // Sotsiodinamika. No. 6. Pp. 1 - 27. DOI: 10.7256/2306-0158.2014.6.12201 (In Russ.)

Koshkareva, N.B. (2013) Aktual'nyye voprosy sovershenstvovaniya khantyyskoy grafiki i orfografii [Topical issues of improving the Khanty graphics and spelling] // Vestnik ugrovedeniya. No. 3 (14). Pp. 52–72. (In Russ.)

Krivonogov, V.P. (2016) Etnicheskiye protsessy u ketov v nachale XXI v. : (Opyt interval'nykh issledovaniy) [Ethnic processes among the Kets at the beginning of the 21st century (experience of interval studies)] // Vestn. Tom. gos. un-ta. Istoriya. No. 6 (44). Pp. 152–161.

Kuper, Sh., Pustai, Ya. (1993) Sel'kupskiy razgovornik (narymskiy dialekt) [Selkup Phrasebook (Narym dialect)]. Specimina Sibirica. Redigit Janos Pusztay. Tomus 7. Savariae. (In Russ.)

Makariy, the bishop of Tomsk (1900) Besedy ob istinnom Boge i istinnoy vere na narechii obskikh ostyakov [Conversations about the true God and true faith in the dialect of Ob Ostyaks]. Tomsk. (In Russ.)

Malyye yazyki Rossii [Minor languages of Russia] (2022). Available at: https://minlang.iling-ran.ru/. Access date: 27.11.2022. (In Russ.)

Nettina, M.A. (1998) Russko-khantyyskiy razgovornik : Vakhovskiy dialekt [Russian-Khanty phrasebook: Vakh dialect]. SPb.: Branch of the publishing house «Prosveshcheniye». (In Russ.)

Prasina, M.A. (2002) Kartinnyy slovar' khantyyskogo yazyka (vakhovskiy dialekt) : Posobiye dlya uch-sya nach. kl. [Picture Dictionary of the Khanty Language (Vakh dialect) : A Handbook for pupils of primary school]. SPb.: Branch of the publishing house «Prosveshcheniye». 190 p. (In Russ.)

Prasina, M.A. (2003) Testy po khantyyskomu yazyku (vakhovskiy dialekt) : Uchebno-metodicheskoye posobiye dlya uchitelya nach. kl. [Tests in the Khanty language (Vakh dialect) : Educational and methodological manual for a teacher of primary school]. SPb.: Branch of the publishing house «Prosveshcheniye». 47 p. (In Russ.)

Prasina, M.A. (2004) Khantyyskaya azbuka (vakhovskiy dialekt) : Naglyadno-didakticheskiy material dlya uch-sya 1–4 kl. obshcheobr. uchr. [Khanty alphabet (Vakh dialect): visual and didactic materials for the pupils of 1–4 grades in general education institutions]. SPb.: Branch of the publishing house «Prosveshcheniye». (In Russ.)

Proyekt “Yazyki Rossii” [Project “Languages of Russia”] (2022). Available at: http://jazykirf.iling-ran.ru/list_2022.shtml. Access date: 27.11.2022. (In Russ.)

Rasporyazheniye: Ob utverzhdenii regional'nogo plana meropriyatiy po realizatsii Strategii gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda [Order: On approval of the regional action plan for the implementation of the Strategy of the

State National Policy in the Russian Federation for the period up to 2025] (2014) Available at: https://docs.cntd.ru/document/467913251. Access date: 30.11.2022. (In Russ.)

Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-yeniseyskogo yazykovogo areala (2012-2022). T. 2–7 [Annotated Folk and Daily Prose Texts in the Languages of Ob-Yenissei Linguistic Area. Vol. 2–7] / Edi.-in-chief A.Yu. Filchenko. Tomsk. (In Russ.)

Severnosel'kupskiy [Nothern Selkup] (2022) // Malyye yazyki Rossii. Available at: https://minlang.iling-ran.ru/lang/severnoselkupskiy. Access date: 29.11.2022. (In Russ.)

Spisok yazykov Rossii [List of languages of Russia] (2022) // Proyekt “Yazyki Rossii”. Available at: http://jazykirf.iling-ran.ru/list_2022.shtml. Access date: 29.11.2022. (In Russ.)

Teleutskiy yazyk [Teleut language] (2022) // Malyye yazyki Rossii. Available at: https://minlang.iling-ran.ru/lang/teleutskiy-yazyk. Access date: 30.11.2022. (In Russ.)

Tereshkin, N.N., Merkulova, R.F., Katkaleva, T.F. (2005) Bukvar' na khantyyskom yazyke (vakhovskiy dialekt) dlya 1 klassa obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy. 2-ye izd., ispr [ABC-book in the Khanty language (Vakh dialect) for the 1st grade of educational institutions. 2nd ed., rev.]. SPb.: Branch of the publishing house «Prosveshcheniye». (In Russ.)

Tokmashev, D.M. (2022) Teleutskiy yazyk [Teleut language] // Sbornik annotirovannykh fol'klornykh i bytovykh tekstov obsko-yeniseyskogo yazykovogo areala T. 6 / Ed.-in-chief A. Yu. Filchenko. Tomsk. (In Russ.)

Tyurkskiye: Gorno-altayskiye yazyki [Turkic : Gorno-Altaic languages] (2022) // Proyekt “Yazyki Rossii”. Available at: http://jazykirf.iling-ran.ru/groups/Tu.%20Gorno-Altai.shtml. Access date: 30.11.2022. (In Russ.)

Tyurkskiye: Kyrgyzskiye yazyki [Turkic : Kyrgyz languages] (2022) // Proyekt “Yazyki Rossii”. Available at: http://jazykirf.iling-ran.ru/groups/Tu.%20Khakassic.shtml. Access date: 30.11.2022. (In Russ.)

Khromova, L.M., Nemysova, E.A. (2005) Khantyyskiy yazyk v tablitsakh (vakhovskiy dialekt): Posobiye dlya uchashchikhsya 5–9 kl. obshcheobraz. uchrezhd. [Khanty language in tables (Vakh dialect): A guide for for the students of 5–9 grades in general education institutions]. St. Petersburg: branch of the publishing house «Prosveshcheniye». (In Russ.)

Chulymsko-tyurkskiy yazyk [Chulym-Turkic language] (2022) // Malyye yazyki Rossii. Available at: https://minlang.iling-ran.ru/lang/chulymsko-tyurkskiy. Access date: 30.11.2022. (In Russ.)

Ekspeditsiya k symskim evenkam i ketskim i tymskim sel'kupam [Expedition to the Sym Evenki and Ket and Tym Selkups] (2010) // Malyye yazyki Sibiri: nashe kul'turnoye naslediye. Access mode: https://minlang.srcc.msu.ru/ru/expedition/2010-ekspediciya-k-symskim-evenkam-i-ketskim-i-tymskim-selkupam. Access date: 29.11.2022. (In Russ.)

Yuzhnosel'kupskiy [South Selkup] (2022) // Malyye yazyki Rossii. Available at: https://minlang.iling-ran.ru/lang/yuzhnoselkupskiy. Access date: 29.11.2022. (In Russ.)

Krauss M. (1992) The world’s languages in crisis // Language. Vol. 68. No. 1. Pp. 4–10.

Ковылин Сергей Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры языков народов Сибири Института иностранных языков и международного сотрудничества Томского государственного педагогического университета.
Адрес: 634041, г. Томск, ул. Герцена, 66, ауд. 308, 309.
Эл. адрес: kovylin.ser@yandex.ru

Крюкова Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языков народов Сибири Института иностранных языков и международного сотрудничества Томского государственного педагогического университета.
Адрес: 634041, г. Томск, ул. Герцена, 66, ауд. 308, 309.

Эл. адрес: elenakrjukova@tspu.edu.ru

Для цитирования: *Ковылин С.В., Крюкова Е.А.* Сохранение и популяризация языков и культур: (Из опыта кафедры народов Сибири ТГПУ) [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2022. № 4 (12). С. 71–89. DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-71-89

For citation: *Kovylin, S.V., Kryukova, E.A.* Preservation and popularization of languages and cultures: (From the experience of the Department of Siberian indigenous languages, Tomsk State Pedagogival University) [online] // Sociolinguistics. 2022. No. 4 (12). Pp. 71–89. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-71-89

УДК 81 272 DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-90-107

ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН ПОСЛЕ 2018 Г. В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Эржен В. Хилханова
Институт языкознания РАН,
Российская Федерация

В статье рассматриваются мнения и оценки положения татарского языка в системе школьного образования Республики Татарстан после принятия поправок в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в 2018 г. Акцент сделан на «этнографический» подход, дающий возможность увидеть интерпретацию фактов и событий «изнутри», глазами самих участников языковых процессов. Материалом статьи послужили данные интервью и социолингвистического онлайн-опроса, проведенного в 2021 г. в Татарстане. Исследование показало широкий спектр реакций жителей республики на изменение статуса татарского языка в системе школьного образования. Негативная оценка дается преимущественно хорошо образованными татарами более старшего возраста, работающими в сферах, связанных с татарским языком, а также коренными татарстанцами вне зависимости от национальности. В институциональном плане «свободный» выбор языка образования и родного языка обнаруживает свою фактическую несвободу, т.к. выбор языков диктуется созданными государством институциональными рамками, практической ценностью и возможностями, даваемыми владением тем или иным языком, неосознанностью делаемого родителями выбора и рядом других факторов. Определенная деинституционализация татарского языка в образовании частично компенсируется усилиями властей РТ.

***Ключевые слова**: татарский язык, сфера образования, общественное мнение, поправки в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», родной язык, свободный выбор языка.*

THE TATAR LANGUAGE IN THE FIELD OF EDUCATION OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN AFTER 2018 IN THE MIRROR OF PUBLIC OPINION

Erzhen V. Khilkhanova
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

The article examines the opinions and assessments of the position of the Tatar language in the school education system of the Republic of Tatarstan after the adoption of amendments to the Federal Law "On Education in the Russian Federation" in 2018. The emphasis is placed on the "ethnographic" approach, which allows seeing the interpretation of facts and events "from the inside", through the eyes of the participants of language processes themselves. The material of the article constituted the data obtained through interviews and a sociolinguistic online survey conducted in 2021 in Tatarstan. The study showed a wide range of reactions of the republic's residents to the change in the status of the Tatar language in the school system. A negative assessment is given mainly by well-educated older Tatars working in areas related to the Tatar language, as well as by native Tatarstan residents, regardless of nationality. In institutional terms, the "free" choice of native language and language of education reveals its actual lack of freedom, because the choice of languages is dictated by the state-created institutional frameworks, by

practical value and opportunities associated with possession of a particular language, the lack of parents' awareness of language choice matters and several other factors. A certain deinstitutionalization of the Tatar language in education is partially compensated by the efforts of the authorities of the Republic of Tatarstan.

***Keywords**: Tatar language, sphere of education, public opinion, amendments to the Federal Law "On Education in the Russian Federation", native language, free language choice*

Введение

Языки в сфере образования Республики Татарстан (далее – РТ) многократно становились объектом социолингвистических и социологических исследований. Эта тема рассматривалась как в специальных исследованиях [Государственные языки в школьном образовании Республики Татарстан, 2006; Арутюнова, 2016], так и в публикациях, посвященных в целом функционированию государственных языков в республике [Байрамова, 2001; Степанова, 2015; Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений, 2014; Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений, 2016 и др.]. Обширная тема языков в образовании (особенно школьном) в данном многоязычном регионе изучается в разных ракурсах, например, с точки зрения правовых основ [Правовые основы функционирования государственных и региональных языков в условиях дву- и многоязычия…, 2021], государственной языковой политики, отраженной в официальных документах [Мустафина, 2012], с акцентом на отдельные языки – татарский [Габдрахманова, 2020; Мухаметзянова, 2018], русский [Низамова, 2021; Арутюнова, 2014], многоязычие и «третьи языки» [Низамова, 2022].

Новизна нашей работы, несмотря на стабильный интерес к данной теме, заключается в том, что она написана после событий, которые можно назвать переломными в языковой политике России вообще и политике в сфере образования в частности. Имеются в виду поправки в Федеральный закон № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”» от 3 августа 2018 г. Суть этих поправок заключалась, во-первых, в следующем дополнении: «Свободный выбор языка образования, изучаемых родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка, государственных языков республик Российской Федерации осуществляется по заявлениям родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся при приеме (переводе) на обучение по образовательным программам дошкольного образования, имеющим государственную аккредитацию образовательным программам начального общего и основного общего образования» [ФЗ от 3 августа 2018]. Во-вторых, русскому языку был официально присвоен статус родного языка, которого до этого он формально не имел. Поправкам предшествовали бурные дискуссии в

РТ и (в меньшей степени) в других национальных республиках РФ, вышедшие далеко за пределы образовательного пространства, так что совокупность дискурсов 2017–2018 гг. вокруг этого уже квалифицировалась как языковой конфликт [Михальченко, 2019: 18; Wingender, 2018].

С тех пор прошло четыре года – это достаточная временнáя дистанция, чтобы судить о том, насколько изменения Закона об образовании отразились на преподавании языков в РТ. Наш подход к изучению данной проблематики вписывается в рамки этнографии языковой политики, основная идея которой состоит в том, чтобы включить этнографическую составляющую в изучение процессов и контекстов связи языка с обществом, экономикой и политикой. Акцент тем самым делается на изучение «агентов, контекстов и процессов на нескольких уровнях создания, интерпретации и присвоения языковой политики» [Johnson, 2013: 44]. Исходя из этого, в центре нашего интереса находятся не столько официальные данные или анализ документов в сфере образования республики, сколько мнения жителей РТ относительно изучения татарского языка в системе школьного образования в контексте изменений федеральной языковой политики последних лет.

О методологии исследования

Настоящая статья базируется преимущественно на материалах социолингвистического обследования, проведенного в 2021 г. в г. Казани сотрудниками Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям (НИЦ НЯО) Института языкознания РАН. Исследование явилось частью масштабного проекта по выработке методов прогнозирования и будущих сценариев развития языковой политики на примере многоязычной Российской Федерации. Полевое исследование – основной источник данных – включало два основных метода: социолингвистический онлайн-опрос и интервьюирование (экспертные интервью), а также этнографическое наблюдение. Экспертные интервью проводились среди следующих экспертных групп: 1) представители законодательной и исполнительной власти; 2) работники СМИ; 3) представители интеллигенции (преподаватели вузов, ученые, работники СМИ); 4) языковые активисты. В целом было записано 20 интервью длительностью около часа и более.

Генеральную совокупность для социолингвистического онлайн-опроса составила та категория населения, речевое поведение которой формирует настоящую и будущую языковую ситуацию в данном регионе, т.е. молодежь. Другим важным критерием при определении генеральной совокупности была национальность: нас больше интересовали мнения и установки представителей татарской национальности, т.к. именно от них в первую

очередь зависит будущее татарского языка. Поэтому оптимальной стала целевая выборка, составленная из студентов разных высших учебных заведений г. Казани, преимущественно татарской национальности. Количество опрошенных составило 192 человека, из них 93,8% – в возрасте от 18 до 24 лет. Заметим, что схожий подход был использован в работе авторитетного татарского социолога Г.Ф. Габдрахмановой, которая исходила из того, что на будущее татарского языка и его дальнейшее положение влияет множество факторов, и главным из них станет роль молодежи. Автор считает, что, во-первых, молодежь по данным Госкомстата РТ «является наиболее социально активной и демографически весомой частью современного татарстанского общества», а во-вторых, вполне естественно, что именно молодежь формирует будущее. Другими словами, исследовав нынешнюю молодежь, мы можем прогнозировать дальнейшее развитие событий [Габдрахманова, 2016: 44].

Данные опроса в сочетании с данными интервью дают представление о том, как оценивают изменения в сфере образования разные поколения жителей республики. Если опрос проводился преимущественно среди молодежи, то среди участников интервью превалируют представители более старшего поколения[8]. В отличие от «сухих» данных социолингвистического опроса, который по определению не всегда дает возможность увидеть аргументацию и мотивы людей, нарративы в интервью представляют своего рода «эмное» описание, дающее возможность увидеть интерпретацию фактов и событий «изнутри», глазами самих участников языковых процессов. Безусловно, результаты, полученные с помощью целевой выборки и с использованием качественных методов, не могут претендовать на масштабность и полную репрезентативность. Тем не менее они вполне годятся для того, чтобы выявить тенденции развития языковой ситуации и мнения самих жителей исследуемого региона.

Татарский язык в школе после 2018 г.: мнения, оценки и факторы выбора языка

По данным официальной статистики Министерства образования и науки РТ относительно изучения татарского и русского языков в республике, в 2020/2021 учебном году функционировали:

− 871 образовательная организация с русским языком обучения, где обучаются 381 889 школьников, в т.ч.: 20 школ (9323 обучающихся 2–11-х классов реализуют учебный план с углубленным изучением русского языка и культуры); 534 школы (36 696 обучающихся с 5-го по 11-й класс изучают русский язык с увеличенным количеством часов);

[8] 19 из 20 интервью даны людьми старше 30 лет.

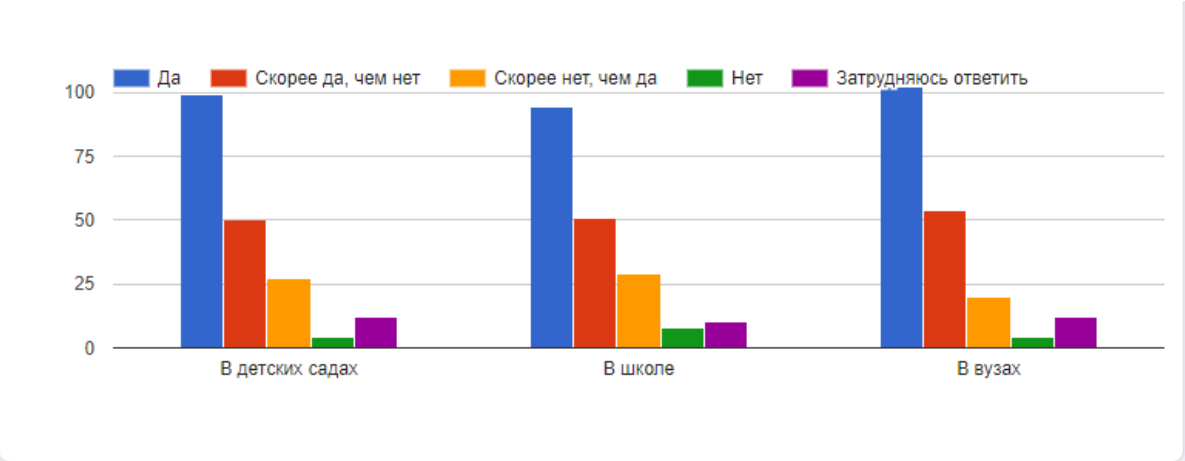
– 657 образовательных организаций (из них 511 юр. лиц, 146 филиала) с татарским языком обучения и преподаванием отдельных предметов естественно-математического цикла на русском языке (в них 73 850 обучающихся).

По итогам выбора родителями языка, изучаемого в качестве родного, в 2020/2021 учебном году в рамках предметной области «Родной язык и литература» изучают: 286 298 детей (65,26%) – татарский язык; 144 438 детей (33%) – русский язык [Министерство образования и науки Республики Татарстан, 2021].

Судя по этим данным, ситуация в сфере образования довольно благополучна для татарского языка. Однако очевидно, что было бы неверно оценивать его положение только на основании таких сведений. Как уже было сказано, необходимо посмотреть, как отразились поправки в Закон об образовании в зеркале общественного мнения жителей РТ.

По данным социолингвистического опроса[9], в 2021 г. почти 100% татарстанской молодежи поддерживали принцип добровольности при выборе языка обучения на всех уровнях системы образования: в детских садах, школах и вузах (см. Диаграмму 1). Менее уверенных в этом, но скорее поддерживавших добровольность, тоже было немало – от 50 до 55%.

Диаграмма 1. Мнения респондентов о добровольности выбора языка обучения в школах, %



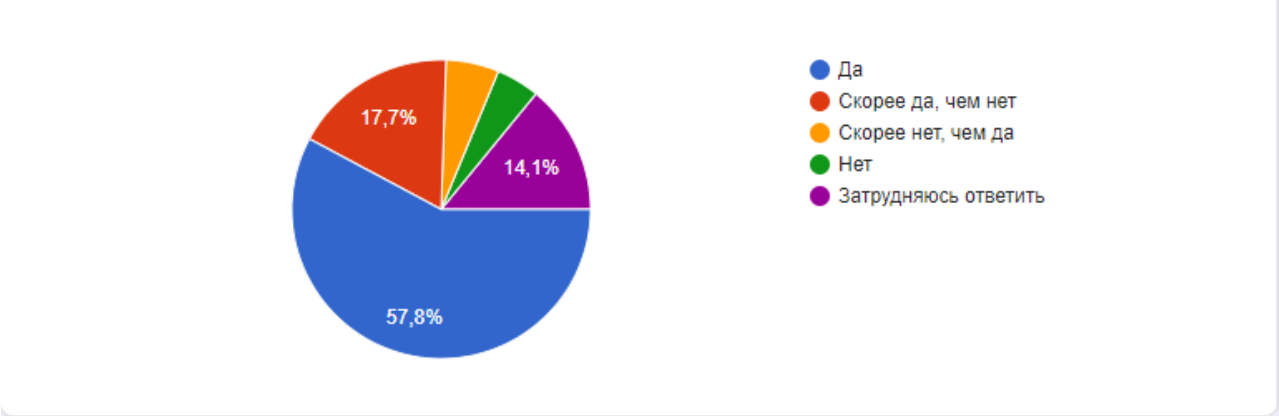
На наш взгляд, такое единодушие объясняется двумя основными причинами: 1) вопросы языка в системе образования не столь важны для молодежи, и они не задумываются над этим, возможно, в силу возраста и влияния глобализационных трендов[10];

[9] Вопрос формулировался следующим образом: «Согласно ФЗ “Об образовании в РФ” и № 317-ФЗ “О внесении изменений в статьи 11” и 14 ФЗ “Об образовании в РФ”, выбор языка обучения в учебных заведениях РФ является добровольным. Согласны ли Вы с такой формулировкой применительно к разным типам образовательных организаций?»

[10] Участники другого исследования автора [Khilkhanova, 2022] говорили о «современном менталитете» молодого поколения, которым не важен язык, на котором говорят они и другие люди. Для «современного

это подтверждается данными исследования Л.В. Сагитовой, где показано, что на первое место в языковых предпочтениях татарстанской молодежи выходит английский, вытесняя как татарский, так и русский [Сагитова, 2016]; 2) принцип добровольности привлекает молодежь наличием выбора, демократичным по своей сути; 3) молодые люди несерьезно отнеслись к опросу. Здесь могло сыграть роль и то, что почти все опрошенные (95,3%) сами изучали татарский язык в школе – их не успели коснуться поправки в Закон об образовании 2018 г. Поэтому они (также в силу возраста) не вникли в суть новых изменений, о чем свидетельствуют и противоречия в их мнениях, которые видны при сравнении ответов на контрольный вопрос «Должны ли представители малочисленных национальностей в обязательном порядке изучать свой родной язык в школе?». 57,8% ответили на него положительно, 17,7 % – «скорее да, чем нет», а выступивших против обязательности (т.е. за добровольность) оказалось в совокупности всего 10,4% (см. Диаграмму 2), а не 94–100% (см. Диаграмму 1).

Диаграмма 2. Мнения респондентов об обязательности изучения родного языка в школе, %



О слабом интересе молодежи в целом к татарскому языку говорят и ученые из Академии наук Татарстана [Кадырова, 2021].

В оценках же профессионально и личностно более зрелых людей превалирует осознание слабых мест и негативных последствий поправок в «Закон об образовании в РФ» для татарского и в целом для миноритарных языков в национальных республиках. Участники интервью говорили о том, что эта инициатива привела к сокращению часов татарского языка в школах, большое количество учителей татарского языка потеряли работу или были вынуждены переквалифицироваться в учителей русского языка, истории и т.д.

менталитета», по мнению информантов, характерна открытость миру, способность легко находить общий язык с людьми другой национальности, не зная их языка, отсутствие языковых барьеров вообще.

2018 г. оценивается как «переломный» и «шоковый», после которого «вся система образования на татарском языке <…> пытается сейчас встать на ноги. В вузах откликнулись, здесь в федеральном университете открыли курсы татарского языка. В исламском институте открыли, там в принципе, где были какие-то филологические факультеты и были преподаватели, либо они открылись, либо они активировались».

Добровольность выбора родных и государственных языков по заявлениям родителей, отсутствие экзаменов по предмету «родной язык» существенно понизили статус этого предмета и самих учителей родных языков, и такая тенденция наблюдается во всех национальных регионах России. К примеру, характеризуя современную языковую ситуацию в Чувашии на заседании Дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике в Институте языкознания РАН, докладчик А.В. Блинов говорил о том, что учителя чувашского языка находятся на периферии школьной системы и, «если нужно какой-то урок отменить, это обычно урок чувашского языка. Если нужно на субботник вывести детей, то это лучше всего, конечно, во время урока чувашского языка. Если куда-то надо собирать подписи за депутатов и т.д. – это надо отправлять учителей чувашского языка» [Блинов, 2021].

Добровольность, таким образом, фактически расценивается как необязательность всеми участниками образовательного процесса – от родителей до администрации школ, а сопоставление с обязательностью изучения иностранных языков создает своеобразную «языковую иерархию», где миноритарные языки оказываются на ее нижних ступенях:

«*Интервьюер*: А как Вы относитесь к добровольному выбору родного языка?

Информант: Мы в школе иностранные языки с 5 класса изучаем. Но по факту, заканчивая 11 класс, 9 класс, мы не говорим на иностранном языке, но в современной системе образования иностранный язык становится обязательным, а родной язык – он по выбору. Вот тут какая-то коллизия для меня. У меня как у филолога немножко неприятие этого. <…> У меня несогласие. То есть я бы наоборот сделал. Все-таки язык, он должен быть обязательным априори. То есть если мы хотим сохранить родной язык, мы должны его делать обязательным в школьной системе, системе образования. <…> Потому что не каждый ребенок с детства сможет понять, что родной язык нужен. Мы когда понимаем, что родной язык нужен? На склоне лет, к сожалению. <…> если на откуп, на выбор давать это детям, ну дети же – это еще не осознанный выбор, они не могут осознанный выбор делать.

Интервьюер: Но родители делают…

Информант: Но родители, мне кажется, они не всегда могут делать осознанный выбор, на них может повлиять какой-то фактор. Но спустя годы, десятилетия, они могут к этому вернуться, но драгоценное время упущено. Вот в чем дело».

О недостаточной осознанности выбора языка как свойстве человеческой (и тем более детской) натуры упоминают и другие информанты:

«Человеку дать выбор изучать любые предметы в школе – мне кажется, любой ребенок просто откажется от всех и оставит там физкультуру, музыку или что-то такое то, что ему нравится».

Помимо этого, известно, что выбор языка, делаемый родителями, часто движим практическими соображениями. В пользу миноритарного языка «работает» только мотивация идентичности (национальное самосознание), которая не всегда может перевесить все остальные факторы, «работающие» в пользу выбора (обще)государственного языка:

«…огромное количество детей с татарскими фамилиями и отчествами, они выбирают родным языком русский. Потому что считается, и это не секрет, что это помогает более хорошо подготовиться к ЕГЭ <…>».

Тем не менее, несмотря на негомогенность любых этносов и, соответственно, разное отношение к языкам внутри этнических групп, все же именно этническая идентичность является наиболее частотным и весомым основанием как для индивидуума, так и для сообщества сохранить «свой» язык на основании того, что это «язык предков», «своей» культуры и т.д. Поэтому именно к этнической принадлежности вынуждены апеллировать оказавшиеся под угрозой безработицы или вынужденной переквалификации учителя татарского языка:

«Иной раз учителя татарского, чтобы не терять работу, просто обзванивают родителей и просят: ну хотя бы вы, татары, отдавайте своих детей <изучать татарский язык как родной в школе. – *Э.Х.*>».

Если тезис об этничности как факторе сохранения языка является уже своего рода общим местом, то опыт длительного совместного проживания в многонациональном регионе практически не выделялся в отдельный фактор и еще не осознан в полной мере социолингвистической наукой. Возможно, это потому, что он является менее универсальным, чем этнический фактор, ведь он может проявить свою значимость только в регионе, в котором есть, во-первых, большое количество приезжих и, во-вторых, титульный язык, обладающий демографической мощностью и официальным статусом. Такими характеристиками обладает только Татарстан. Другие национальные республики, даже если их титульные языки соответствуют критерию демографической мощности, не являются

центрами миграционного притяжения, в то время как Татарстан принимает у себя большой поток как внутренней миграции (из других регионов России, прежде всего из Сибири и Дальнего Востока), так и международной, прежде всего из стран СНГ [Пигасова, 2014: 216].

По мнению информантов, коллизия по поводу изучения татарского языка в школе возникла и поддерживалась во многом за счет мигрантов из других регионов России, которые воспринимали изучение татарского языка их детьми как ненужную трату времени, в ущерб изучению русского языка. В отличие от них, те, кто давно жили в Татарстане и сами владели татарским языком хотя бы на уровне понимания, не видели оснований возражать против изучения татарского языка в школе и детских садах. Вот как об этом высказывается один из участников интервью:

> «Языковые конфликты всегда создавали… скажем так, общества русской культуры. Только. Они поднимали вопрос и говорили <о большом количестве часов на изучение татарского языка в ущерб русскому>, хотя я же говорю: в Казани одна школа чисто на татарском языке преподающая. Всего одна! И то там 10–11-й класс уже на русском фактически учится. <…> При этом им почему-то это казалось всегда много. <…> Единственное, что радует в данной ситуации – из этой конторы ни один человек, ни один русский не коренной татарстанец. Все пришлые, приезжают откуда-то и начинают нас учить, как жить здесь. Мы здесь, извините, 450 лет вместе живем. Я всегда говорил: Хабибулла с топором на Ивана, Иван с вилами на Хабибуллу не пойдет. Здесь мы уже притёрлись, но вот приезжают откуда-то из Дальнего Востока <…> и говорят. Ну почему? Ну могла же уехать. Вот пожалуйста, в Архангельск, пожалуйста, вот в Ленинградскую область <…>, ну нет там … татарского языка, никому не мешает <…>. ну зачем ты приехала сюда, если у тебя нет той толерантности или благодарности за гостеприимство? А Татарстан всех притягивает чем? Своей благоустроенностью».

Таким образом, в зеркале общественного мнения деление на, условно говоря, противников и сторонников свободы выбора родного языка в школе только отчасти проходит по линии «татары – русские». Это деление, безусловно, есть: по данным масштабного социологического исследования 2018 г., каждый пятый русский хотел бы меньшего использования татарского языка, что указывает на несовпадение языковых интересов этнических групп [Низамова, 2021: 154]. Другой линией является несовпадение языковых установок и менталитета «местных» и «приезжих». Аргументом в пользу этого утверждения служит и то, что в 1990-е годы на референдуме по вопросу о государственном статусе Республики Татарстан, за которым последовало принятие закона РТ «О языках народов

Республики Татарстан» и Конституции РТ, большая часть жителей Татарстана независимо от национальности высказалась за два государственных языка – татарский и русский. По данным Л.К. Байрамовой, 64,3% татар и 58,3% русских были за два государственных языка, и лишь 23,4% русских посчитали, что татарский язык как второй государственный язык не нужен [Байрамова, 2001]. Тому, что большинство татарстанцев в начале 1990-х годов проявило такое единодушие в вопросах языкового равноправия, существуют и другие объяснения. Участники интервью объясняли это экономической солидарностью: тем, что суверенитет был нужен всем татарстанцам, поскольку позволял изменить невыгодное для республики соотношение отдаваемых в центр (93%) и оставляемых в регионе (7%) денег[11]. В книге «Язык и этнос» эта межэтническая солидарность объяснялась тем, что жители Татарстана понимали, что только русский язык в качестве единственного государственного языка республики все равно не будет поддержан всем населением, поэтому лучше высказаться за два языка [Язык и этнос на рубеже веков, 2002: 20].

Из уже упоминавшейся выше негомогенности любых этносов следует то, что неверно было бы думать, будто принадлежность к татарскому этносу автоматически предполагает наличие мотивации идентичности при выборе языка в системе школьного образования. Как среди татар, так и среди русских отношение к нововведениям 2018 г. неоднозначное. Есть татары без привязанности к татарскому языку, и есть русские, которые отмечают недостатки данных поправок, поскольку теперь закон фактически лишает русское население национальных регионов возможности хоть как-то познакомиться с соответствующими региональными языками в школе:

> «Это, действительно, я считаю, некоторое упущение, потому что <…> у меня в семье говорят на татарском, в семье моего отца. И я понимаю <татарский язык>. Но, действительно, мой ребенок – поймет ли она? <…> Думаю, что в какой-то степени здесь есть некий момент… такой … не то что можно сказать опасный, может возникнуть это непонимание в какой-то момент, на каком-то этапе. Потому что я себя чувствую органично, я учила <татарский язык>, я знаю. А вот действительно мой ребенок <…> мы этнические русские, мы выбрали русский как родной. А я не могу научить своего ребенка татарскому языку, это естественно, хотя я и понимаю <его>».

Тем не менее, большей частью русского и частью русскоязычного татарского населения добровольность была воспринята позитивно, поскольку, по свидетельству участников интервью, она освобождала родителей от необходимости помогать своим детям

[11] Цифры представляют мнение информантов.

при выполнении домашних заданий по татарскому языку. Здесь отношение к изучению татарского языка в школе напрямую связано с проблемой методики его преподавания и представлениями людей об экономической ценности языков. Потенциальные дивиденды, которые могут быть получены от владения английским, китайским и другими мировыми языками, оправдывают затраченные на их освоение усилия и нивелируют недочеты в их преподавании в школе. Дивиденды от времени, затраченного на миноритарные языки, не столь очевидны, а недочеты преподавания – при их наличии – становятся более заметными. Вопрос же преподавания татарского языка в русскоязычной аудитории является сложным и недостаточно решенным даже сейчас. По свидетельству самих педагогов, здесь выделяются три основные проблемы: 1) уровень компетентности учителей; 2) несовершенство методики преподавания, в частности доминирование лексико-грамматического метода вместо коммуникативного, несовершенство программ обучения татарскому языку как неродному, зачастую представляющих собой переписанные программы по татарскому как родному; 3) раздельное изучение татарского языка и литературы [Асхадуллина 2021: 80; см. также: Степанова, 2015].

При этом институт образования оценивался информантами как наиболее важный для сохранения и развития литературного, а не обиходно-разговорного языка, например:

> «… мы потихонечкупотихонечку начинаем ассимилироваться, если нет своего образования, а образования своего достойного нет. Нам говорят: в семье, в семье. В семье можно научить людей только кухонному языку. А уже языку Тукая, языку Такташа никогда не научишь, то есть человек не сможет писать уже на родном языке стихотворения, прозу он уже не напишет, он может максимум школьные сочинения, и то не очень хорошо написать. То есть исчезает литература. Литература — это как раз защитник, скажем так, традиции, защитник языка. Кстати, исчезает пресса, естественно, а пресса – это мысль нации».

Одновременно часть участников интервью отмечала, что правительство Татарстана делает многое для поддержки татарского языка. Из впечатляющего объема мероприятий, организуемых и финансируемых Министерством образования и науки РТ [Государственная программа…], отмеченными людьми оказались в первую очередь такие проекты, как онлайн-школа дистанционного обучения татарскому языку «Ана теле» и полилингвальные школы. Заметим при этом, что проект «Ана теле», осуществляемый совместно с компанией EF Education First, судя по отзывам, эффективен и популярен, но, как и любая другая языковая школа, не является частью государственной системы образования. Полилингвальные школы

(полилингвальные образовательные комплексы), включающие в себя начальную, основную (билингвальную) и среднюю (полилингвальную) школы – безусловно, часть этой системы. Насколько этот проект будет способствовать поддержке татарского языка в системе школьного образования – покажет время, т.к. первые две такие школы начали работу недавно – с 1 сентября 2020 г.

Заключение

Таким образом, в данной статье были кратко рассмотрены мнения и оценки ситуации с татарским языком в Татарстане после изменений 2018 г. и некоторые наиболее существенные причины, которые, по мнению опрошенных, влияют на выбор татарского языка в школе. «Зеркало» общественного мнения отразило широкий спектр реакций жителей республики на поправки в Федеральный закон № 317-ФЗ; эти реакции варьируются в зависимости как от традиционно значимых социолингвистических переменных: возраста, этничности, образования и т.д., так и от индивидуальных жизненных стратегий и установок. В целом к тем, кто считает «зачем было ломать хорошо выстроенную и работавшую систему образования»[12], относятся люди более старшего возраста, татарской национальности, хорошо образованные, работающие в сферах, так или иначе связанных с татарским языком. К ним можно также отнести людей, которые родились и живут в Татарстане, вне зависимости от национальности. Опыт длительного совместного проживания в регионе формирует определенную ментальность, знание и понимание соседних этносов, включая и некоторое владение татарским языком хотя бы на пассивном уровне. Несмотря на важность фактора «притертости», он (как и любой другой фактор) не является универсальным, о чем свидетельствует лоббирование принципа добровольности некоторой частью русского населения республики.

Если перейти от реакций людей к институциональному измерению, то наше исследование позволяет сделать вывод о том, что поправки в Федеральный закон № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”» оказали негативное воздействие на положение татарского языка в сфере образования. «Свободный» выбор языка образования и родного языка в современных условиях обнаруживает свою фактическую несвободу, т.к. выбор языков диктуется созданными государством институциональными рамками, практической ценностью и возможностями, даваемыми владением тем или иным языком. Добровольность в этих условиях становится синонимом необязательности и неважности, а мотивация идентичности,

[12] Цитата из интервью.

фактически заложенная в основу законодательного выбора родных языков, не может «работать» для всей этнической группы. Остальные факторы, включая несовершенства в методике преподавания родных языков, склонность многих людей устраниться от сознательного выбора и идти путем наименьшего сопротивления и в вопросах обучения – «работают» в пользу доминирующего (русского) языка. Совокупность этих причин, включая удаление из ФГОС национально-регионального компонента и другие меры [см. об этом: Хилханова, 2020] фактически способствует тому, что татарский язык и другие миноритарные языки России постепенно выводятся за рамки института образования.

Однако определенная деинституционализация татарского языка в образовании частично компенсируется усилиями властей РТ (создание системы онлайн-обучения «Ана теле», финансируемого из республиканского бюджета, и другие меры).

Если говорить о перспективах, то добровольность изучения татарского как родного языка в РТ имеет все шансы на сохранение не только потому, что это позиция властей, но и мнение самого населения Татарстана, в первую очередь молодежного и «пришлого». Какая из тенденций в языковой сфере – постепенный уход татарского языка из сферы образования или сохранение им своих позиций – будет превалировать – зависит от поведения ключевых акторов на этом поле – государства, общественных институтов и самих людей, особенно молодежи. Заметим, однако, что и данные опроса, и мнения экспертов дают в этом плане скорее пессимистичный прогноз.

Литература

Арутюнова Е.М. (2014) Русский язык в школах Республики Татарстан: Измерения проблемы // Государственные языки Республики Татарстан: Множественность измерений. Сборник очерков / Под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ ; Артифакт. С. 108–112.

Арутюнова Е.М. (2016) Язык как базовый элемент культуры и зона риска в социальном пространстве // Социологическая наука и социальная практика. Том. 4. № 4. С. 106–113. DOI: https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.4.4765.

Асхадуллина Г.Г. (2021) Проблемы в преподавании языков // Правовые основы функционирования государственных и региональных языков в условиях дву- и многоязычия : (Мировой опыт реализации языковой политики в федеративных государствах): Междунар. науч.-практ. конф. 13 декабря 2021 года, г. Казань: Сб. материалов / Сост. Л.М. Гиниятуллина, Г.Н. Мухарлямова, Д.М. Абдуллина, М.М. Шакурова. Казань: ИЯЛИ. С. 78–81.

Байрамова Л.К. (2001) Татарстан: Языковая симметрия и асимметрия. Казань: Изд-во Казанского ун-та.

Блинов А.В. (2021). Языковая ситуация в Чувашии. Режим доступа: https://iling-ran.ru/web/ru/news/210526_daclp_video. Дата обращения: 24.06.2022.

Габдрахманова Г. Ф. (2016) Этноязыковые биографии молодежи Казани или почему она так по-разному воспринимает татарский язык // Государственные языки Республики Татарстан: Множественность измерений: Сб. очерков / Под ред. Г.Ф. Габдрахмановой,

Г.И. Макаровой, А.Р. Мухаметзяновой. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. С. 43–84.

Габдрахманова Г.Ф. (2020) Язык в системе культурных составляющих идентичности татар [Электронный ресурс]. Социолингвистика. № 2 (2). С. 83–91. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-2-2-83-91.

Государственная программа «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2015–2022 годы». Режим доступа: https://mon.tatarstan.ru/gos_programm_14-20.htm. Дата обращения: 04.07.2022

Государственные языки в школьном образовании Республики Татарстан (2006) : Информационно-аналитический материал по результатам этносоциологического исследования в г. Казани / Отв. ред. Р.Н. Мусина. Казань: Ин-т истории АН РТ. 72 с.

Государственные языки Республики Татарстан : Множественность измерений (2014): Сб. очерков / Под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ ; Артифакт. 236 с.

Государственные языки Республики Татарстан: Множественность измерений (2016) : Сб. очерков / Под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, А.Р. Мухаметзяновой. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. 208 с.

Кадырова Л. (2021). «Современное поколение мало интересуется татарским языком. Это большая проблема». Режим доступа: https://kazanfirst.ru/articles/565062. Дата обращения: 14.06.2022.

Министерство образования и науки Республики Татарстан. О реализации государственной национальной политики в образовательной системе Республики Татарстан (2021). Режим доступа: https://mon.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_2911222.pdf. Дата обращения: 10.10.2021.

Михальченко В.Ю. (2019) Динамика языковой ситуации в Российской Федерации // М. Вингендер, А.Н. Биткеева, Э.В. Хилханова (отв. ред.); Перспективы и вызовы языковой политики и языковой ситуации в Крыму. Междунар. круглый стол. Москва, 5–6 ноября 2019 г.: Доклады и сообщения / Институт языкознания РАН, Научный центр «Восточная Европа» (GiZo) Гиссенского университета им. Юстуса Либига. М.: Б. и. С. 8–24.

Мустафина Д.Н. (2012) Функциональное развитие татарского языка и других региональных языков РФ и Европы в свете социолингвистической парадигмы. Автореф. дис. … докт. филол. наук. Казань: Ин-т языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.

Мухаметзянова А.Р. (2018) Сохранение и развитие татарского языка глазами татарстанской молодежи: Предложения и проекты // Oriental Studies. № 11 (2). С. 144–161.

Низамова Л.Р. (2022) Многоязычие и «третьи» языки в массовом сознании жителей Республики Татарстан // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 1. С. 328–347. https:// doi.org/10.14515/monitoring. 2022.1.1729.

Низамова Л.Р. (2021) Русский язык в Республике Татарстан: Практики и установки населения по данным массового опроса // Вестник экономики, права и социологии. № 1. С. 153–157.

Пигасова А.А. (2014) Доходы как основной фактор трудовой миграции в России // Миграционные процессы: Тренды, вызовы, перспективы: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. Н.Г. Багаутдиновой, Е.В. Фахрутдиновой. Казань: Отечество. С. 214–218.

Правовые основы функционирования государственных и региональных языков в условиях дву- и многоязычия: (Мировой опыт реализации языковой политики в федеративных государствах) (2021): Междунар. науч.-практ. конф. 13 декабря 2021 года, г. Казань:

Сб. материалов / Сост. Л.М. Гиниятуллина, Г.Н. Мухарлямова, Д.М. Абдуллина, М.М. Шакурова. Казань: ИЯЛИ.

Сагитова Л.В. (2016) Динамика языковых процессов в Татарстане: Конкуренция языков в молодежной среде в условиях модернизации и глобализации // Государственные языки Республики Татарстан: Множественность измерений: Сб. очерков / Под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, А.Р. Мухаметзяновой. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. С. 5–42.

Степанова А.А. (2015) Языковая ситуация в Республике Татарстан: Конфликт или толерантное равновесие? // Вопросы психолингвистики. № 4 (26). С. 169–181.

Федеральный закон от 3 августа 2018 г. N 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”».

Хилханова Э.В. (2020) Люди в языковой политике: Теория и практика дискурсивного поворота в социолингвистике: (На примере России и Западной Европы) // Acta Linguistica Petropolitana. Тр. Ин-та лингв. исслед. Т. 3. № 16. С. 756–815. DOI 10.30842/alp2306573716324.

Язык и этнос на рубеже веков (2002): Этносоциологические очерки о языковой ситуации в Республике Татарстан. Казань: Магариф.

Johnson, D. (2013) Language policy. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Khilkhanova, E. (2022) Buryat Migrants in Western Europe: Languages, Ethnic Identities, and Social Networks // Father Baikal and his Cosmopolitans: Buryats in Europe / Ed. by Stefan Krist, co-ed. by Viktoria Adler and Erzhen Khilkhanova, assist. by Monika Haider, Nello Fragner, Nadine Gratzer, Klaus Hofmann and Elisabeth Öfner. Wien: Praesens Verlag. Pp. 163–211.

Wingender, M. (2018) Diskursive Konstruktion von Sprachenvielfalt und Sprachenkonflikten in Russland – Sprachenpolitik im Kontext von nationaler Sicherheit // S. Kempgen, M. Wingender, L. Udolph (eds.). Deutsche Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress. Wiesbaden: Harrasowitz. Pp. 353–364.

References

Arutjunova, E.M. (2016) Jazyk kak bazovyj jelement kul'tury i zona riska v social'nom prostranstve [Language as a basic element of culture and a risk zone in social space] // Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika. Vol. 4. No. 4. Pp. 106–113. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.19181 /snsp.2016.4.4.4765.

Arutjunova, E.M. (2014) Russkij jazyk v shkolah respubliki Tatarstan: Izmerenija problemy [Russian language in schools of the Republic of Tatarstan: Dimensions of the problem] // Gosudarstvennye jazyki Respubliki Tatarstan: Mnozhestvennost' izmerenij. Sbornik ocherkov / Pod red. G.F. Gabdrahmanovoj, G.I. Makarovoj. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Artifact. Pp. 108–112. (In Russ.)

Ashadullina, G.G. (2021) Problemy v prepodavanii jazykov [Problems in teaching languages] // Pravovye osnovy funkcionirovanija gosudarstvennyh i regional'nyh jazykov v uslovijah dvu- i mnogojazychija: (Mirovoj opyt realizacii jazykovoj politiki v federativnyh gosudarstvah): Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija 13 dekabrja 2021 goda, g. Kazan: Sb. materialov / Sost. L.M. Ginijatullina, G.N. Muharljamova, D.M. Abdullina, M.M. Shakurova. Kazan: Institute of Language, Literature and Art. Pp. 78–81. (In Russ.)

Bajramova, L.K. (2001) Tatarstan: jazykovaja simmetrija i asimmetrija [Tatarstan: linguistic symmetry and asymmetry]. Publishing House of Kazan University. Kazan. (In Russ.)

Blinov, A.V. (2021). Jazykovaja situacija v Chuvashii [The linguistic situation in Chuvashia]. Available at: https://iling-ran.ru/web/ru/news/210526_daclp_video. Access date: 24.06.2022. (In Russ.)

Federal'nyj zakon ot 3 avgusta 2018 g. N 317-FZ «O vnesenii izmenenij v stat'i 11 i 14 Federal'nogo zakona "Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» [Federal Law No. 317-FZ of August 3, 2018 "On Amendments to Articles 11 and 14 of the Federal Law "On Education in the Russian Federation"]. (In Russ.)

Gabdrahmanova, G. F. (2020) Jazyk v sisteme kul'turnyh sostavljajushhih identichnosti tatar [Language in the system of cultural components of Tatar identity]. Sociolinguistics. No. 2 (2). Pp. 83–91 [online]. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2020-2-2-83-91. Available at: no-2_2_sociolinguistics-84-92_Gabdrakhmanova.pdf. Access date: 11.11.2021.

Gabdrahmanova, G.F. (2016) Jetnojazykovye biografii molodezhi Kazani ili pochemu ona tak po-raznomu vosprinimaet tatarskij jazyk [Ethnolinguistic biographies of Kazan youth or why they perceive the Tatar language so differently] // Gosudarstvennye jazyki Respubliki Tatarstan: mnozhestvennost' izmerenij. Sbornik ocherkov / Pod red. G.F. Gabdrahmanovoj, G.I. Makarovoj, A.R. Muhametzjanovoj. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Pp. 43–84. (In Russ.)

Gosudarstvennaja programma «Sohranenie, izuchenie i razvitie gosudarstvennyh jazykov Respubliki Tatarstan i drugih jazykov v Respublike Tatarstan na 2015–2022 gody» [The State program "Preservation, study and development of the state languages of the Republic of Tatarstan and other languages in the Republic of Tatarstan for 2015–2022]. Available at: https://mon.tatarstan.ru/gos_programm_14-20.htm. Access date: 04.07.2022. (In Russ.)

Gosudarstvennye jazyki Respubliki Tatarstan: mnozhestvennost' izmerenij (2014) Sbornik ocherkov / pod red. G.F. Gabdrahmanovoj, G.I. Makarovoj [State languages of the Republic of Tatarstan: multiple dimensions. Collection of essays / Ed. by G.F. Gabdrakhmanova, G.I. Makarova]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Artifact. (In Russ.)

Gosudarstvennye jazyki Respubliki Tatarstan: mnozhestvennost' izmerenij (2016) Sbornik ocherkov / Pod red. G.F. Gabdrahmanovoj, G.I. Makarovoj, A.R. Muhametzjanovoj [State languages of the Republic of Tatarstan: Multiple dimensions. Collection of essays / Ed. by G.F. Gabdrakhmanova, G.I. Makarova, A.R. Muhametzjanova]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. (In Russ.)

Gosudarstvennye jazyki v shkol'nom obrazovanii Respubliki Tatarstan (2006) Informacionno-analiticheskij material po rezul'tatam jetnosociologicheskogo issledovanija v g. Kazani / Otv. red. R.N. Musina [State languages in school education of the Republic of Tatarstan: information and analytical material based on the results of an ethnosociological study in Kazan / Ed. by R.N. Musina]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. (In Russ.)

Jazyk i jetnos na rubezhe vekov: Jetnosociologicheskie ocherki o jazykovoj situacii v Respublike Tatarstan (2002) [Language and ethnicity at the turn of the Century: Ethnosociological essays on the linguistic situation in the Republic of Tatarstan]. Kazan': Magarif. (In Russ.)

Johnson, D. Language policy (2013) Basingstoke: Palgrave Macmillan. (In Eng.)

Kadyrova, L. «Sovremennoe pokolenie malo interesuetsja tatarskim jazykom. Jeto bol'shaja problema» ["The modern generation has little interest in the Tatar language. This is a big problem"]. Available at: https://kazanfirst.ru/articles/565062. Access date: 14.06.2022. (In Russ.)

Khilkhanova, E. (2022) Buryat Migrants in Western Europe: Languages, Ethnic Identities, and Social Networks // Father Baikal and his Cosmopolitans. Buryats in Europe / Ed. by Stefan Krist, co-ed. by Viktoria Adler and Erzhen Khilkhanova, assist. by Monika Haider, Nello

Fragner, Nadine Gratzer, Klaus Hofmann and Elisabeth Öfner. Wien: Praesens Verlag. Pp. 163–211. (In English)

Khilkhanova, E.V. (2020) Ljudi v jazykovoj politike: teorija i praktika diskursivnogo povorota v sociolingvistike (na primere Rossii i Zapadnoj Evropy) [People in language policy: Theory and practice of the discursive turn in sociolinguistics (comparing Russia and Western Europe)] // Acta Linguistica Petropolitana. Vol. 16.3. Pp. 756–815. DOI 10.30842/alp2306573716324. (In Russ.)

Mikhalchenko, V.Yu. (2019) Dinamika yazykovoy situatsii v Rossiyskoy Federatsii [Dynamics of the language situation in the Russian Federation]. M. Wingender, A.N. Bitkeeva, E.V. Khilkhanova (eds.). Perspektivy i vyzovy yazykovoy politiki i yazykovoy situatsii v Krymu. Mezhdunarodnyy kruglyy stol (Moskva, 05–06 noyabrya 2019 g.): Doklady i soobshcheniya [Prospects and challenges of language policy and language situation in the Crimea. International round table (Moscow, 05–06 November 2019): Reports and presentations]; Institute of Linguistics of the RAS, the Giessen Centre for Eastern European Studies (GiZo) of the Justus Liebig University Giessen. M.: S. n. Pp. 8–24. (In Russ.)

Ministerstvo obrazovanija i nauki Respubliki Tatarstan. O realizacii gosudarstvennoj nacional'noj politiki v obrazovatel'noj sisteme Respubliki Tatarstan (2021). [Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan. On the implementation of the state national policy in the educational system of the Republic of Tatarstan]. Available at: https://mon.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_2911222.pdf. Access date: 10.10.2021. (In Russ.)

Muhametzjanova, A.R. (2018) Sohranenie i razvitie tatarskogo jazyka glazami tatarstanskoj molodezhi: predlozhenija i proekty [Preservation and development of the Tatar language through the eyes of Tatarstan youth: proposals and projects]. Oriental Studies. No. 11 (2):144–161. (In Russ.)

Mustafina, D.N. (2012) Funkcional'noe razvitie tatarskogo jazyka i drugih regional'nyh jazykov RF i Evropy v svete sociolingvisticheskoj paradigmy [Functional development of the Tatar language and other regional languages of the Russian Federation and Europe in the light of the sociolinguistic paradigm]. Avtoreferat dis. … d-ra filol. nauk. Kazan: Institute of language, literature and art named after G. Ibragimov of the Akademy of sciences oft he Republic of Tatarstan. (In Russ.)

Nizamova, L.R. (2022) Mnojazychije i „tretji“ jazyki v massovom soznanii zhiteley Respubliki Tatarstan [Multilingualism and “Third” Languages in the Mass Consciousness of Residents of the Republic of Tatarstan]. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. No. 1. Pp. 328–347. https:// doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1729. (In Russ.)

Nizamova, L.R. (2021) Russkij jazyk v Respublike Tatarstan: praktiki i ustanovki naselenija po dannym massovogo oprosa [Russian language in the Republic of Tatarstan: practices and attitudes of the population according to a mass survey] // Vestnik jekonomiki, prava i sociologii. No. 1. Pp. 153–157. (In Russ.)

Pigasova, A.A. (2014) Dohody kak osnovnoj faktor trudovoj migracii v Rossii [Income as the main factor of labor migration in Russia] // Migracionnye processy: trendy, vyzovy, perspektivy: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii/pod red. N.G. Bagautdinovoj, E.V. Fahrutdinovoj. Kazan: Fatherland. Pp. 214–218. (In Russ.)

Pravovye osnovy funkcionirovanija gosudarstvennyh i regional'nyh jazykov v uslovijah dvu- i mnogojazychija (mirovoj opyt realizacii jazykovoj politiki v federativnyh gosudarstvah) (2021) Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija 13 dekabrja 2021 goda, g. Kazan': sb. materialov [Legal foundations of the functioning of state and regional languages in the context of bilingualism and multilingualism (world experience in the implementation of language policy in federal states): International scientific and practical conference on December 13, 2021, Kazan: collection of materials] / sost. L.M. Ginijatullina, G.N. Muharljamova, D.M. Abdullina, M.M. Shakurova. Kazan: Institute of Language, Literature and Art. (In Russ.)

Sagitova, L. V. Dinamika jazykovyh processov v Tatarstane: konkurencija jazykov v molodezhnoj srede v uslovijah modernizacii i globalizacii (2016) [Dynamics of language processes in Tatarstan: competition of languages in the youth milieu in the conditions of modernization and globalization] // Gosudarstvennye jazyki Respubliki Tatarstan: mnozhestvennost' izmerenij. Sbornik ocherkov / Pod red. G.F. Gabdrahmanovoj, G.I. Makarovoj, A.R. Muhametzjanovoj. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Pp. 5–42. (In Russ.)

Stepanova A. A. (2015) Jazykovaja situacija v Respublike Tatarstan: konflikt ili tolerantnoe ravnovesie? [Language situation in the Republic of Tatarstan: conflict or tolerant equilibrium?] // Voprosy psiholingvistiki. No. 4(26). Pp. 169–181. (In Russ.)

Wingender M. (2018) Diskursive Konstruktion von Sprachenvielfalt und Sprachenkonflikten in Russland — Sprachenpolitik im Kontext von nationaler Sicherheit // S. Kempgen, M. Wingender, L. Udolph (eds.). Deutsche Beiträge zum 16. Internationalen Slavistenkongress. Wiesbaden: Harrasowitz. Pp. 353–364. (In Germ.)

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

The reported study was funded by RFBR and DFG, project number № 21-512-12002 ННИО_а “Prognostic methods and future scenarios in language policy – multilingual Russia as an example”.

Хилханова Эржен Владимировна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.
Эл. адрес: erzhen133@mail.ru

Для цитирования: *Хилханова Э.В.* Татарский язык в сфере образования Республики Татарстан после 2018 г. в зеркале общественного мнения [Электронный ресурс]. Социолингвистика. 2022. № 4 (12). С. 90–107. DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-90-107

For citation: *Khilkhanova, E.V.* The Tatar language in the field of education of the Republic of Tatarstan after 2018 in the mirror of public opinion [online] // Sociolinguistics. 2022. No. 4 (12). Pp. 90–107. (In Russ) DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-90-107

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

УДК 81-13’23’27 DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-108-121

ЧТО МОЖЕТ ДАТЬ СОЦИОЛИНГВИСТИКЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГРАММАТИКИ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ БУРЯТСКОГО)

Полина П. Дашинимаева
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
Российская Федерация
Эржена З. Нимаева
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
Российская Федерация

В данной статье осуществляется попытка убедить социолингвистов рассматривать статус регионального языка не с точки зрения внешних лингвистических свойств, а сквозь призму основных принципов теорий речепорождения и нейрофизиологических оснований механизма взаимодействия языков. Задача исследования заключается в теоретическом обосновании следующей гипотезы: грамматика (синтаксис и морфология) обладает наибольшей «силой закрепления» в памяти би- и полилингва, вследствие чего при реверсивной стадии билингвизма она утрачивается в последнюю очередь. В статье утверждается, что функциональный регресс языка, возникающий вследствие сложных когнитивных процессов, обусловливается взаимоотношениями между ментальным лексиконом и ментальной грамматикой. Выдвинутая в статье гипотеза получила теоретическое и частично практическое обоснование путем обращения к когнитивному подходу к синтаксису и проведения экспресс-эксперимента на выявление степени утраты родного языка.

Ключевые слова: *билингвизм, речепорождение, интерязык, грамматика, бурятский язык, бурятско-русский билингвизм.*

HOW CAN TRANSDISCIPLINARY STUDY OF A NATURAL LANGUAGE GRAMMAR CONTRIBUTE TO SOCIOLIGUISTICS (THE CASE OF BURYAT)

Polina P. Dashinimaeva
Department of Translation and Intercultural Communication,
Banzarov Buryat State University
Russian Federation
Erzhena Z. Nimaeva
Banzarov Buryat State University
Russian Federation

The paper takes an attempt to convince sociolinguists to consider a regional language not as external linguistic properties, but through the prism of basic principles of speech production and neurophysiological foundations of languages' interaction mechanism. The other objective is to theoretically substantiate the hypothesis that grammar (syntax and morphology) has a higher level of entrenchment in a bi- and polylingual mind, whereupon grammar becoming the terminal to be lost at the reverse stage of bilingualism last. The authors claim that the functional regression which occurs as a result of complex cognitive processes is determined by the relationship between the mental lexicon and mental grammar. The hypothesis is theoretically and partly practically grounded by referring to the cognitive approach to syntax and to the experiment data to identify the degree of the mother language extinction.

Keywords: *bilingualism, speech production, interlanguage, grammar, the Buryat language, Buryat-Russian bilingualism*

Все кошки оказываются серыми в сумерках всеобщей структурности

Л.С. Выготский

Введение

Приведенная в эпиграфе метафора, которая отрицает априорную закономерность отношений между формальным знаком и соответствующей семантикой, озвучена нашим замечательным соотечественником Л.С. Выготским почти столетие назад. Сегодня едва ли найдется лингвист, ратующий за тождество связей между наименованиями и значениями, или универсальность восприятия внешнего мира, тем не менее языковые средства любого языка требуют постоянного методологического обновления/пересмотра для более современного изучения лингвистического объекта в его перманентной функциональной динамике.

Традиционно социолингвистика определяет объекты интереса сквозь призму общественных функций языка и воздействия социальных факторов на (не)эффективность его использования как средства взаимопонимания. Другими словами, траектория идет от «социо» к лингвистике. В данной работе предлагается рассмотреть направление от «лингво» к «социо», т.е. репрезентовать язык-речь-мышление как уникальную «жизнь» в когнитивном

пространстве индивидуума таким образом, чтобы высветить причины глобальных изменений функционального потенциала регионального языка.

В свете сказанного интересной представляется идея ревизии путей описания именно грамматических средств для вывода его результатов в поле региональной языковой политики, поскольку в рамках темы «функциональный регресс языка» основное исследовательское внимание традиционно направлено на лексику.

Би- и полилингвизм, получивший в современном мире широкую актуализацию, особенно в полиэтнических государствах, логично изучается не только как положительный социолингвистический феномен, но и как фактор, усугубляющий функционирование одного/двух кодов полилингва. Так, тема би-, поликодовости в целом представляется актуальной во многих аспектах: 1) социолингвистическом: с точки зрения проблемы сохранения миноритарных языков; 2) психолингвистическом: с точки зрения сосуществования кодов и взаимоотношений уровней языка в частности, и механизма речепорождения в целом; 3) этнолингвокультурологическом: с точки зрения отражения в языке способа мышления носителей культуры и др.

Нами рассматривается тема бурятско-русского билингвизма в психосоциолингвистическом аспекте. Цель исследования заключается в теоретическом обосновании следующей гипотезы: грамматика – синтаксис и морфология – обладает наибольшей «силой закрепления» в памяти би- и полилингва, вследствие чего при реверсивной стадии билингвизма утрачивается в последнюю очередь.

Бурятский и русский языки в Республике Бурятия. Социолингвистическая справка

Прежде чем приступить к теоретическому обоснованию выдвинутого предположения, следует рассмотреть, каковы место и роль бурятского и русского языков в языковой ситуации в Бурятии. Г.А. Дырхеева в статье «Языковая ситуация в Республике Бурятия» отмечает, что «в целом для республики характерна несбалансированная социально-коммуникативная система с набором языков, неравнозначных в функциональном отношении… Объем общественных функций, выполняемых бурятским языком незначителен, сфер социально-культурной жизни, в которых бурятский язык употребляется достаточно интенсивно, немного, социальная база литературного бурятского языка постепенно сокращается» [Дырхеева, 2018: 304].

Как известно, русский язык является государственным языком на всей территории Российской Федерации и одним из шести официальных и рабочих языков ООН [Филиппова, 2014]. В Бурятии русский язык бытует с XVII в., но процесс его наиболее широкого

распространения и функционирования начался в XX в., и «в настоящее время он употребляется во всех сферах общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни республики, постепенно вытеснив бурятский язык, даже в районах с преобладающим бурятским населением» [Дырхеева, 2018: 304]. Автор данной аналитики объясняет низкий функциональный статус бурятского языка, являющегося на территории Республики Бурятия государственным, исторической отсылкой к 1930–1980-е годы – времени, когда и произошли существенные перекосы в национально-языковой жизни страны.

Понятно, что подобное описание внешней стороны языковой ситуации не проливает свет на внутренние механизмы внутри- и межкодовых хитросплетений в коре головного мозга конкретного носителя языков – причины-следствия, постепенно запускающей реверсивную стадию развития второго государственного языка в регионе.

Теории порождения речи и когнитивные механизмы взаимодействия кодов

Как уже отмечено выше, рассмотрение темы би- и полилингвизма в психосоциолингвистическом аспекте предполагает описание состояния бурятского языка в современной языковой ситуации посредством предмета психолингвистики (и когнитологии в целом), в нашем случае – с опорой на основные принципы теорий речепорождения и нейрофизиологические основания механизма взаимодействия языков.

Процесс порождения речи рассматривался в отечественной и зарубежной психо- и нейролингвистике такими учеными, как Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев, Т.В. Ахутина, А.Р. Лурия, Н.И. Жинкин, Т.Н. Ушакова, В. Левелт, М. Гаррет, К. Бок и др.

Т.В. Ахутина выделяет следующие основные принципы организации модели речепорождения, которые совпадают у отечественных и зарубежных исследователей: 1) «представление порождения речи как многоуровнего процесса, на каждом из которых специфически репрезентировано будущее высказывание»; 2) разделение синтаксических и лексических операций; 3) организация уровней по модели «фрейм-слот»; 4) выбор значений слов и выбор форм слов; 5) прямые и обратные связи и зависимость от конкурирующих стратегий [Ахутина, 2019: 95]. Названные принципы, характеризуя модели монолингвального речепорождения, выводят за скобки интеркодовые соревнования за выход в речемоторный этап, тем не менее они выступают, как нам представляется, также в качестве базовых для моделей би- и полилингвального речепорождения.

Рассмотрим когнитивные факторы, обеспечивающие развитие би-, поликода относительно отдельно взятого Homo Loquens в рамках когнитивной концепции *интерязыка*, который понимается нами «и как отношения между языками, и как надстандартная форма

языка», а именно: 1) в нейрофизиологическом смысле как «когнитивное пространство взаимоотношений между языками, которыми владеет билингв/полилингв»; 2) «динамический саморазвивающийся продукт взаимодействия первого, второго (и третьего) языков, своего рода промежуточная система-консенсус когнитивного соперничества кодов» [Дашинимаева, 2010: 194]. Иначе говоря, интерязык не понимается нами как внешние отношения между кодами би-, полилингва, а как процесс внутри головного мозга по приведению в относительный баланс неравноценных функциональных возможностей кодов для обеспечения субъекта инструментом коммуникации (в нашем случае – ненормативным). Данный синергетический механизм запуска самоорганизации чаще носит неосознанный характер. Конечно, подобное нерелевантное, с точки зрения отсутствия функционального равенства, состояние имеет свои исходные основания.

Речь идет о нейроанатомических обустройствах и нейрофизиологических принципах активации мозга человека, когда мы занимаемся речемыслительной деятельностью. Эти когнитивные факторы, которые в совокупности составляют «когнитивную архитектуру головного мозга» и постепенно вызывают асимметричное протекание двуязычия с «согласия» субъекта, сводятся к следующим семиотическим принципам: 1) функциональная билатерализация мозга и автономный формат хранения и активации формы и семантики, с одной стороны, и формальных знаков разных языков, с другой; 2) единость концептуально-семантической системы для двух «взрослых» языков; 3) статика формального знака (как внешней оболочки) на фоне постоянного видоизменения внутренней концептуально-семантической системы; 4) когнитивное взаимодействие кодов интерязыка по принципу состязательности; 5) системогенез, т.е. новый способ согласования – специализации – клеток [Там же]. В рамках нашего исследования особое внимание привлекает четвертый фактор, согласно которому «языки всегда пребывают в условиях когнитивно-функционального соперничества, в результате которого один из них занимает более доминирующую позицию» [Там же: 210], т.к. при критической степени такого доминирования может наступить потеря уровня/уровней языка, что является угрозой витальности языка.

На наш взгляд, решение проблем ревитализации языка требует более тщательного изучения сути когнитивных механизмов, производящих поэтапные и поуровневые потери: во-первых, регресс не наступает в одночасье; во-вторых, как выше отмечено, порождение речи имеет свою когнитивную алгоритмику, что в свою очередь указывает на функциональные взаимоотношения и влияния этапов семиозиса и уровней языка друг на друга.

Здесь интересно привлечь мнение М. Парадиза, согласно которому классифицируются у билингвов-афазиков следующие принципы потери языка: синергистический и дифференциальный, последовательный, селективный, антагонистический (один язык регрессирует, другой прогрессирует), смешанный (билингв систематически смешивает признаки языков на каком-нибудь или всех уровнях языковой организации) [Paradis, 1987: 117]. Абстрагируясь от описания потерь языка(ов), носящих природу афазиологической патологии, отметим, что применительно к бурятско-русскому двуязычию имеют место антагонистический и смешанный типы потери языков.

Наши наблюдения убеждают нас в том, что в основе функционального регресса языка как следствия сложных когнитивных процессов лежат взаимоотношения между ментальным лексиконом и ментальной грамматикой – сущностями, не носящими в традиционно лингвистическом смысле формально-языковую природу. С лексиконом более понятно, т.к. речь идет о том, каким образом оскудевает лексическая матрица как родо-видовая иерархия: в памяти остаются активными те связки простых номинаций, которые целесообразны, потому что они частотны с их максимальной утилитарностью.

Когда мы говорим, что интерязык индивида в итоге так или иначе самоорганизовывает дискурс, справляясь с минимальной задачей участия в коммуникации, имеем ли в виду, что критерий целесообразности и утилитарности срабатывает также в случае с грамматикой? Всегда ли значительные сложности с извлечением единиц из ментального лексикона указывают на полную потерю языка? Каково место и роль ментальной грамматики в интерязыке? Может ли идти речь о последовательной дисфункционализации ментального лексикона как триггере, приводящем в движение дисфункционализацию ментальной грамматики? В следующем параграфе попробуем сформулировать в первом приближении часть ответов на эти насущные для региональной языковой политики вопросы.

Внутренний синтаксис vs коды интерязыка

Реверсивный тип естественного билингвизма подразумевает постепенное – поуровневое – движение языка назад. Для более детального понимания удобно здесь обратиться к теории педоморфоза Б. Бичакжиана, согласно которой регрессирующий код последовательно отходит назад к исходным позициям раннего периода онтогенеза [Bichakjian, 1999], при этом речь идет об утрате лексического разнообразия и приходе к базовому словнику – ядру лексикона. Насколько нам известно, педоморфозис не затрагивает вопрос способов взаимодействия лексики и грамматики, с одной стороны, и путей

регрессирования внутренней – довербальной – грамматики, с другой. Что касается исследований процесса взаимовлияния кодов именно в бурятско-русском речепорождении, также получил гораздо большее освещение уровень лексики, чем морфологии и синтаксиса.

Как заявлено выше, нами выдвигается исследовательская гипотеза о том, что и внешняя, и внутренняя грамматика «покидают» функциональный остов кода интерязыка в последнюю очередь.

Напомним *классическое* понимание синтаксиса языка: «…его синтаксический строй, совокупность синтаксических единиц, связей и отношений между ними, а также закономерности, регулирующие построение синтаксических конструкций» [Бабайцева, 2020: 5]. Традиционное понимание синтаксиса в зарубежной лингвистике совпадает с пониманием в отечественной: «…Это относится к области грамматики, изучающей способы расположения слов с соответствующими флексиями или без них, чтобы показать смысловые связи в предложении» [Matthews, 1981: 1]. А.А. Реформатский отмечает, что момент коммуникации, который заключается в том, что «одно названное определяется другим», регистрируется именно этим разделом лингвистики [Реформатский, 2005: 324].

Для понимания причин регрессирования языка в голове би-, полилингва, конечно, следует обратиться не к дескриптивному, а к когнитивному подходу к синтаксису. Здесь кратко представим идеи коннекционистской модели в плане онтогенеза Брайана МакУинни (2000, 2005), который представляет процесс порождения и восприятия речи с психонейрофизиологическими основаниями. По его мнению, грамматика является условием формирования так называемой «семантической карты», т.е. создания лексикона, по следующим мотивам: граммемы, в частности синтаксемы, категоризируют словоформы для их объединения в качестве лексической составляющей, в результате формируются звуковые образы, которые обеспечивают грамматико-лексической совокупности выход во внешнюю речь. Другими словами, аудиокомплексы претерпевают морфосинтаксическое упорядочивание и ревизию, которые автор также описывает как выполнение роли «аргументного фрейма» [MacWhinney, 2005]: порождение речи происходит как процесс состязания на предмет соответствия исходному коммуникативному намерению и замыслу.

Как следует из сказанного, на глубинном уровне семиозиса грамматика выполняет роль «дирижера». Примерно та же самая модель в другой терминологии предлагается отечественным ученым Т.В. Ахутиной, модель речепорождения которой обоснованно приближает нас к ситуации «на самом деле».

Автором выделяются следующие уровни синтаксиса: 1) синтаксис первого уровня – смысловой (отбор наиболее существенной информации, в результате которого «строится

набор пропозиций»); 2) синтаксис второго уровня – семантический (группировка «предикативных пар в падежные рамки, соотносимые с поверхностными структурами»); 3) этап построения формально-грамматической структуры [Ахутина, 2019: 191–196]. Отмечается, что данные три разноуровневые операции являются операциями одного типа – «их осуществление можно представить как актуализацию фрейма, слоты которого заполняются с помощью операций выбора элементов из семантико-лексических парадигм соответствующего уровня» [Там же: 191]. В результате исследований Т.В. Ахутина приходит к выводу о «взаимодействии номинативных и синтаксических механизмов, их взаимодополнительности и взаимозаменяемости» [Там же].

Важно отметить, что роль синтаксиса в процессе речепорождения в целом, на довербальном (внутреннем) и вербальном (внешнем) уровнях по отдельности подтверждается положением о предикативности внутренней речи Л.С. Выготского: «Предикативность является основной и единственной формой внутренней речи, которая вся состоит с психологической точки зрения из одних сказуемых» ввиду «абсолютной и постоянной» известности нам самим темы нашего внутреннего диалога [Выготский, 2021: 405, 407]. Кроме того, Л.С. Выготский отмечал «тенденцию к сокращению и к чистой предикативности суждений» в устной (внешней) речи при известности темы собеседникам и при выражении психологического контекста, выраженного при помощи интонации [Там же: 405].

Таким образом, так называемые коннекционистские модели (usage-based models), которые рассматривают когнитивные процессы во взаимосвязи всех составляющих, подразумевая, что все активируемые сущности из знаний в момент порождения речи включаются в единую ассоциативную сеть, в итоге опровергают структуралистские и генеративные модели. В последних лишь сама структура грамматических форм детерминирует их репрезентацию в памяти говорящего. В модели, основанной на употреблении, репрезентацию грамматических единиц в памяти детерминируют также такие свойства употребления высказываний в коммуникации, как: 1) частотность отдельных грамматических форм и структур, 2) значения слов и конструкций в их реальном использовании [William Croft et al., 2005].

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что хотя предикат «заполняется» лексической единицей, но вопрос прочности закрепления в памяти би- и полилингва относится к синтаксической организации дискурса, прежде всего роли предиката, который представляет собой центральный – частотный – элемент внутренней речи.

Приведем пример, иллюстрирующий объективность сформулированного вывода. Порядок слов в бурятском литературном языке и в диалектах является строго

фиксированным: «в простом предложении предикат со всеми относящимися к нему частицами располагается в самом конце, субъект предшествует ему» [Даржаева, Цыренов, 2016: 8, 9]. Возьмем дискурс *Би буряад дуунуудые шагнаха дуратайб* (досл. ‘Я бурятские песни слушать люблю’, норм. ‘Я люблю слушать бурятские песни’), который иллюстрирует данное синтаксическое правило. Однако, допустим, у субъекта есть первоначальное намерение поделиться данной мыслью на бурятском языке, однако у него возникают трудности с извлечением единиц из ментального лексикона, тогда наступает ситуация самоорганизации дискурса с переключением кодов. Отметим, переключение кода может быть обусловлено разными факторами, в частности по психологическим причинам, этическим мотивам и т.д., но в нашем примере мы предполагаем варианты переключения по причине затрудненного доступа к ментальному лексикону бурятского кода.

Ниже даны одиннадцать потенциально возможных вариантов предложения с переключениями различного состава (вставки на русском языке выделены курсивом) и траектории, кроме того, последовательность с 1 до 11 иллюстрирует градуальность функционального регресса бурятского языка.

1. Би буряад *песненүүдые* шагнаха дуратайб.
2. Шагнаха буряад дуунууды дуратайб.
3. Би буряад дуунуудые шагнаха *люблю.*
4. Би буряад *песненүүдые слушать люблю*.
5. Би *бурятские песни слушать люблю*.
6. *Я бурятские песни слушать люблю.*
7. Би шагнаха дуратайб *бурятские песни*.
8. Би *слушать люблю* буряад дуунууды.
9. Шагнаха дуратайб *бурятские песни*.
10. *Слушать* дуратайб *бурятские песни*.
11. *Люблю бурятские песни слушать*.

В вариантах 1–6 сохраняется последняя позиция предиката, что может свидетельствовать о достаточно прочной закрепленности синтаксического правила бурятского языка в памяти билингва, хотя в 3–6 предикат в частности передается русскими эквивалентами; в вариантах 7–11 наблюдается ненормативная позиция предиката, что может говорить не только о постепенном регрессе бурятского кода, а уже об угрозе его исчезновения в интерязыке билингва. Основанием для такого вывода является когнитивно-пропозициональная роль внутреннего синтаксиса в планировании и аргументации будущего высказывания, что центрируется особенно в части предиката.

Морфологическая форма как участник конструирования довербальной пропозиции

На морфологию бурятского языка предлагается посмотреть не столько с точки зрения морфемы как неотъемлемой части синтаксиса, сколько в метаязыковом аспекте отрицанием стереотипа о морфологических маркерах, отождествляемых с инструментами передачи универсального внешнеграмматического значения.

Рассмотрим морфологическую категорию вида бурятского языка. Известно, что вид, будучи наиболее грамматизированной частью семантики характера протекания, распределения во времени и направления действия, входит в поле аспектуальности в качестве его центрального компонента. Конечно, и вид, и аспект – языковые универсалии, которые соотносятся как частное и общее, о чем обоснованно писал Ю.С. Маслов [Маслов, 2004]. Однако, когда грамматические формы, вступая в разные виды взаимоотношений с лексикой, не всегда могут навязать исходные значения в дискурсе, значит ли это, что морфология функционально слабее лексемы, выполняющей в словоформе некую роль семантического донора?

Обратимся к устному дискурсу.

Энэш юумэеэ нюу**хада***на* бэзэ? Эхэдээ адли бэшэ: тэрэнь хэлэ**хэдэжэрхи***дэг hэн бэлэй*. ‘*Однако эта что-то да скрывает, аа, умалчивает (хитренькая)? Непохожа на мать: та-то, бывало, возьмет да и скажет (то, о чем она подумала), сколько раз слыхали (были очевидцами)*.’

Здесь курсивом выделены словоизменительные морфемы *-на* и *-дэг*, которые передают внешние, т.е. нейтральные, видовые значения: первая – процессность в настоящем времени, вторая – кратность протекания действия. Послеглагольные частицы *hэн бэлэй* в связке со вторым суффиксом усиливают семантику кратности, с одной стороны, но также выражают категорию эвиденциальности (засвидетельствования описываемого факта).

Агглютинаты с модально-имплицитным функциональным потенциалом **-хада, -хэдэ,** сращенный аффикс **-жэрхи** помимо «характеристики» действия привносят оценку авторского отношения к субъекту и к соответствующему действию/стилю поведения

В первом предложении это неодобрение и упрек по поводу того, что персонаж не откровенен; во втором реализована семантика разных видов: быстрота принятия решения, решительность действия; неожиданность и необщепринятость подобного акта поведения, при этом морфема -хэдэ- вкупе с -жэрхи выражает дополнительную коннотацию, ставя акцент на идее всего высказывания (в переводе такой акцент манифестирует весь дискурс).

Как видно из дискурса, русский язык в переводе случаев с антропо-агглютинатами и частицами привлекает развернутые лексические сочетания, выражающие смелость, непредсказуемость, решительность, потому целевой дискурс по объему намного больше, чем оригинал.

В рамках исследования заданной темы нами проведен экспресс-эксперимент с 10 испытуемыми (ии.): половина ии. представляли бурятско-русский формат двуязычия, другая половина – русско-бурятский. Поскольку наш фокус внимания направлен на выявление степени утраты родного языка, привлекались молодые респонденты, все студенты, возраст – 18–22 г.

Задание состояло из двух устных этапов: 1) обратный перевод (последовательный) рассмотренного выше целевого дискурса на бурятский язык; 2) перевод изолированных лексем нюу**хада***на* и хэлэ**хэдэжэрхи***дэг* на русский язык.

В итоге устный и спонтанный перевод на русский язык данных предложений (*Однако эта что-то да скрывает, аа, умалчивает (хитренькая)? Непохожа на мать: та-то, бывало, возьмет да и скажет (то, о чем она подумала), сколько раз слыхали (были очевидцами)*) получил 9 вариаций перевода и переложения. Самый значимый (для нашей гипотезы) итог состоял в том, что ни один респондент из 10 не смог вовлечь в свой перевод «очеловеченные» агглютинаты, способные компактно – на морфологическом уровне – передать наименьшим количеством слов аспектуальные смыслы наряду с коннотацией. В результате отсутствовал динамизм спонтанной речи, который актуализируется посредством агглютинативных средств.

Хотя участники не смогли распознать бурятский морфологический эквивалент, соответствующий русским лексемам, данные эксперимента дают частичный ответ на вопрос, заданный выше (о степени слабости морфологии относительно лексики): агглютинат также способен выполнять роль семантического донора, при этом сильную роль, поскольку данное средство реализует ее имплицитно.

Итоги второго этапа перевода оказались достаточно неожиданными: четверо из пяти бурятско-русских билингвов смогли «считать» имплицитную семантику внутренних суффиксов в предикатах, лишенных контекста, и предложили вполне приемлемые переводы: *явно / очевидно, что скрывает; вишь, скрывает; так и выскажет; резко скажет; смело выскажется.* Три русско-бурятских билингва перевели однотипно как *скрывает* / *говорит*, т.е. не смогли передать модальные оттенки агглютинатов на лексическом уровне, при этом их выражения лиц свидетельствовали об их неуверенности, насколько правильно поняты ими сами глагольные значения.

Для нас данный итог оказался крайне любопытным ввиду некоей асимметрии: носители, хорошо владеющие родным языком, распознают за грамматической семантикой имплицитную модальность на уровне знания, однако оказываются неспособными неосознанно быстро применить эти знания в спонтанной речи в виде вариантного морфологического соответствия на языке перевода. Когда билингв распознает модально-имплицитную морфологическую семантику, услышав словоформу, но не способен быстро аналитическим путем – опираясь на принцип логических соотнесений – вспомнить ее наличие в системе языка для привлечения в переводе, это сигнал функционального ослабления родного языка на глубинном когнитивном уровне.

Заключение

Рассмотренные в статье идеи и положения подтверждают необходимость попыток заглянуть, переступив за границы формального описания бурятско-русского дискурса, в область довербальной грамматики когнитивного пространства конкретного би-, полилингва. Так, вышеизложенное аргументирует и акцентирует следующие идеи:

1. Языковая политика не должна базироваться на результатах лингвистических и социолингвистических исследований, где описывается лишь внешняя картина видоизменений функционала языка.

2. Лингвистические и социальные характеристики языковой и речевой ситуации как видимое, слышимое или наблюдаемое следствие являются обобщением высокого уровня, не объясняющим основания их появления.

3. Причины, вызывающие патологии функционирования кодов интерязыка, раскрываются обращением к когнитивному механизму активации речемышления, порождения и восприятия речи, к принципу кратности и состязательности элементов и уровней внутри языка и между языками – единственному принципу, в рамках которого осуществляется освоение, развитие и совершенствование кодов интерязыка в отдельно взятой голове би-, полилингва.

4. Будущее высказывание, прежде чем реализоваться в языковом знаке, активируется в виде довербального синтаксиса, носящего аргументно-пропозициональный характер, где выполняются аналитические ментальные шаги, в частности метонимические связки, носящие все еще этноцентрированное мышление.

5. Пути ревитализации регионального языка, предотвращения перекоса вектора функционирования билингвизма в регионе должны исходить из результатов мониторинга, определяющего степень и качество наступивших потерь, в основе которого должен лежать трансдисциплинарный подход.

Литература

Ахутина Т.В. (2019) Порождение речи: Нейролингвистический анализ синтаксиса. М.: ЛИБРОКОМ. 218 с.

Бабайцева В.В. (2020) Синтаксис русского языка. 3-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА. 576 с.

Выготский Л.В. (2021) Мышление и речь. СПб.: Питер. 432 с.

Даржаева Н.Б., Цыренов Б.Д. (2016) Синтаксис бурятской разговорной речи: Предварительный очерк // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 14. № 2. С. 5–12.

Дашинимаева П.П. (2010) Теория значимости как основа психонейролингвистической концепции непереводимости. Дисс. … докт.филол. наук. Улан-Удэ. 378 с.

Дырхеева Г.А. (2018) Языковая ситуация в Республике Бурятия // Мир Большого Алтая. Т. 4. № 2. С. 302−320. DOI: 10.31551/2410-2725-2018-4-2-302-320

Реформатский А.А. (2005) Введение в языковедение: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс. 536 с.

Филиппова И.Н. (2014) Сравнительная типология немецкого и русского языков. М.: ФЛИНТА ; Наука. 128 с.

Bichakjian, B.H. (1999) Language Evolution and the Complexity Criterion: Target Article // Psycoloquy. № 10 (033).

Croft, W., Cruse, D. A. (2005) Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press. 356 p.

Matthews, P. H. (1981) Syntax. Cambridge: Cambridge University Press. 306 p.

MacWhinney, B. (2000) Connectionism and Language Learning // Usage-based Models of Language / Eds Barlow M. & Kemmer S. Stanford. Pp. 121–150.

MacWhinney, B. (2005) New Directions in the Competition Model // Beyond Nature-Nurture: Essays in Honor of Elizabeth Bates. Mahwah; New Jersey; London. Pp. 81–110.

Paradis, M. (1987) The Assessment of Bilingual Aphasia. Hills-dale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Pubs. 241 p.

References

Akhutina, T.V. (2019) Porozhdenie rechi: Neyrolingvisticheskiy analiz sintaksisa [Speech Production. Neurolinguistic Syntax Analysis]. M.: LIBROKOM. 218 p. (In Russ.)

Babaytseva, V.V. (2020) Sintaksis russkogo yazyka [Russian Syntax]. M.: FLINTA. 576 p. (In Russ.)

Bichakjian B.H. (1999) Language Evolution and the Complexity Criterion: Target Article // Psycoloquy. No. 10 (033).

Vygotsky, L.V. (2021) Myshlenie i rech’ [Thinking and Speech]. SPb.: Piter. 432 p. (In Russ.)

Darzhaeva, N.B., Tsyrenov, B.D. (2016) Sintaksis buryatskoy razgovornoy rechi: Predvaritel’nyy ocherk [Syntax of the Buryat Spoken Language: A Preliminary Sketch] // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhkul’turnaya kommunikatsiya. Vol. 14. No. 2. Pp. 5–12. (In Russ.)

Dashinimaeva, P.P. (2010) Teoriya znachimosti kak osnova psikhoneirolingvisticheskoi kontseptsii neperevodimosti [The Theory of Salience as a Psycholinguistic Basis of Intranslatability]. Ulan-Ude. 378 p.

Dyrkheeva, G.A. (2018) Yazykovaya situatsiya v Respublike Buryatiya [The Language Situation in the Buryat Republic] // Mir Bol'shogo Altaya. Vol. 4. No. 2. Pp. 302−320. (In Russ.) DOI: 10.31551/2410-2725-2018-4-2-302-320 (In Russ.)

Reformatskii, A.A. (2005) Vvedeniye v yazykoznaniye [Introduction to Linguistics]. M.: Aspekt Press. 536 p. (In Russ.)

Filippova, I.N. Sravnitel'naya tipologiya nemetskogo i russkogo yazykov [Comparative Typology of German and Russian Languages]. Moscow: FLINTA ; Nauka. 128 p. (In Russ.)

Croft, W., Cruse,D.A. (2005) Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press. 356 p.

Matthews, P.H. (1981) Syntax. Cambridge: Cambridge University Press. 306 p. (In Eng.)

MacWhinney, B. (2000) Connectionism and Language Learning // Usage-based Models of Language / Eds Barlow M. & Kemmer S. Stanford. Pp. 121–150.

MacWhinney, B. (2005) New Directions in the Competition Model // Beyond Nature-Nurture: Essays in Honor of Elizabeth Bates. Mahwah; New Jersey; London. Pp. 81-110. (In Eng.)

Paradis M. (1987) The Assessment of Bilingual Aphasia. Hills-dale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Pubs. 241 p. (In Eng.)

Дашинимаева Полина Пурбуевна – доктор филологических наук, профессор, кафедра перевода и межкультурной коммуникации, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Адрес: 670000, Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6.
Эл. адрес: pdash@bsu.ru

Нимаева Эржена Зориктоевна – аспирант, Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова.
Адрес: 670000, Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6.
Эл. адрес: nimaeva.erzhena@mail.ru

Для цитирования: *Дашинимаева П.П., Нимаева Э.З.* Что может дать социолингвистике трансдисциплинарное исследование грамматики естественного языка: (На материале бурятского) [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2022. № 4 (12). С. 108–121. DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-108-121

For citation: *Dashinimaeva, P.P., Nimaeva E.Z.* How can transdisciplinary study of a natural language grammar contribute to sociolinguistics: (Ehe case of Buryat) [online] // Sociolinguistics. 2022. No. 4 (12). Pp. 108–121. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-108-121

УДК 81'27 DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-122-139

КОНЦЕПТЫ «РУССКИЙ ЯЗЫК» И «АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СИБИРСКИХ СТУДЕНТОВ

Тамара Н. Журавель
Сибирский федеральный университет,
Российская Федерация

Владимир В. Безбатченко
Сибирский федеральный университет,
Российская Федерация

В статье рассматриваются результаты когнитивного исследования, проведенного среди студентов Сибирского федерального университета и Тувинского государственного университета. Целью данного исследования было представить структуру и содержание двух близких концептов – «русский язык» и «английский язык». В качестве материала были использованы ассоциации, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента. В эксперименте приняли участие 118 студентов. Особенностью работы является то, что в качестве респондентов были задействованы как носители русского языка (58 человек), так и инофоны (60 человек). Это позволило дать анализ исследуемых концептов в сопоставлении. Основные результаты исследования: как русский, так и английский язык всеми респондентами воспринимается положительно; для обеих групп респондентов характерно воспроизводить устоявшиеся стереотипы о языке; карьерные устремления русскоязычные респонденты склонны связывать с английским языком, для инофонов такая оценка не характерна.

Ключевые слова: *русский язык, английский язык, концепт, языковое сознание, когнитивистика, автостереотип, носители русского языка, инофоны.*

THE CONCEPTS "RUSSIAN LANGUAGE" AND "ENGLISH LANGUAGE" IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF SIBERIAN STUDENTS

Tamara N. Zhuravel
Siberian Federal University, Russian Federation

Vladimir V. Bezbatchenko
Siberian Federal University, Russian Federation

The article discusses the results of a cognitive study conducted among students of Siberian Federal University and Tuva State University. The purpose of this study was to present the structure and content of two related concepts - "Russian language" and "English language". Associations obtained in the course of a free associative experiment were used as material. 118 students took part in the experiment. A feature of the work is that both native speakers of the Russian language (58 people) and foreigners (60 people) were involved as respondents. This made it possible to analyze the studied concepts in comparison. The main results of the study: both Russian and English are perceived positively by all respondents; it is typical of both groups of respondents to reproduce established stereotypes about language; Russian-speaking respondents tend to associate their career aspirations with the English language; such an assessment is not typical of foreigners.

Keywords: *Russian language, English language, concept, language consciousness, cognitive studies, autostereotype, Russian language speakers, inophones*

Введение

Исследование концептов является актуальным направлением в современной лингвистике. Интерес к концепту как к объекту исследования обусловлен стремлением выявить взаимосвязи с языком и национальной культурой, языком и психикой, языком и сознанием и пр. Концептуализация, наряду с категоризацией, является классификационным механизмом познавательной деятельности, который представляет собой «осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде концептов…» [Болдырев, 2001: 22]. Характер концептуализации отличается в зависимости от языка того или иного народа, в связи с этим появляется вопрос о специфике языкового сознания у разных народов. Особый интерес представляют основные концепты национальной концептосферы, которые играют значительную роль в формировании картины мира.

В науке существует несколько подходов к изучению концепта, среди которых в качестве основных, как правило, выделяют лингвокультурный, психолингвистический и лингвокогнитивный подходы. Лингвокогнитивный подход рассматривает концепт в его взаимосвязи с культурой, поэтому в этой парадигме он признается в качестве основной единицы культуры [Карасик, 2002: 97]. В.И. Карасик, работающий в русле этого направления, называет концепты «первичными культурными образованиями, выражением объективного содержания слов, имеющими смысл, и поэтому транслируемыми в различные сферы бытия человека, в частности, в сферы преимущественно понятийного (наука), преимущественно образного (искусство) и преимущественно деятельностного (обыденная жизнь) освоения мира» [Там же: 103]. Психолингвистику, в свою очередь, концепт прежде всего интересует во взаимосвязи с психическими процессами в мозге человека. А.А. Залевская дает следующей определение: концепт – это «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» [Залевская, 2005: 411].

В качестве теоретической и методологической базы данного исследования была использована парадигма когнитивной лингвистики, поэтому представляется необходимым более подробное ее рассмотрение. Лингвокогнитивные исследования не направлены на

изучение механизмов психики столь подробно, как психолингвистические. В некоторой степени когнитивная лингвистика сближается с лингвокультурологией во взгляде на концепт. Обе дисциплины описывают взаимосвязь концептов с сознанием и культурой, однако направление отличается: когнитивная лингвистика исследует концепт в направлении от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурология – наоборот. [Карасик, 2002: 97]. Таким образом, лингвокультурология признает концепт элементом культуры, а когнитивная лингвистика – элементом сознания. Е.С. Кубрякова, как представитель лингвокогнитивного подхода дает следующее определение концепта: это единица «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова, 1996: 91].

Следует также подробнее сказать об «оперативности» концепта, упомянутой в вышеуказанном определении. В русле когнитивной лингвистики мыслительная деятельность рассматривается как совокупность операций с концептами. То есть при передаче информации человек таким образом передает концепты. Аналогично рассматривается любой акт общения. Кроме этого, используя сформированные концепты, человек может порождать новые в процессе мышления [Попова, Стернин, 2001: 19].

Кроме этого, следует отметить, что концепты не обязательно существуют в вербализованном виде. З.Д. Попова и И.А. Стернин выделяют пять источников формирования концепта: непосредственный чувственный опыт; операции человека с предметами; мыслительные операции с другими концептами; языковое общение; самостоятельное познание значений языковых единиц [Попова, Стернин, 1999: 4]. Таким образом, концепты могут быть образованы не только из языка, но и из чувственного опыта человека, из чего следует возможность существования невербализованных концептов. И.А. Стернин говорит о том, что в сознании человека существует значительное количество такого рода концептов, а их существование именно в невербализованном виде объясняется их коммуникативной нерелевантностью [Стернин, 2007: 2]. Предпосылкой к существованию невербализованных концептов как таковых является автономность процессов мышления и вербализации, обусловленная их локализованностью в разных участках коры головного мозга [Попова и др., 2001: 37].

Своеобразным мостом между теорией и методологией является модель структуры и содержания концепта, так как анализ того или иного концепта предполагает его моделирование. Структура и содержание концепта формируются на основе когнитивных

признаков, полученных на основе вербализаций, характеризующих концепт. В структуре концепта когнитивные признаки упорядочиваются по абстрактности, и располагаются по следующим элементам: образ, информационное содержание и интерпретационное поле [Попова и др., 2007: 106]. В структуре образа выделяется перцептивный и когнитивный образ. Перцептивный образ образован когнитивными признаками, полученными на основе зрительного, тактильного, вкусового, звукового и обонятельного восприятия. Когнитивный образ, в свою очередь, образован признаками, «формируемыми метафорическим осмыслением соответствующего предмета или явления» [Там же: 108]. Далее в структуре концепта следует информационное содержание. В этот элемент структуры концепта входит минимум признаков, которые определяют наиболее важные отличительные черты концептуализируемого предмета или явления. Наконец, в интерпретационное поле включаются признаки, которые интерпретируют информационное содержание концепта, они могут представлять собой вывод из него или оценку. Интерпретационное поле, как и образ, являются неоднородным, и включает в себя несколько зон: оценочную, в когнитивных признаках которой содержится оценка; энциклопедическую, в которой отражаются характеристики объекта, полученные из взаимодействия с ним; утилитарную, содержащую знания об утилитарных качествах концептуализируемого объекта; регулятивную, включающую нормативные установки; социально-культурную, в которой отражается связь с бытом и культурой; паремиологическую, в которой отражено содержание пословиц [Там же: 106–113].

Содержание концепта организуется по полевой модели и включает в себя ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию. Когнитивные признаки располагаются в этих полях по яркости: ядро включает в себя самые яркие когнитивные признаки, по мере уменьшения своей яркости признаки занимают свои места на ближней, дальней и крайней периферии.

И.А. Стернин предлагает семантико-когнитивный метод к исследованию концепта, конечным результатом которого является словесное или графическое представление структуры и содержания концепта [Там же: 113]. Данный метод направлен на описание концептосферы при помощи семантики знаков языка и предполагает переход от изучения содержания значений к содержанию концептов. Этот переход выполняется с помощью когнитивной интерпретации [Стернин, 2007: 2]. Когнитивная интерпретация – это «мысленное обобщение на более высоком уровне абстракции результатов описания значений языковых единиц, номинирующих концепт, для выявления и словесного формулирования когнитивных признаков, репрезентируемых теми или иными значениями или семантическими компонентами этих языковых единиц» [Там же: 4]. Этот этап является

необходимым в связи с тем, что при его отсутствии в исследовании значения языковых единиц, номинирующих концепт, будут напрямую отождествлены с концептом, что противоречит пониманию концепта как единицы когнитивного сознания. Структура и содержание концепта должны быть смоделированы на основе именно когнитивных признаков, полученных в результате когнитивной интерпретации. [Там же].

Такой метод удобен при применении ассоциативного эксперимента. Полученные в его ходе реакции на необходимый исследователю стимул подвергаются когнитивной интерпретации. То есть полученные ассоциаты группируются таким образом, что близкие по значению реакции объединяются в один когнитивный признак, который именуется исследователем самостоятельно (обычно выбирается наиболее частотная реакция или стилистически нейтральное слово) [Там же]. Когда когнитивные признаки сформулированы, становится возможным моделирование структуры и содержания.

Необходимо сказать несколько слов об объекте исследования. В начале статьи было упомянуто о наличии научного интереса в отношении основных концептов национальной концептосферы. Согласно исследованию Л.А. Тавдгиридзе, номинативное поле концепта «русский язык» ограничивается небольшим количеством способов его языковой объективации, основным из которых является непосредственно словосочетание «русский язык». Тем не менее, автор говорит о том, что это словосочетание имеет высокую частотность в русском языке, кроме этого, результаты исследования показывают, что концепт имеет обширную периферию, содержащую большое количество значительных по яркости признаков, что свидетельствует о релевантности и важности концепта для русского сознания, а объемная когнитивная структура концепта позволяет рассматривать концепт «русский язык» как один из центральных концептов русской концептосферы [Тавдгиридзе, 2005: 7, 13, 14]. Также следует сказать о том, что концепт является динамичным образованием, то есть состав его структуры и содержания может претерпевать изменения со временем. Эту динамику следует периодически отслеживать.

Методика

Для исследования концепта «русский язык» был использован описанный выше семантико-когнитивный метод. Специфика исследования заключается в том, что в ходе материала были получены реакции не только от носителей русского языка, но также и от инофонов, то есть людей, для которых русский язык не является родным. Моделирование структуры и содержания концепта для этих групп проводилось отдельно для дальнейшего сопоставления.

В свободном ассоциативном эксперименте приняли участие 118 человек, 58 из которых в качестве родного языка указали русский, остальные 60 респондентов указывали другие языки, а именно: тувинский (22 человека), бурятский (13), киргизский (12), армянский (6), таджикский (4), азербайджанский (1), хакасский (1), татарский (1). Участниками эксперимента были студенты Сибирского федерального и Тувинского государственного университетов. Эксперимент проводился в период с 15 февраля по 2 июня 2022 г.

Для эксперимента была разработана анкета в электронном виде. В начале анкеты респонденты указывали родной язык, а также степень владения русским языком, которая указывалась с помощью выбора из пяти пунктов: 1) совершенно свободно владею, думаю на языке; 2) с некоторыми затруднениями; 3) со значительными затруднениями; 4) знаю только отдельные слова. По итогам эксперимента 107 участников выбрали первый пункт, 10 – второй, 1 – третий. После этого предлагалось написать несколько ассоциаций к словосочетаниям «русский язык» и «английский язык», а также продолжить предложения: «Русский язык сегодня…»; «Русский язык в будущем»; «Английский язык сегодня…»; «Английский язык в будущем…». Для моделирования концепта были использованы реакции на стимулы «русский язык» и «русский язык сегодня». Стимулы, связанные с английским языком, были привлечены в качестве контрольных, как позволяющие уточнить содержание исследуемого концепта, сравнить восприятие русского языка и английского. Вопросы о будущем языка также отражают восприятие концепта в настоящий момент времени, а также могут служить для прогнозирования трансформации концепта в будущем.

Результаты и обсуждение

Как уже было сказано, структура и содержание концепта были смоделированы для двух исследуемых групп отдельно. Содержание, полученное на основе реакций носителей, имеет следующий вид:

Таблица 1

Элемент содержания концепта	Когнитивные признаки
Ядро	«Сложный» (15): сложность (3); сложный (3); сложный для изучения и понимания иностранцами; иногда может быть такой и для самих носителей; имеет сложную структуру и грамматику; сложен для обучения; сложен; сложный; сложный для иностранных для изучения; сложен относительно большинства других языков мира в плане изучения; один из самых сложных. «Родной» (15): родной (10); родной язык (2); мой родной язык; родной язык для полумиллиарда человек; первый язык. «Предмет изучения в школе» (15): грамматика (3); правила (2); исключения; особая вселенная правил и исключений; орфография; школа; является одним из самых важных предметов; изучаемых как в школах; так

Элемент содержания концепта	Когнитивные признаки
	и в вузах; эссе; кириллица; ЕГЭ (2); предмет в школе (2). «Имеет много возможностей для выражения» (14): богатство, богатый (3); позволяющий передать разные оттенки эмоций; это самый богатый язык в мире; язык с богатейшим словарным запасом; многогранный (2); многообразный; многогранен (2); разнообразие; разносторонний.
Ближняя периферия	«Величие языка» (8): великий; великий и могучий (2); могучий (3); могуч; национальное достояние; имеет большое значение в нашей стране. «Имеет заимствования» (7): имеет много заимствованных слов из других языков; состоит из заимствований; пополняется иностранными словами; активно заимствует из других языков; разнообразен: в нем можно найти множество слов разного происхождения; меняется, заимствуя слова у других языков; пополняется англицизмами. «Относящийся к России» (7): Русь; Россия (3); ключ к коммуникации в СНГ пространстве; родина (2).
Дальняя периферия	«Деградация языка» (5): Поглощен молодежным сленгом; деградирует; претерпевает изменения, и я не рада этому; теряет свою уникальность; обеднен. «Язык, на котором пишется литература» (5): язык прекрасной поэзии; литература; стихотворения; Пушкин (2). «Красивый» (5): красота (3); красивый (2). «Ухудшается положение языка» (5): испытывает сложности; испытывает сложности в мире; находится в кризисе; теряет свое значение; подвержен дискредитации. «Популярный» (5): очень популярен в других странах для изучения; популярен; почти мировой; международный; знает большинство населения в мире. «Любовь» (3): любовь (3). «Развивается» (3): развивается благодаря взаимодействию разных культур и языков; эволюционирует; развивается. «Культура» (2): культура (2). «Интересный» (2): интерес; интересный. «Разговор» (2): разговор (2).
Крайняя периферия	«Требует реформ»; «древность»; «живет»; «забыт»; «обслуживает разные сферы жизнедеятельности»; «нуждается в бережном отношении»; изменился»; «загадка, которую никогда не разгадают»; «упрощается»; «динамичный»; «дом»; «обязанность»; «мелодичный»; «гордость»; «странный»; «язык»; «душа»; «текст»; «понятный»; «филология»; «золотой цвет»; «слово»; «неизвестность»; «большой объем»; «утонченный»; «уют»; «Кирилл»; «не особо распространен за рубежом»; «эмоция»; «литературный»; «немелодичный»; «низкий»; «местный»; «глубокий»; «СССР»; «обширность»; «язык с историей»; «мат»; «занимает важную роль в моей жизни»; «речь»; «письмо»; «флективный»; «официальный язык страны»; «ясность»; «семья»; «средство общения»; «процветает»; «открывает множество возможностей в странах СНГ».

Из содержания видно, что носители часто объективируют сложность языка, соответствующий когнитивный признак входит в ядро. В первую очередь следует отметить, что такая оценка транслирует распространенный автостереотип о русском языке, который предположительно связан с опытом обучения в школе, а именно с представлением о большом количестве правил и исключений из них. В ядро также входит признак «предмет изучения в школе». Вербализации этого признака, такие как *правила, грамматика, исключения* могут служить подтверждением указанной причины представления о русском языке как о сложном. В ядре концепта также содержится когнитивный признак «родной»,

что свидетельствует о положительном отношении к языку. Кроме этого, в ядро входит признак «имеет много возможностей для выражения», который вербализуется такими реакциями, как *богатый, многогранный* и т.д. Представление о богатстве языка также является популярным автостереотипом, который отражает положительную оценку родного языка.

В ближнюю периферию входит когнитивный признак «величие языка», который тоже можно назвать стереотипом. Частотны вербализации *великий, могучий, великий и могучий*, которые повторяют известную формулу «великий и могучий русский язык» из стихотворения И. С. Тургенева «Русский язык». Другой признак, вошедший в ближнюю периферию – «имеет заимствования». Респонденты говорят о наличии большого количества иностранных слов в языке и постоянное пополнение ими, но не выражают отрицательной оценки этого явления. Тем не менее, вошедший в дальнюю периферию признак «деградация языка» объективируется утверждениями о поглощении русского языка молодежным сленгом. Причины этого, вероятно, участники видят в заимствованиях, но не уточняют это. Кроме этого, в дальней периферии содержится признак «ухудшается положение языка». Это может свидетельствовать о наличии беспокойства за родной язык на фоне событий мировой политики.

На стимул «русский язык в будущем» всего было получено 58 реакций от носителей. Чаще всего (24% от всего количества) были вербализованы реакции, транслирующие прогноз об улучшении положения русского языка в мире (*всемирный, международный, будет изучаться многими странами, будет востребованным для изучения среди иностранцев* и т. д.). Участники эксперимента не указывали оснований такого мнения, однако, можно сделать вывод, что носители любят родной язык и желают его процветания. Другая группа реакций позволяет сделать аналогичный вывод – 15,5% реакций транслируют мысль о том, что русский язык станет более совершенным (*будет только совершенствоваться, станет более гибким, продолжит развиваться* и т.д.). С такой же частотностью носители давали реакции, связанные с изменением языка (*станет абсолютно другим, изменится, совершенно другой, видоизменится до неузнаваемости*). Остальные реакции единичны или составляют незначительные группы.

Анализ реакций об английском языке позволяет сказать, что, в отличие от русского языка, английский язык рассматривается как предоставляющий возможности. О русском языке таких реакций не давалось. Очевидно, что представление о наличии возможностей следует из большой распространенности английского языка, что позволяет устанавливать связи с людьми из большого количества стран.

Структура концепта такова:

Таблица 2

Элемент структуры концепта		Когнитивные признаки
Образ	Перцептивный	«Дом»; «золотой цвет»; «немелодичный»; «низкий».
	Когнитивный	«Разговор» (2); «обязанность»; «гордость»; «душа»; «уют»; «эмоция»; «глубокий»; «обширность»; «речь»; «письмо»; «ясность»; «семья»; «филология»; «мелодичный»; «большой «объем»; «текст»; «слово»; «неизвестность».
Информационное содержание		«Родной» (15): родной (10); родной язык (2); мой родной язык; родной язык для полумиллиарда человек; первый язык. «Предмет изучения в школе» (15): грамматика (3); правила (2); исключения; особая вселенная правил и исключений; орфография; школа; является одним из самых важных предметов, изучаемых как в школах, так и в вузах; эссе; кириллица; ЕГЭ (2); предмет в школе (2). «Относящийся к России» (7): Русь; Россия (3); ключ к коммуникации в СНГ пространстве; родина (2). «Язык»; «местный»; «СССР»; «средство общения»; «мат»; «флективный»; «официальный язык страны».
Интерпретационное поле	Оценочная зона	«Красивый» (5): красота (3); красивый (2). «Любовь» (3): любовь (3). «Интересный» (2): интерес; интересный. «Странный»; «утонченный»; «занимает важную роль в моей жизни».
	Энциклопедическая зона	«Имеет заимствования» (7): имеет много заимствованных слов из других языков; состоит из заимствований; пополняется иностранными словами; активно заимствует из других языков; разнообразен: в нем можно найти множество слов разного происхождения; меняется, заимствуя слова у других языков; пополняется англицизмами. «Популярный» (5): очень популярен в других странах для изучения; популярен; почти мировой; международный; знает большинство населения в мире. «Деградация языка» (5): поглощен молодежным сленгом; деградирует; претерпевает изменения, и я не рада этому; теряет свою уникальность; обеднен. «Ухудшается положение языка» (5): испытывает сложности; испытывает сложности в мире; находится в кризисе; теряет свое значение; подвержен дискредитации. «Развивается» (3): развивается благодаря взаимодействию разных культур и языков; эволюционирует; развивается. «Упрощается»; «живет»; «древность»; «не особо распространен за рубежом»; «изменился»; «процветает»; «забыт»; «динамичный».
	утилитарная зона	«Сложный» (15): сложность (3); сложный (3); сложный для изучения и понимания иностранцами, иногда может быть такой и для самих носителей; имеет сложную структуру и грамматику; сложен для обучения; сложен; сложный; сложный для иностранных для изучения; сложен относительно большинства других языков мира в плане изучения; один из самых сложных. «Имеет много возможностей для выражения» (14):

Элемент структуры концепта		Когнитивные признаки
		богатство; богатый (3); позволяющий передать разные оттенки эмоций; это самый богатый язык в мире; язык с богатейшим словарным запасом; многогранный (2); многообразный; многогранен (2); разнообразие; разносторонний. «Понятный»; «обслуживает разные сферы жизнедеятельности»; «открывает множество возможностей в странах СНГ».
	Регулятивная зона	«Нуждается в бережном отношении»; «требует реформ».
	Социально-культурная зона	«Культура» (2): культура (2). «Язык, на котором пишется литература» (5): язык прекрасной поэзии; литература, стихотворения; Пушкин (2). «Загадка, которую никогда не разгадают»; «Кирилл»; «Литературный»; «Язык с историей».
	Паремиологическая зона	«Величие языка» (8): великий; великий и могучий (2); могучий (3); могуч, национальное достояние; имеет большое значение в нашей стране.

В образной составляющей доминируют когнитивные образы. Значительно чаще в сознании носителей возникают абстрактные образы, нежели конкретно чувственные. Кроме этого, полученные образы единичны, не поддаются группировке.

Концепт имеет яркое информационное содержание (26,5% всего содержания), однако информационное поле значительно ярче, более чем в два раза (59,6%). В интерпретационном поле доминируют энциклопедическая и утилитарная зоны. В интерпретационном поле были обнаружены признаки, противоречащие друг другу – «деградирует» и «развивается». Доминирующим оказался второй признак.

Оценочная зона не содержит отрицательных оценок за исключением когнитивного признака *странный*, который также нельзя назвать однозначно негативной оценкой.

Сопоставление структуры и содержания концепта позволяет сказать, что ядро концепта достаточно яркое, оно составляет 35,5% от всего содержания. Оно образовано четырьмя признаками, два из которых относятся к информационному содержанию, остальные два – к утилитарной зоне. Этот факт подтверждает утверждение Л.А. Тавдгиридзе о том, что информационное содержание не обязательно должно доминировать в ядре [Тавдгиридзе, 2005: 16].

В ближней периферии доминирующим оказалось интерпретационное поле, а именно когнитивные признаки паремиологической и энциклопедической зоны. Дальняя периферия образована когнитивными признаками разных зон интерпретационного поля. Крайняя периферия имеет большое количество одиночных реакций, поэтому представлена достаточно ярко (33,1%). Здесь также доминирует интерпретационное поле, кроме этого, ярко представлены когнитивные образы.

Обратимся к материалу, полученному от инофонов. Содержание концепта выглядит следующим образом:

Таблица 3

Элемент содержания концепта	Когнитивные признаки
Ядро	«Предмет изучения в школе» (15): школьный предмет; школьный урок; алфавит; кириллица; азбука (2); грамматика; падежи; предмет; кабинет русского языка; грамматика; урок; орфография; учебник; правила. «Имеет много возможностей для выражения» (12): богатый; богатство (2); очень богатый фразеологизмами и т. д. язык; один из самых богатых языков мира; богат; один из богатых языков в мире; многогранный; считается одним из богатейших языков мира; очень богатый; самый богатый язык; один из богатейших языков в мире. «Популярный» (11): распространенный; очень популярен; международный; набирает популярность за границей; один из самых популярных в мире; входит в топ 10 языков по количеству носителей; международный язык; распространяется по всему миру; очень популярен за пределами СНГ; является одним из наиболее распространенных языков мира; русский язык в настоящее время является самым распространенным языком.
Ближняя периферия	«Относящийся к России» (10): Россия (2); государственный; государственный язык России и ряда стран; язык Российской Федерации; наиболее активно пользуется спросом в России и в ряде стран СНГ; актуален в России; национальный язык Российской Федерации; государственный язык; используется в России и некоторых странах СНГ; язык, на котором говорит почти весь СНГ. «Родной» (9): родной язык; родной (3); второй родной язык; для меня как родной; для меня родной язык; почти стал родным; мой второй родной язык.
Дальняя периферия	«Язык, на котором пишется литература» (6): Толстой; литература (4); Пушкин. «Величие языка» (6): велик и могуч; великий и могучий (3); могучий, великий. «Сложный» (6): очень сложный для иностранцев; является одним из самых сложных языков мира; очень трудно изучать; трудный; один из самых сложных языков в мире; простой, но сложный, как человек; «Красивый» (5): прекрасный, очень красивый; один из самых красивых языков в мире; изящность; самый красивый язык. «Развивается» (5): развивается (4); продолжает расти.
Крайняя периферия	«Непопулярный» (4): не так популярен; не актуален; не особо нужен; второстепенный язык в мире. «Изменяется вследствие заимствований» (3): расширяется за счет заимствований; дополняется новым иноязычным сленгом, изменяется; появляется много заимствованных слов из других языков. «Важный» (3):важный; нужен; необходимый. «Второй язык» (3): второй язык (2); второй. «Средство общения» (2): средство общения; способ общения с русскими. «Язык, на котором думаю» (2): язык, которым я думаю; думаю им. «Необъятный» (2): необъятный (2). «Глубокий» (2): глубок; глубокий «Деградация языка» (2): деградирует, русский язык начал клоняться с английским языком[13], особенно среди молодёжи; среди молодежи есть слова-паразиты. «Государство»; «хороший»; «красноречие»; «чувственный»; «очень приятный»; «интересный»; «повседневный язык»; «жив»; «не в умах молодежи»; «объединяет»; «разбавлен сленгом»; «забывается где-то в СНГ»; «понятный»; «свободный»; «испытывает сложности в мире»; «душа»; «россиянин»; «странный»; «лаконичный»; «лес»; «затишье»; «страдание и любовь»; «честность»; «язык души»; «недооценен»; «страшный учитель»; «медведь»; «мне легче выражать свои чувства и эмоции на русском языке, чем

[13] Орфография респондентов сохранена.

Элемент содержания концепта	Когнитивные признаки
	на своем родном»; «пригодился»; «друзья»; «в приоритете»; «изменяется»; «золотой язык»; «жаргон»; «история»; «двойной смысл»; «ложь»; «сильно отличается от того что было в прошлых веках»; «отражает культуру народа»; «прямолинейность».

Наиболее яркий признак, вошедший в ядро – «предмет изучения в школе». Частую объективацию этого признака можно назвать очевидной. Можно лишь добавить, что частая вербализация этого признака может говорить о том, что респонденты достаточно хорошо знакомы с русским языком.

В ядро вошел когнитивный признак «имеет много возможностей для выражения», что, как уже было сказано, является популярным стереотипом о русском языке. В ядре также содержится признак «популярный», что может свидетельствовать о том, что инофонам свойственно сравнивать положение русского языка с другими. Можно предположить, что мысль о популярности приходит в голову на фоне сравнения русского языка с родным, который представлен в языковой среде слабее.

В ближней периферии содержится признак «относящийся к России», который объективируется определением статуса русского языка как государственного, что может указывать на то, что инофоны отталкиваются от статуса своего родного языка. Кроме этого, в ближнюю периферию вошел признак «родной», что может выглядеть странным в связи с тем, что в начале анкеты респонденты указали в качестве родного другой язык. Некоторыми респондентами этот признак был вербализован реакциями *второй родной, для меня как родной*, что говорит о положительном восприятии русского языка инофонами несмотря на то, что они считают родным другой язык.

На стимул «русский язык в будущем» от инофонов было получено 55 реакций. Чаще всего респонденты говорят об укреплении позиции языка в мире и увеличении его востребованности и распространенности (24%). Эти реакции демонстрируют положительное отношение к русскому языку и желание его процветания. Менее частотные реакции (14,5%) содержат более скромные, но также положительные прогнозы: *сохранится, останется таким же актуальным, останется великим и могучим*. 13% реакций посвящены тому, что в будущем язык претерпит изменения, наиболее частотная вербализация – *изменится*. Положительной или отрицательной оценки в этой группе реакций не содержится.

Реакции на стимул «английский язык» чаще всего представляли собой характеристику английского языка как зарубежного, иностранного, а также упоминания стран и регионов, где говорят на этом языке. Частотны реакции, связанные с изучением языка (*времена, акцент, London is the capital of Great Britain, словари, транскрипция* и т.д.). В отличие от

русского, английский язык воспринимается инофонами как более популярный и распространенный.

Структура концепта выглядит таким образом:

Таблица 4

Элемент структуры концепта		Когнитивные признаки
Образ	Перцептивный	«Лес»; «страшный учитель»; «медведь»; «друзья».
	Когнитивный	«Необъятный» (2): «необъятный» (2). «Глубокий» (2): глубок; глубокий. «Свободный»; «государство»; «душа»; «странный»; «лаконичный»; «затишье»; «страдание и любовь»; «честность»; «язык души»; «золотой язык»; «прямолинейность».
Информационное содержание		«Предмет изучения в школе» (15): школьный предмет; школьный урок; алфавит; кириллица; азбука (2); грамматика; падежи; предмет; кабинет русского языка; грамматика; урок; орфография; учебник, правила. «Относящийся к России» (10): Россия (2); государственный; государственный язык России и ряда стран; язык Российской Федерации; наиболее активно пользуется спросом в России и в ряде стран СНГ; актуален в России; национальный язык Российской Федерации; государственный язык; используется в России и некоторых странах СНГ; язык, на котором говорит почти весь СНГ. «Средство общения» (2): средство общения; способ общения с русскими. «Родной» (9): родной язык; родной (3); второй родной язык; для меня как родной; для меня родной язык; почти стал родным; мой второй родной язык. «Второй язык» (3): второй язык (2); второй. «Язык, на котором думаю» (2): язык, которым я думаю; думаю им. «Повседневный язык»; «россиянин»; «жаргон».
Интерпретационное поле	Оценочная зона	«Красивый» (5): прекрасный; очень красивый; один из самых красивых языков в мире; изящность; самый красивый язык. «Красноречие»; «хороший»; «чувственный»; «очень приятный»; «интересный»; «недооценен»; «ложь».
	Энциклопедическая зона	«Популярный» (11): распространенный; очень популярен; международный; набирает популярность за границей; один из самых популярных в мире; входит в топ 10 языков по количеству носителей; международный язык; распространяется по всему миру; очень популярен за пределами СНГ; является одним из наиболее распространенных языков мира; русский язык в настоящее время является самым распространенным языком. «Развивается» (5): развивается (4); продолжает расти. «Изменяется вследствие заимствований» (3): расширяется за счет заимствований; дополняется новым иноязычным сленгом, изменяется; появляется много заимствованных слов из других языков. «Непопулярный» (4): не так популярен; не актуален; не особо нужен; второстепенный язык в мире. «Деградация языка» (2): деградирует, русский язык начал клоняться с английским языком, особенно среди молодёжи; среди молодежи есть слова-паразиты. «Не в умах молодежи»; «объединяет»; «разбавлен сленгом»; «забывается где-то в СНГ»; «испытывает

Элемент структуры концепта		Когнитивные признаки
		сложности в мире»; «жив»; «изменяется»; «двойной смысл»; «сильно отличается от того, что было в прошлых веках»; «отражает культуру народа».
	Утилитарная зона	«Имеет много возможностей для выражения» (12): богатый; богатство (2); очень богатый фразеологизмами и т. д. язык; один из самых богатых языков мира; богат; один из богатых языков в мире; многогранный; считается одним из богатейших языков мира; очень богатый; самый богатый язык; один из богатейших языков в мире. «Сложный» (6): очень сложный для иностранцев; является одним из самых сложных языков мира; очень трудно изучать; трудный; один из самых сложных языков в мире; простой, но сложный, как человек. «Важный» (3):важный; нужен; необходимый. «Понятный»; «Мне легче выражать свои чувства и эмоции на русском языке, чем на своем родном»; «Пригодился»; «В приоритете».
	Социально-культурная зона	«Язык, на котором пишется литература» (6): Толстой; литература (4); Пушкин. «История».
	Паремиологическая зона	«Величие языка» (6): велик и могуч; великий и могучий (3); могучий; великий.

В образной составляющей когнитивных образов значительно больше, чем перцептивных. Интерпретационное поле является наиболее ярким, оно составляет 57,4% от всего содержания концепта. Второе место занимает информационное содержание, однако оно почти в два раза слабее (29,7%).

В интерпретационном поле доминируют энциклопедическая и утилитарная зоны. Здесь также наличествуют противоречивые признаки, было обнаружено две пары: *популярный* (11 реакций) – *непопулярный* (4); *развивается* (5) – *деградирует* (2). По количеству преобладают реакции, содержащие положительную оценку.

Ядро концепта составляет 25,7% от всего содержания и состоит из трех признаков, два из которых относятся к интерпретационному полю, а одно – к информационному содержанию. В ближнюю периферию вошли два признака, относящиеся к информационному содержанию. В дальней периферии все признаки относятся к разным зонам интерпретационного поля. Наибольшую яркость имеет крайняя периферия (42,6%), доминирующим здесь также является интерпретационное поле.

На основе полученного материала и выводов можно провести сопоставление, выявить общее и различное в бытовании концепта среди носителей и инофонов. Сопоставление содержания позволяет сказать, что восприятие русского языка в качестве школьного предмета характерно для обеих исследуемых групп, признак «предмет изучения в школе» входит в ядро как у носителей, так и инофонов. В ядре концепта у обеих групп также содержится признак «имеет много возможностей для выражения», который обеими группами часто вербализуется словом «богатый». Уже было отмечено, что этот признак транслирует

известный стереотип, а также говорит о положительном еотношении к языку в целом. Обе группы объективируют другой стереотип, отраженный в признаке «величие языка» однако, носители делают это чаще – у них этот признак входит в ближнюю периферию, а у инофонов – в дальнюю. Такой результат может свидетельствовать о том, что носителям в большей степени свойственно испытывать гордость за русский язык, чем инофонам.

Кроме этого, у обеих групп в ближнюю периферию вошел когнитивный признак «относящийся к России». Из полученных реакций можно увидеть, что, в отличие от носителей, инофоны упоминают страны СНГ наряду с Россией. Это может говорить о том, что принадлежность русского языка именно к России носителям важна в большей степени. В то же время для инофонов русский язык представляется как язык межнационального общения.

Обе группы респондентов вербализуют признак «сложный». У носителей языка он входит в ядро, у инофонов – в дальнюю периферию. Такая разница может быть объяснена тем, что носителям может быть известно большее количество аспектов, которые позволяют оценить русский язык как сложный. Кроме этого, уже было сказано, что русский язык для носителей является предметом гордости, в связи с этим транслирование этого стереотипа также направлено на выражение восприятия языка в таком ключе.

Повторимся, что в ближней периферии концепта у инофонов содержится признак родной, что связано с тем, что участники эксперимента – граждане России или стран СНГ. У носителей этот признак входит в ядро, более частая вербализация этого признака у носителей является очевидной.

При рассмотрении структуры концепта было обнаружено, что соотношение признаков интерпретационного поля и информационного содержания сохраняется у обеих групп: интерпретационное поле ярче, чем информационное содержание примерно в два раза. Кроме этого, следует сказать, что в интерперетационном поле у обеих групп доминируют признаки энциклопедической и утилитарной зоны, а признаки оценочной зоны преимущественно содержат положительную оценку.

В интерпретационном поле у обеих групп была обнаружена пара противоречивых признаков *деградирует – развивается*. Инофоны чаще объективируют признак *развивается*, в то время как носители – *деградирует*. Это может быть объяснено тем, что инфонам более свойственно положительно относиться к взаимодействию культур (вследствие которого язык изменяется) по той причине, что они сами находятся в этом взаимодействии.

Ядро концепта у носителей (35,5%) ярче, чем у инофонов (25,7%). Это говорит о том, что носители более солидарны в оценках русского языка. Ответы инофонов содержат

большое количество одиночных реакций, поэтому самой яркой в этой группе оказалась крайняя периферия.

Давая реакции на стимул «русский язык в будущем», обе группы прогнозируют улучшение положения русского языка. Кроме этого, группы сходятся в том, что русский язык в будущем изменится.

Ответы носителей об английском языке говорят о том, что английский язык, в отличие от русского, рассматривается ими как предоставляющий возможности. Для инофонов английский язык на фоне русского воспринимается как более популярный и распространенный.

Выводы

Суммируя вышесказанное, проведенное исследование концепта «русский язык» в языковом сознании сибирских студентов позволило сделать следующие выводы:

1. В структуре концепта «русский язык» наиболее ярким является интерпретационное поле, в котором, в свою очередь, доминируют энциклопедическая и утилитарная зоны.

2. Оценочная зона представлена преимущественно положительными оценками, что говорит о положительном восприятии русского языка в целом как носителями, так и инофонами.

3. Носители в большей степени склонны соотносить русский язык с Россией, а инофоны – с СНГ. В сознании инофонов русский язык воспринимается как язык межнационального общения.

4. Носители и инофоны в своих реакциях отмечают изменения русского языка. В содержании концепта у носителей преобладает когнитивный признак «деградирует», в то время как у инофонов доминирует признак «развивается».

5. В содержании концепта, смоделированном на основе реакций инофонов, в ближней периферии наличествует когнитивный признак «родной». Это свидетельствует о достаточно сильной позиции русского языка среди инофонов, а также его положительной оценке.

6. Как для носителей русского языка, так и для инофонов характерно вербализовывать устоявшиеся стереотипы о языке.

7. Давая реакции, касающиеся будущего русского языка, носители и инофоны чаще всего склонны оценивать его положительно, в частности, респонденты говорят об улучшении в будущем его положения в мире.

8. Английский язык для русскоязычных респондентов представляется языком карьеры и возможностей. Для инофонов такая оценка не характерна.

Литература

Болдырев Н.Н. (2001) Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та. 123 с.

Залевская А.А. (2005) Психолингвистические исследования: Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис. 411 с.

Карасик В.И. (2002) Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена. 477 с.

Кубрякова Е.С. (1996) Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ин-т МГУ им. М.В. Ломоносова. С. 91–92.

Попова З.Д., Стернин И.А. (1999) Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж. 30 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. (2001) Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж. 191 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. (2007) Когнитивная лингвистика. М: АСТ; Восток – Запад. 314 с.

Стернин И.А. (2002) Коммуникативное и когнитивное сознание. Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics1/sternin-02a.htm. Дата обращения: 27.03.2022.

Тавдгиридзе Л.А. (2005) Концепт «русский язык» в русском языковом сознании. Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж. 24 с.

References

Boldyrev, N.N. (2001) Kognitivnaya semantika: Kurs lektsii po angliiskoi filologii [Cognitive Semantics: Lecture Course in English Philology]. Tambov: Tambov State University Press. 123 p. (In Russ.)

Zalevskaya, A.A. (2005) Psiholingvisticheskie issledovanija: Slovo. Tekst: Izbrannye Trudy [Psycholinguistic research. Word. Text: Selected Works]. M.: Gnozys. 411 p. (In Russ.)

Karasik, V.I. (2002) Jazykovoj krug: Lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena. 477 p. (In Russ.)

Kubryakova, E.S. (1996) Concept [Concept] // Kratkij slovar' kognitivnyh terminov [Concise Dictionary of Cognitive Terms] / Ed. by E.S. Kubryakova. M.: Philology school of Moscow State University. P. 91–92. (In Russ.)

Popova, Z.D., Sternin, I.A. (1999) Ponjatie «koncept» v lingvisticheskih issledovanijah [The term of "concept" in linguistic research]. Voronezh. 30 p. (In Russ.)

Popova, Z.D., Sternin, I.A. (2001) Ocherki po kognitivnoj lingvistike [Essays in cognitive linguistics]. Voronezh. 191 p. (In Russ.)

Popova, Z.D., Sternin, I.A. (2007) Kognitivnaja lingvistika [Cognitive linguistics]. Moscow: AST; Vostok – Zapad. 314 p. (In Russ.)

Sternin, I.A. (2002) Kommunikativnoe i kognitivnoe soznanie [Communicative and cognitive consciousness]. Available at: http://www.philology.ru/linguistics1/sternin-02a.htm. Access date: 27.03.2022. (In Russ.)

Tavdgiridze, L.A. (2005) Koncept «russkij jazyk» v russkom jazykovom soznanii [The concept of "Russian language" in the Russian language consciousness]. Avtoref. dis. … kand. filol. nauk: 10.02.01. Voronezh. 24 p. (In Russ.)

Журавель Тамара Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета.
Адрес: 660041, Красноярский край, г. Красноярск, пр. Свободный, 79.

Эл. адрес: zhuravel_petamal@mail.ru

Безбатченко Владимир Владимирович – бакалавр по направлению 45.03.01 Филология, Сибирский федеральный университет, Институт филологии и языковой коммуникации.
Адрес: 660041, Красноярский край, г. Красноярск, пр. Свободный, 79.
Эл. адрес: bezbatchenko344@yandex.ru

Для цитирования: *Журавель Т.Н., Безбатченко В.В.* Концепты «русский язык» и «английский язык» в языковом сознании сибирских студентов [Электронный ресурс]. Социолингвистика. 2022. № 4 (12). С. 122–139. DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-122-139

For citation: *Zhuravel, T.N., Bezbatchenko, V.V.* The concepts “Russian language” and “English language” in the language consciousness of Siberian students [online] // Sociolinguistics. 2022. No. 4 (12). Pp. 122–139. DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-122-139

УДК 81 272 DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-140-153

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ВЛАСТИ И СОЛИДАРНОСТИ В КОММУНИКАЦИИ ГОВОРЯЩИХ

Светлана В. Кириленко
Институт языкознания Российской академии наук,
Российская Федерация

Понятия власти (англ. 'power') и солидарности (англ. 'solidarity') в социальном взаимодействии являются поливалентными терминологическими маркерами в социолингвистике. Они используются во многих направлениях исследований в социолингвистике, что обусловлено важностью изучения способов формирования взаимоотношений внутри языковых сообществ, а также и в межъязыковой коммуникации. В работе рассматривается ряд моновалентных терминов как часть социолингвистических маркеров тематической терминологической группы «язык и социальное взаимодействие». Целью данной работы, которая носит обзорный характер, является представить описание социолингвистических маркеров, демонстрирующих власть над собеседником или солидарность с ним. Концепция власти в коммуникации рассматривается на микроуровне: анализируются способы выражения доминирования в коммуникации. Концепция солидарности изучается с точки зрения используемых средств выражения принадлежности говорящих к единой социальной или языковой группе. В статье рассматриваются такие социолингвистические переменные, как молчание и прерывание, позитивная и негативная вежливость, смешение и переключение кодов, открытый и скрытый престиж, корректность высказывания и адекватность высказывания как способы демонстрации доминирования в коммуникации или способы выказывания солидарности с собеседником. Анализируются функциональные особенности этих социолингвистических переменных в коммуникации.

Ключевые слова: *социолингвистические маркеры, власть, солидарность, вежливость, престиж, корректность высказывания, переключение кодов.*

SOCIOLINGUISTIC MARKERS OF POWER AND SOLIDARITY IN SPEAKERS' INTERACTION

Svetlana V. Kirilenko
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

The concepts of power and solidarity in social interaction are polyvalent terminological markers in sociolinguistics. They are used in many areas of research in sociolinguistics, which is due to the importance of studying the ways of forming relationships within language communities, as well as in interlingual communication. The paper considers a number of monovalent terms as part of the sociolinguistic markers of the thematic terminological group "language and social interaction". The purpose of this work, which is of an overview nature, is to present a description of sociolinguistic markers that demonstrate power over the interlocutor or solidarity with him. The concept of power in communication is considered at the micro level: the ways of expressing dominance in communication are analyzed. The concept of solidarity is studied from the point of view of the means that are used to express the belonging of speakers to a single social or language group. The article deals with such sociolinguistic variables as silence and interruption, positive and

negative politeness, mixing and switching codes, overt and covert prestige, correctness of the statement and the appropriateness of the statement as ways of demonstrating dominance in communication or ways of showing solidarity with the interlocutor. The author analyzes the functional features of these sociolinguistic variables in communication. The illustrative material is presented by examples from the statements of the speakers (greeting, farewell, address, etc.) or from mini-dialogues.

***Keywords**: sociolinguistic markers, power, solidarity, politeness, prestige, correctness of statement, code switching*

Введение

В статье рассматривается группа терминов, используемая в контексте «власть и солидарность» как часть тематической терминологической группы «язык и социальное взаимодействие» понятийного аппарата социолингвистики. Работа носит обзорный характер.

Терминосистема социальной лингвистики является сложной структурой, большая часть понятий носит поливалентный характер. Предметные связи терминов в первую очередь определяются тематической областью исследований. На основе определенного материала ранее были проанализированы связи терминов внутри нескольких социально актуализированных сфер общения [Кириленко, 2016]. Описание сфер общения основывалось на применении ряда социально актуальных для данной сферы терминов. Основываясь на принципе социального взаимодействия и формах существования языка, было выделено несколько тематических терминологических сфер: «язык и политика», «язык и нация» и «язык и контакты», «язык и конфликты», «язык и методы социолингвистического исследования», «язык и социальная дифференциация» и «язык и культура» [Там же]. Само описание представляет собой терминологическое поле для применения этих терминов. Выделяя понятия в терминологических полях в пределах сфер общения, можно проследить их связи по характеристикам, выраженным в приводимых определениях. В пределах терминологического поля каждой группы выделяются моновалентные, бивалентные и поливалентные термины, основываясь на понятии социолингвистическая валентность термина – «это его способность применяться в разных тематических терминологических полях» [Там же: 63]. Термины с высокой валентностью определяются как поливалентные. Они объединяют социолингвистику в единое целое и образуют единый метаязык социальной лингвистики.

Термины, которые характеризуют специфику конкретной группы, являются социально актуализированными. Данные термины обозначаются как маркеры или моновалентные термины. В настоящей работе рассматривается ряд моновалентных терминов как часть социолингвистических маркеров тематической терминологической группы «язык и социальное взаимодействие», с целью представить описание их применения и их

функционирование в пределах изучаемого терминологического поля «власть и солидарность».

В социолингвистике активно изучаются высказывания говорящих в их повседневной коммуникации и выбираемые ими средства общения для достижения коммуникативной цели. Социальные взаимоотношения между коммуникантами находят свое отражение не только в выбранных речевых средствах, но и в способах их применения. Равно важными для изучения с социолингвистической точки зрения являются не только способы выражения идентичности говорящих, но и их желание сблизиться или отдалиться от собеседника. Иными словами, речь идет о способах демонстрации доминирования в коммуникации и о способах выказывания солидарности с другим говорящим. В данной работе предложена новая система категоризации терминов терминологического поля «власть и солидарность», дан обзор функционированию наиболее актуальных социолингвистических маркеров этой тематической терминологической группы.

История и методология исследования

Исследования средств выражения власти и солидарности в межличностной коммуникации берут свое начало в 1960-х гг., когда Р. Браун и А. Джилман разработали концепцию солидарности на основе анализа использования местоимений «ты» – «Вы» в речи говорящих. Основным выводом в их исследовании стало то, что в европейских языках говорящие, при выборе в речи местоимения из пары «ты» – «Вы» руководствуются принципом солидарности. Р. Браун и А. Джилман также аргументировали, что произошел сдвиг в использовании этих местоимений, ранее они использовались как маркеры власти [Brown et al., 1960: 253-276]. Позднее, в 1993 г., у Д. Таннен эта концепция получила развитие, где Д. Таннен оспорила утверждение Р. Брауна и А. Джилмана [Tannen, 1993]. Она придерживалась мнения о том, что взаимосвязь между маркерами власти и солидарности более комплексная. По мнению Д. Таннен, в высказываниях может содержаться двойственность, поэтому элементы власти и солидарности могут присутствовать в одном и том же высказывании. С тех пор проводилось множество лингвистических и социолингвистических исследований, посвященных как проблеме власти, так и солидарности в высказываниях говорящих. П. Фридрих в работе «Социальные контекст и семантическая характеристика» [Friedrich, 1972] изучал использование местоимений в русском языке, где, среди прочих социолингвистических характеристик, подробно анализировалась эмоциональная солидарность собеседников. В работе П. Браун и С. Левинсона «Вежливость. Некоторые универсалии использования языка» ставится знак

равенства между позитивной вежливостью и солидарностью с собеседником, анализируются функции внутригрупповой солидарности; изучается проблема власти в контексте социальной дистанции [Brown et al., 1987]. Р. Браун и М. Форд (1961) исследовали проблему власти и солидарности на материале исследования форм обращения, принятых в кругу американского среднего класса [Brown et al., 1961]. Р. Хадсон (1996) изучал различия в типах солидарности: исследовались близкие отношения между людьми в сопоставлении с теми коммуникантами, между которыми сохраняется значительная дистанция [Hudson, 1996].

Целью данного исследования является дать обзор социолингвистическим терминам, используемым в контексте власти и солидарности в коммуникации говорящих. Для отечественного социолингвистического дискурса эта тема достаточно новая, поэтому материалом исследования стали в основном работы зарубежных социолингвистов, посвященные исследованию средств выражения власти или солидарности в интеракции. На их основе были выделены социолингвистические маркеры, с точки зрения их принадлежности к той или иной категории. Основным фокусом исследования является проблема симметрии и асимметрии в коммуникации. Общеизвестно, что взаимодействие с позиции власти предполагает асимметричные взаимоотношения, а с позиции солидарности – симметричные. Однако анализ социолингвистических маркеров показывает, что их применение в коммуникации может быть как однозначным, так и амбивалентным.

Социолингвистические маркеры власти и солидарности: обсуждение

Прерывание и молчание.

В каждой культуре существуют определенные нормы, регулирующие то, каким образом говорящие поддерживают беседу и прерывают собеседника. В социолингвистике прерывание собеседника обычно трактуется с негативной точки зрения: «прерывание, как правило, используется в повседневном смысле как враждебное или, по крайней мере, нежелательное вторжение говорящего в реплику собеседника» (‘interruption tends to be used in its everyday sense of a hostile or at least unwelcome incursion by a speaker into another's speaking turn’) [A Dictionary…, 2012: 152–153]. Роль прерывания в коммуникации и его функции подробно рассматриваются у Д. Циммермана и К. Вест в контексте гендерного взаимодействия [West et al., 1983: 103–117]. В своей работе авторы обосновывают, каким образом реализуется доминирование над собеседником в коммуникации с помощью прерывания: «асимметрия в инициировании прерывания являет собой неравноправие позиций, легко обнаруживаемое как в повседневных, так и в необычных ситуациях, когда мужчины и женщины собираются вместе, чтобы поговорить» (‘the asymmetry in the initiation

of interruption constitutes a power differential readily found in both ordinary and extraordinary settings in which men and women come together to talk') [Ibid.: 111]. Соответственно, при возникновении асимметрии или дисбаланса в коммуникации путем прерывания, этот социолингвистический маркер превращается в средство выражения доминирования или власти. В некоторых случаях, напротив, прерывание собеседника несет в себе элементы выражения солидарности. При этом, это относится только лишь к определенной манере прерывания: «хотя прерывание часто считают нарушением права говорящего высказываться, "частые" прерывания могут иметь место в речи близких друзей как форма общей беседы» ('while they are often thought of as an infringement of the original speaker's right to speak, 'frequent' interruptions may occur in the speech of close friends as a form of collaborative talk') [Graddol, 1994: 172]. Таком образом, с социолингвистической точки зрения, прерывание в коммуникации является преимущественно средством выражения власти.

Молчание изучается в социолингвистике как значимое коммуникативное действие, рассматриваемое на разных уровнях взаимодействия коммуникантов: функция и длительность паузы, культурные нормы и значения молчания, молчание как стратегия говорящего. Молчание собеседника может быть вызвано многими причинами. Паузы в диалоге возникают для обдумывания ответной реплики, в случае обсуждения деликатных вопросов. Короткая пауза работает как точка перехода (англ. transition relevance place) в диалоге перед очередной репликой собеседника. Паузы могут выступать в функции поощрительного молчания с тем, чтобы собеседник продолжил свой рассказ, здесь молчание выступает в функции солидарности. Если же молчание сопровождается невербальными жестами или мимикой, оно может быть весьма красноречивым инструментом коммуникации, имеющим позитивный или негативный эффект. В определенных ситуациях общения молчание может быть средством выражения власти в коммуникации, как, например, молчаливое игнорирование другого говорящего или угрожающее молчание. В некоторых ситуациях значение молчания довольно трудно истолковать правильно, в особенности, если люди мало знакомы друг с другом. Отмечается, что при определённой степени близости отношений, молчание может занимать в коммуникации довольно долгое время: «чем прочнее взаимоотношения, тем длиннее периоды молчания» ('the stronger the relationship, the longer the period of silence') [Al-Harahsheh, 2014: 18]. Иногда молчание ожидаемо и приветствуется. К примеру, в восточных культурах при сватовстве предполагается, что невеста хранит молчание, а беседу ведет ее родственник-мужчина. При этом, молчание женщины не означает, что ее мнение не учитывается в таком важном вопросе, «не означает, что у женщины нет власти, так как именно женщины организуют все

это мероприятие» (‘the woman’s silence in this case does not mean lack of power, because the women organise everything before this event’) [Ibid.: 20]. Таким образом, можно утверждать, что функция молчания в коммуникации – амбивалентная. Молчание может быть средством выражения власти, но и также и солидарности, особенно если в коммуникации принимают участие трое и более собеседников.

Корректность высказывания и адекватность высказывания.

Корректность или правильность высказывания (англ. correctness) может выступать социолингвистическим маркером власти в коммуникации. «В речевых сообществах … говорящие на родном языке имеют представление о том, какие лингвистические формы являются правильными, и какие – нет» (‘in speech communities “…”, native speakers tend to have notions about which linguistic forms are correct and which are not’) [Trudgill, 2003: 29]. В социолингвистике подобные прескриптивистские воззрения обычно подвергаются критике, ведь язык – это живой, развивающийся организм и он принадлежит говорящим на нем людям. В стремлении «очистить» язык, пуристы, стараясь «исправить» его, сделать его «правильным» доходят до, так называемой, «вербальной гигиены». Сам термин и его дефиниция была предложена Д. Кемерон в 1995 г. Вербальная гигиена – это «стремление улучшить или “очистить” язык» (‘an urge to improve or ‘clean up’ language’) [Cameron, 1995: 1]. В русском языке сторонники прескриптивизма в языке получили название «граммар-наци» или «грамматические нацисты», для которых не только ошибки, но и опечатки служат поводом для критики.

Примером средств выражения власти с приемом корректности в речевом этикете мог бы стать следующий мини-диалог:

А: «*Драсть!*»

Б: «*Не ‘драсть’, а здравствуйте!*». «*Говори правильно!*».

Адекватность или уместность высказывания (англ. appropriateness) является отличным социолингвистическим понятием к термину правильность. Термину адекватность дается следующее определение: «степень, до которой использование языка соответствует лингвистическим и социолингвистическим ожиданиям и практикам носителей языка» (‘the extent to which a use of language matches the linguistic and sociolinguistic expectations and practices of native speakers of the language’) [Richards, Schmidt, 2010: 30]. Функциональное применение адекватности высказывания подробно изучалось у Н. Фейрклафа [Fairclough, 1992: 33-56], где обосновывалось, что детям, при изучении иностранного языка, нужно

позволять использовать в речи также и нестандартные языковые варианты, так как они могут быть уместными в дружеском общении, в играх, в спорте и т.д.

Речевые формы, являющиеся грамматически, лексически или фонетически нестандартными, тем не менее, могут быть адекватными речевыми формами в определённом контексте. Использование сленговой формы I ain't, как, например, в песне Н. Симоне ‘Ain’t Got No, I Got Life’ является уместным в этом специфическом контексте песни, где часто используются неформальные обороты речи: ‘I ain't got no home, ain't got no shoes, ain't got no money…’ (у меня нет дома, нет туфель, нет денег…). Или, допустим, высказывание «дай воды» может быть вполне уместным, если его произнес ребенок по отношению к родителю, но в формальной ситуации общения это высказывание будет сочтено грубостью. Примером использования адекватности как социолингвистического маркера солидарности может стать прощальная фраза девочки-подростка «пока, я пошел». Это грамматически неверное высказывание. Тем не менее использование глаголов мужского рода является достаточно распространенным по отношению к собственным действиям или действиям подруг в речи современных русскоязычных девочек подросткового возраста. Использование подобных речевых форм является своего рода групповым жаргоном, подчеркивающим принадлежность к одной социальной мини-группе.

Открытый и скрытый престиж.

Разграничение между открытым и скрытым престижем в речевых формах было впервые введено У. Лабовым в 1966 г.: «концепция скрытого престижа, относится к нестандартным (языковым) формам, точно так же как открытый престиж относится к стандартным формам» (‘the construct of covert prestige, associated with nonstandard forms just as overt prestige is attributed to standard forms’) [Labov, 2006: 402]. В этом разграничении новшеством было не само появление разграничения, а в выводе У. Лабова о том, что нестандартные речевые формы, к тому же считающиеся присущими людям с низким социальным статусом, обладают определенным скрытым престижем. И именно это и способствует стойкому сохранению у говорящих этих речевых форм в их языковом репертуаре.

Скрытый престиж речевых форм является активно изучаемым сегментом социальной лингвистики. Одним из самых известных исследований на эту тему является работа П. Традгилла «Социальная дифференциация английского языка в городе Норидж» [Trudgill, 1979]. П. Традгилл, анализируя интервью говорящих, обнаружил, что мужчины стараются чаще использовать нестандартные формы в речи, чем это делают женщины. Исследовав причины этого социолингвистического явления, он пришёл к выводу о том, что эти речевые

формы скрытого престижа связаны с представлением мужчин о мужественности. Нестандартные формы, по мнению П. Традгилла, распространенные среди мужчин-говорящих рабочего класса, содержат «коннотации мужественности, ассоциируемые с жесткостью и суровостью и считаются желанными мужскими атрибутами» (‘connotations of masculinity associated with roughness and toughness are considered to be desirable masculine attributes’) [Ibid.: 94]. П. Традгилл также отмечает, что «использование речевых форм скрытого престижа не только подчеркивает принадлежность к единой социальной группе, но и помогает демонстрировать дружественное отношение и лояльность» (‘the covert prestige associated with such linguistic forms bestows status on their users as being members of their local community and as having desirable qualities such as friendliness and loyalty’) [Ibid.: 30]. Таким образом, так как «варианты скрытого престижа являются маркерами внутригрупповой солидарности» (‘covert-prestige variants are markers of within-group solidarity’) [A Dictionary…, 2012: 249], соответственно, их можно причислить к средствам выражения солидарности в коммуникации говорящих.

Речевые формы открытого престижа обычно более распространены в кругу образованных людей: «открытый престиж обычно присущ речевым формам социально-экономически господствующих классов» (‘overt prestige is typically attached to the speech forms of the socio-economically dominant classes’) [Ibid.: 249]. Средства выражения открытого престижа распространены в образовательных сферах общения (школы, университеты), а также в средствах массовой информации (газеты, радиовещание). П. Традгилл отмечал, что «женщины стараются чаще придерживаться речевых форм, обладающих открытым престижем, так как женщинам важно укреплять и обозначать свой социальный статус лингвистически» (‘it is therefore more necessary for women to secure and signal their social status linguistically’) [Trudgill, 2003: 30].

Хорошим примером использования в коммуникации средств выражения открытого престижа является акцент RP (‘Received Pronunciation’) в речи англоговорящих людей. Это английский акцент, который еще называют «королевский английский» (‘Queen’s English’). Речь с использованием этого акцента считается речью высокообразованного человека, обладающего высоким социальным статусом. При этом не более 3% англичан используют этот акцент в речи. Одной из причин тому является негативное отношение со стороны других говорящих по отношению к говорящим на RP. Считается, что они звучат слишком высокомерно (‘posh’) или «как снобы» (‘like a snob’). Интересно, что Маргарет Тэтчер специально училась говорить с акцентом RP, чтобы звучать более убедительно и более значимо. Точно так же поступил позднее и известный футболист и медийная персона

Дэвид Бекхэм [BBC, 2017]. Речевые формы открытого престижа используются, таким образом, как маркеры более высокого статуса. Следовательно, при коммуникации, такие формы используются говорящими с целью показать свою принадлежность к социальному классу более высокого уровня, и если это делается с целью доминирования, то такие речевые формы становятся социолингвистическим маркером выражения власти.

Позитивная и негативная вежливость.

Категория вежливости исследуется в отечественной социолингвистике достаточно широко [Социолингвистика и социология языка, 2015]. Вежливость в социолингвистическом контексте рассматривается как лингвистические средства выражения интереса, уважения, любезности к собеседнику [A Dictionary…, 2012: 242]. Теория вежливости изначально разрабатывалась П. Браун и С. Левинсоном (1987), в дальнейшем она получила широкое распространение в различных областях социолингвистики. Теория вежливости базируется на концепции, основой которой является понятие «лицо» (‘face’). Э. Гофман дал следующее определение термину «лицо» – «позитивная социальная значимость, которую индивид демонстрирует в процессе коммуникации» (‘the positive social value a person effectively claims for himself by the line others assume he has taken during a particular contact’) [Gofman, 1972: 319]. Понятие «лица» связано с общественным восприятием публичного имиджа индивида, этот имидж нужно изменять в процессе коммуникации. Соответственно, в теории вежливости существует подразделение: на «позитивное лицо» и «негативное лицо», т.е. стремление заслужить одобрение со стороны окружающих и желание проявить свою власть над окружающими. В теории вежливости П. Браун и С. Левинсоном выделяется три стратегии: позитивная вежливость (выражение солидарности), негативная вежливость (выражение принуждения) и неофициальная вежливость (отказ от выражения каких-либо устремлений); они утверждали, что все эти стратегии коммуникации тесно связаны с социальными детерминантами между говорящим и его собеседником [Brown et al., 1987: 2]. С точки зрения увеличения или уменьшения дистанции между собеседниками актуальны для рассмотрения первые два типа: позитивная и негативная вежливость. Первая форма предполагает сближение, вторая – дистанцирование. Важно отметить, что к «негативной вежливости близки так называемые стратегии вуалирования – избегание навязывания собеседнику своей позиции» [Словарь…, 2006: 86].

Таким образом, речевые формы выражения позитивной вежливости выражают солидарность с собеседником: внимание к его высказываниям, поддержка собеседника, избегание выражения несогласия, избегание навязывания своего мнения, использование выражений из общего внутригруппового жаргона, комплименты собеседнику и т.д. Средства

выражения негативной вежливости, напротив, используются либо с целью сохранения социальной дистанции, либо для выражения доминирования: иносказание (высказывания в косвенной речи), категоричное высказывания несогласия, подвергание сомнению утверждений собеседника.

Переключение кодов и смешение кодов.

В отечественной социолингвистике переключение и смешение кодов исследовалось у многих авторов: Е.В. Головко (2001), Н.Б. Вахтин, Е.В. Головко (2004), Т.С. Остапенко (2014), Н.Б. Вахтин, Е.В. Головко (2015), Л.Р. Зурабова (2019). Однако с точки зрения использования переключения или смешения кодов как средств выражения власти или солидарности данная проблематика была относительно мало изучена.

Переключение кодов обычно рассматривается в социолингвистике как переключение с одного языка на другой язык, однако переключение может иметь место между диалектами или стилями языка. Под смешением кодов понимается частный случай переключения кодов, при котором переход с языка на язык (или с одного языкового варианта на другой) происходит в пределах одного предложения. В отдельных случаях, если смешение кодов происходит чрезвычайно интенсивно, бывает трудно определить, на каком именно из языков идет общение, как в следующем примере, где одно предложение на английском языке, а следующее за ним на индонезийском: *‘That is the book’. ‘Aku mau membaca buku itu besok’.* [Fanani, 2018, 69].

Переключение кодов в речи может быть маркером как власти, так и солидарности. В работе, посвященной переключению кодов в речи говорящих, авторства С. Майерс-Скоттон, анализируется проблема переключения кода в речи как изменение в коммуникации по трем социальным сферам интересов говорящих или «аренам» (social arenas) – сфера выражения идентичности, сфера выражения власти и промежуточная (нейтральная) сфера [Myers-Scotton, 1993: 67-70]. Переключение кодов рассматривается как маркер власти в том случае, если переключение происходит на язык, доминирующий в речевой общности. Во всех остальных случаях, переключение или смешение кодов выступает в роли маркера солидарности, с помощью которого говорящие подчеркивают общую идентичность. Дж. Холмс подчеркивает, что «говорящий может переключаться на другой язык с целью демонстрации принадлежности к группе людей и общей идентичности с собеседником» (‘a speaker may. . . switch to another language as a signal of group membership and shared ethnicity within an addressee’) [Holmes, 2000: 26]. Важно отметить, что в билингвальных сообществах, языковым кодом «солидарности» служит язык, используемый в неформальном общении, а языковым кодом «доминирования» является язык, используемый в более

формальных ситуациях. Различные виды кодового переключения являются по сути социальными показателями статуса говорящего и его собеседника; под видами переключения кода в коммуникации имеется в виду частотность переключений, превалирование одного кода над другим в количественном выражении.

Заключение

Представленный обзор некоторых социолингвистических моновалентных терминов тематической терминологической группы «язык и социальное взаимодействие» показал основные области применения понятий, относящихся к теме «власть и солидарность». Удалось разработать классификацию применения этой группы терминологических единиц.

Исследование проблемы симметрии и асимметрии в коммуникации на материале социолингвистических маркеров, выражающих власть или солидарность, показало, что хотя коммуникация с позиции власти и предполагает, на первый взгляд, асимметричные отношения, а с позиции солидарности – симметричные, тем не менее, некоторые социолингвистические параметры имеют амбивалентный характер. К социолингвистическим маркерам власти относятся такие социолингвистические элементы коммуникации, как: открытый престиж, негативная вежливость, правильность (корректность) высказывания, прерывание собеседника. Социолингвистические маркеры солидарности – это скрытый престиж, позитивная вежливость, уместность высказывания, переключение и смешение кодов. Молчание в коммуникации, в отдельных случаях средства выражения открытого престижа и переключение языкового кода могут носить двойственный характер с точки зрения выражения власти или солидарности.

Литература

Зурабова Л.Р. (2019) Грамматический аспект изучения переключения языковых кодов: модели и подходы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 4. С. 24–34. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-24-34

Вахтин Н.Б., Головко Е.В. (2004) Социолингвистика и социология языка: Учебное пособие. СПб: Гуманитарная академия; Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. 336 с.

Головко Е.В. (2001) Переключение кодов или новый код? // Труды факультета этнологии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. С. 298–316.

Кириленко С.В. (2016) Процессы формирования понятийного аппарата социолингвистики. Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 [Место защиты: Институт языкознания РАН]. М. 276 с.

Социолингвистика и социология языка: хрестоматия: В 2 т. (2015) / Сост. Н.Б. Вахтин, Е.В. Головко; отв. ред. Н.Б. Вахтин. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. Т. 2. 726 с.

Словарь социолингвистических терминов (2006) / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Ин-т языкознания РАН. 312 с.

Остапенко Т.С. (2014) Становление понятия «переключение кодов»: Междисциплинарный подход // Социо- и психолингвистические исследования. № 2. С. 171–176.

A Dictionary of Sociolinguistics (2012). Ed. by J. Swann, etc. Edinburgh. 384 p.

Al-Harahsheh, Ah. (2014) The Sociolinguistic Roles of Silence in Jordanian Spoken Arabic // Journal of Advances in Linguistics. 1(1). Pp. 17–32

BBC news. 17 April 2013. Why people change the way they speak. [Электронный ресурс] https://www.bbc.com/news/av/uk-22183566, дата обращения 24.11.2022.

Brown, P., Levinson, S.C. (1987) Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge university press. Vol. 4. 345 p.

Brown, R., Ford, M. (1961) Address in American English // Journal of Abnormal and Social Psychology. № 62. Pp. 275–285

Brown,R., Gilman, A. (1960) The pronouns of power and solidarity // Style in language / T.A. Sebeok (ed.). MIT Press. 1960. Pp 253–276.

Cameron, D. (1995) Verbal Hygiene. L.: Routledge. 268 p.

Fanani, A., Ma'u, J. (2018). Code switching and code mixing in English learning process // LingTera. 5(1) Pp. 68–77. doi:http://dx.doi.org/10.21831/lt.v5i1.14438

Fairclough, N. (1992) The appropriacy of appropriateness / N. Fairclough (ed.) // Critical Language Awareness. L.: Longman. 356 p.

Friedrich, P. (1972). Social context and semantic feature: The Russian pronominal usage / J. Gumperz, D. Hymes (Eds.) // Directions in sociolinguistics. N. Y.: Holt, Rinehart, Winston. Pp.270–300.

Goffman, E.(1972)On Face-Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction // Communication in Face-to-Face Interaction. Harmondsworth: Penguin. Pp 319–346.

Graddol, D., Cheshire, J., Swann, J. (1994) Describing Language, 2nd ed. Buckingham: Open University Press. 250 p.

Holmes, J. (2000). An Introduction to Sociolinguistics. 2nd ed. Wellington: Longman.

Hudson R. (1996). Sociolinguistics. Cambridge: Cambridge University Press. 296 p.

Labov W. (2006). The Social Stratification of English in New York. Cambridge: University of Cambridge Press. (first published in 1966).

Myers-Scotton, C. Social motivations for codeswitching: Evidence from Africa (1993) // Oxford studies in language contact. Oxford: Clarendon. Pp. xii, 177.

Richards, J. C., Schmidt, R. (2010) Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics. Longman Pearson Education Limited. L.. 606 p.

Tannen, D. (1993) Gender and Conversational Interaction. Oxford: Oxford University Press. 327 p.

Trudgill, P. (1979) The Social Differentiation of English in Norwich. Cambridge: Cambridge University Press.. 222 p.

Trudgil,l P. (2003) A Glossary of Sociolinguistics. Oxford University Press. 145 p.

West, C., Zimmerman, D.H. (1983). Small insults: A study of interruptions in cross-sex conversations between unacquainted persons / B. Thorne, Ch. Kramarae, N. Henley (Eds.) // Language, gender and society. Rowley, MA: Newbury House. Pp. 103–117/

References

Zurabova, L.R. (2019) Grammaticheskiy aspekt izucheniya pereklyucheniya yazykovykh kodov: modeli i podkhody [Grammatical aspects of code-switching: models and approaches] // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics. No. 4. Pp. 24–34. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-4-24-34. (In Russ.)

Vakhtin, N.B., Golovko, Ye.V. (2004) Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka: Uchebnoye posobiye [Sociolinguistics and Sociology of Language: Textbook]. SPb: Gumanitarnaya akademiya ; Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge. 336 p. (In Russ.)

Golovko, E.V. (2001) [Switching codes or a new code?] // Trudy fakul'teta etnologii [Proceedings of the Department of Ethnology]. SPb.: European University at Saint-Petersburg Publ., 2001, Pp. 298–316. (In Russ.)

Kirilenko, S.V. (2016) Protsessy formirovaniya ponyatiynogo apparata sotsiolingvistiki. Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19 [The processes of formation of the conceptual apparatus of sociolinguistics. Dis. ... cand. of philol. sciences: 10.02.19]. [Mesto zashchity: Institut yazykoznaniya RAN]. M., 2016. 276 p. (In Russ.)

Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka: khrestomatiya: V 2 t. [Sociolinguistics and the sociology of language: a reader in 2 volumes]. (2015) Vol. 2 / Ed. N.B. Vakhtin, Ye.V. Golovko. SPb.: Izd-vo Yevropeyskogo un-ta v Sankt-Peterburge. 726 p. (In Russ.)

Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov (2006) [Dictionary of Sociolinguistic Terms] / Ed. by V.Yu. Mikhal'chenko. M.. 312 p. (In Russ.)

Ostapenko, T.S. (2014) Stanovleniye ponyatiya «pereklyucheniye kodov»: mezhdistsiplinarnyy podkhod [Formation of the notion "code-switching": a multidisciplinary approach] // Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya [Socio- and psycholinguistic research]. No. 2. Pp. 171–176. (In Russ.)

Al-Harahsheh, Ah. (2014) The Sociolinguistic Roles of Silence in Jordanian Spoken Arabic // Journal of Advances in Linguistics. No. 1(1). Pp. 17–32.

BBC news. 17 April 2013. Why people change the way they speak. [Электронный ресурс] https://www.bbc.com/news/av/uk-22183566, дата обращения 24.11.2022.

Brown, P., Levinson, S.C. (1987) Politeness: Some universals in language usage. Cambridge: Cambridge university press. Vol. 4. 345 p.

Brown, R. and Ford, M. (1961) Address in American English // Journal of Abnormal and Social Psychology. No. 62. Pp. 275–285

Brown, R., Gilman, A. (1960) The pronouns of power and solidarity // Style in language / T.A. Sebeok (ed.). MIT Press. 1960. Pp 253–276.

Cameron, D. (1995) Verbal Hygiene. L.: Routledge. 268 p.

Fanani, A., Ma'u, J. (2018). Code switching and code mixing in English learning process // LingTera No. 5(1). Pp. 68-77. doi:http://dx.doi.org/10.21831/lt.v5i1.14438

Fairclough, N. (1992) The appropriacy of appropriateness / N. Fairclough (ed.) // Critical Language *Awareness.* L.: Longman. 356 p.

Friedrich, P. (1972). Social context and semantic feature: The Russian pronominal usage / J. Gumperz, D. Hymes (Eds.) // Directions in sociolinguistics. Pp. 270–300. N. Y.: Holt, Rinehart, Winston.

Goffman, E. (1972) On Face-Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction / E. Goffman *Communication in Face-to-Face Interaction*. Harmondsworth: Penguin. Pp 319–346.

Graddol, D., Cheshire, J., Swann, J. (1994) Describing Language. 2nd ed. Buckingham: Open University Press. 250 p.

Holmes, J. (2000). An Introduction to Sociolinguistics. 2nd ed. Wellington: Longman.

Hudson, R. (1996). Sociolinguistics. Cambridge: Cambridge University Press. 296 p.

Labov, W. (2006). The Social Stratification of English in New York. Cambridge: University of Cambridge Press (first published in 1966).

Myers-Scotton, C. (1993) Social motivations for codeswitching. Evidence from Africa // Oxford studies in language contact. Oxford: Clarendon. Pp. xii, 177.

Richards, J. C., Schmidt, R. (2010) Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics. Longman Pearson Education Limited. L. 606 p.

Tannen, D. (1993) Gender and Conversational Interaction. Oxford: Oxford University Press. 327 p.

Trudgill, P. (1979) The Social Differentiation of English in Norwich. Cambridge: Cambridge University Press. 222 p.
Trudgill, P. (2003) A Glossary of Sociolinguistics. Oxford University Press. 145 p.
West, C., Zimmerman, D.H. (1983). Small insults: A study of interruptions in cross-sex conversations between unacquainted persons / B. Thorne, Ch. Kramarae, N. Henley (Eds.) // Language, gender and society. Rowley, MA: Newbury House. Pp. 103–117.

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

The reported study was funded by RFBR and DFG, project number № 21-512-12002 ННИО_a “Prognostic methods and future scenarios in language policy – multilingual Russia as an example”.

Кириленко Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.
Эл. адрес: svetlanavk@inbox.ru

Для цитирования: *Кириленко С.В.* Социолингвистические маркеры власти и солидарности в коммуникации говорящих [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2022. № 4 (12). С. 140–153. DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-140-153

For citation: *Kirilenko, S.V.* Sociolinguistic markers of power and solidarity in speakers‘ interaction [online] // Sociolinguistics. 2022. No. 4 (12). Pp. 140–153. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-140-153

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

LANGUAGE AND CULTURE

УДК 81'27 DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-154-169

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КИТАЙСКИХ ГАСТРОНИМОВ С КОМПОНЕНТОМ ТОПОНИМОМ

Галина С. Доржиева
Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,
Российская Федерация

Гао Цзяньго
Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,
Российская Федерация

В статье исследуется информационный потенциал гастрономической культуры Китая на основе различных экстралингвистических факторов с учетом их самобытности и своеобразия. Рассматриваются общечеловеческие и национально-специфические особенности китайских гастронимов с компонентом-топонимом. Термин «гастроним» предполагает не только изучение происхождения названий национальных блюд, но и их тесную связь с природно-географическими и климатическими особенностями среды обитания, а также историко-культурными и национальными традициями питания китайского общества в социолингвистическом и ономасиологическом аспектах. По мнению авторов, китайские гастронимы с компонентом-топонимом выполняют свои основные функции, а именно, номинативную и локативную или ориентирующую. В состав гастронимов входят хоронимы (Сычуаньские пикули (四川泡菜), гидронимы (карп Хуанхэ под кисло-сладким соусом (糖醋黄河鲤鱼), оронимы (тофу гор Багуншань (八公山豆腐), ойконимы (утка по-пекински (北京烤鸭), урбанонимы (жареный забродивший соевый творог Хуэйчжоу (徽州毛豆腐) и др. Включение данных категорий топонимов в состав гастронимов объясняется их дифференцирующей функцией, т.е. отличительными мотивирующими признаками, характерными для индивидуального названия. Российско-китайские экономические и культурные связи имеют продолжительную историю и отличаются заметным развитием в последние десятилетия. Китайские гастронимы содержат глубокий пласт фоновых знаний, связанных с национальной культурой, национальным менталитетом, они хорошо известны и понятны носителям языка и культуры. Владение фоновыми знаниями не менее важно, чем знание языка, т.к. они включают систему мировоззренческих взглядов, этические оценки, эстетические вкусы, нормы речевого и неречевого поведения, то есть большую часть знаний, которыми обладают все члены китайского социума. Важное место в парадигме общекультурной компетенции любого специалиста занимает знание обычаев и традиций страны, этикетных правил поведения, в том числе и гастрономической культуры.

***Ключевые слова**: социолингвистика, ономасиология, национальная пища, история и культура Китая, обычаи и традиции, фоновые знания, гастронимы, категории топонимов.*

INFORMATION POTENTIAL OF CHINESE GASTRONYMS WITH THE TOPONYM COMPONENT

Galina S. Dorzhieva
Banzarov Buryat State University
Russian Federation

Gao Juanguo
Banzarov Buryat State University
Russian Federation

The article deals the information potential of the gastronomic culture of China on the basis of various extralinguistic factors, taking into account their identity and originality. It considers the universal and national-specific features of Chinese gastronyms with a toponym component. The term "gastronym" implies not only the study of the origin of the names of national dishes, but also their close connection with the natural, geographical and climatic features of the habitat, as well as the historical, cultural and national traditions of Chinese society's nutrition in sociolinguistic and onomasiological aspects. According to the authors, Chinese gastronyms with a toponym component perform their main functions, namely, nominative and locative or orienting. The composition of gastronyms includes horonyms (Sichuan pickles (四川泡菜); hydronyms (yellow river carp in sweet and sour sauce (糖醋黄河鲤鱼); oronyms (tofu mountains Baguhan (八公山豆腐), placenames (Peking duck (北京烤鸭), urbanity (fried fermented bean curd Huizhou (徽州毛豆腐) etc. The inclusion of these categories of toponyms in the composition of gastronyms is explained by their differentiating function, that is, distinctive motivating features characteristic of an individual name.Russian-Chinese economic and cultural ties have a long history and are notable for their development in recent decades. Chinese gastronyms contain a deep layer of background knowledge related to national culture, national mentality, they are well known and understandable to native speakers of the language and culture. Possession of background knowledge is no less important than knowledge of the language, since they include a system of ideological views, ethical assessments, aesthetic tastes, norms of speech and non-speech behavior, that is, most of the knowledge possessed by all members of Chinese society. An important place in the paradigm of general cultural competence of any specialist is knowledge of the customs and traditions of the country, etiquette rules of behavior, including gastronomic culture.

***Keywords**: sociolinguistics, onomasiology, national food, history and culture of China, customs and traditions, background knowledge, gastronyms, categories of toponyms*

Конец XX и первые десятилетия XXI века характеризуются сменой соссюровской имманентной лингвистики на так называемую «человеческую» лингвистику, то есть лингвистика стала изучать не только структурно-семантический аспект языка, но и роль человеческого фактора в нем. На протяжении многих десятилетий лингвистика существовала в виде отдельных, сменяющихся парадигм: сравнительно-исторической, структурной, дескриптивной, на современном этапе – антропоцентрической. Антропоцентрическая лингвистика имеет глубокие исторические корни и восходит к идеям выдающегося ученого

В. фон Гумбольдта: «Изучение языка не исключает в себе конечной цели, а вместе со всеми прочими областями служит высшей и общей цели совместных устремлений человеческого духа, цели познания человеческим духом самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя » [Гумбольдт фон, 1985: 234]. Когда в объект лингвистики был включен и человек – создатель и пользователь языка и текстов, она стала кластироваться с другими науками.

По мнению В.И. Шаховского, с 80-х годов прошлого столетия лингвистика становится все более интегративной наукой. Рассуждения о том, что она растворяется в других науках, теряет свой собственный объект и предмет, утратили свою актуальность после того, как Е.С. Кубрякова убедительно доказала полипарадигмальность лингвистики. Такой подход к новой лингвистике конца XX в. объяснил возникновение многочисленных парадигм, вторым компонентом названия которых стало слово «лингвистика»: социо-, психо-, тексто-, прагма-, нейро-, этно-, интер-, а также когнитивная, эмотивная, терапевтическая, компьютерная, коммуникативная, кросскультурная, футуристическая и др. Объединение целого ряда наук вокруг лингвистики выявило ее центральное место в системе наук и стало свидетельством того, что она стремительно превращается в общенаучную дисциплину [Шаховский, 2016: 38].

Любое научное направление включает в себя объект, предметы изучения, методологию, методики, приемы и подходы. Для их описания необходим специфический понятийно-терминологический аппарат, который не может быть абсолютно новым для данной науки, так как любая новая наука опирается на достижения других наук и прежде всего смежных с ней. О ценности лингвистического анализа терминосистем писал выдающийся ученый П.А. Флоренский: «…каждое удачное название опирается на годы внимательнейшего вглядывания, на познание тесно сплоченных и устойчивых переплетений многих признаков и на понимание, как именно соотносятся эти комплексы к разным другим того же порядка. Такое название есть сжатая в одно слово, простое или сложное, формула изучаемой вещи и действительно служит остановкою мысли на некоторой вершине. Систематика… есть сгущенный опыт многолетней истории человеческой мысли, уплотненное созерцание природы и, конечно, есть главное достояние соответствующих областей знания, наиболее бесспорное, наиболее долговечное» [Флоренский, 1989: 128–129].

Научная картина мира, по мнению О.А. Корнилова, создается, формируется и используется узким кругом людей – учеными; в нее по крупицам вносятся новые и новые элементы знания, она постоянно расширяется, совершенствуется, видоизменяется вместе с постижением научным сознанием миропорядка [Корнилов, 2003: 19]. Новым для

терминологического аппарата гастрономической науки является интеграция данного научного направления с терминологиями смежных наук, что полностью соответствует общей тенденции развития лингвистической науки на стыке XX и XXI веков. В связи с этим многие гастрономические термины являются лексическими или семантическими дериватами терминов различных, давно существующих наук. Гастрономия (от греч. γαστήρ – желудок и νομός — закон, обычай) — наука, изучающая связь между культурой и пищей [БСИС, 2008: 118]. Термин «гастроним» предполагает не только изучение происхождения названий национальных блюд, но и их тесную связь с природно-географическими и климатическими особенностями среды обитания, а также историко-культурными и национальными традициями питания различных народов в социолингвистическом и ономасиологическом аспектах [Доржиеваи др., 2022].

Проблеме разработки своей собственной понятийно-терминологической системы, без которой не может произойти становление и признание гастрософии (термин А.В. Павловской) как самостоятельной научной дисциплины, уже посвящены многочисленные публикации (А.В. Павловская, Г.Г. Молчанова, В.О. Пигулевский, Т.Ю. Загрязкина, А.И. Драбязг, Е.Д. Мелешко, Л.Н. Набилкина, Ван Цзыхуэй, Лян Люсиль, Фан Нгок Шон, Сюй Идань и др.). Авторы публикаций широко используют не только общелингвистические термины и понятия смежных дисциплин (философии, социолингвистики, семиотики, этнолингвистики, культуры речи и др.), но и терминологический аппарат биологической экологии, валеологии в соответствующем гастрономическом переосмыслении, что подтверждает связь гастрономии с гуманитарными и естественнонаучными дисциплинами.

Любая национальная пища неразрывно связана с историей и культурой народа, ее потребляющего, отражая особенности национального характера, национальные вкусы и предпочтения. Национальная кухня является одним из наиболее определенных национальных признаков, дольше других бытовых явлений сохраняя традиционные особенности и являясь одним из самых устойчивых признаков национальной идентичности. Заимствуя и видоизменяясь, она имеет свойство «выбирать» новые продукты и блюда, отвергая одни и принимая другие, в соответствии со сложившимся национальным вкусом, под которым понимается система национальных пищевых предпочтений. Конкретный состав элементов питания, необходимых для жизнедеятельности организма, определяется культурной составляющей, которая, в свою очередь, определяется самим народом [Павловская, 2016 (а): 64–66; см. также Павловская, 2016(б)]. Так, например, для приготовления Жареной свинины с персиковым жиром Хуэйчжоу (徽州桃脂烧肉), согласно традиционным народным обычаям, используется камедь персиковых деревьев. Это

традиционное блюдо аньхойской кухни. Камедетечение или гомоз – неинфекционное заболевание косточковых культур, в том числе и персика. Это мягкое, полупрозрачное и питательное коллоидное вещество нашло применение в китайской кухне и является одним из деликатесов в повседневной жизни людей.

Цель статьи – изучение информационного потенциала гастрономической культуры Китая на основе различных экстралингвистических факторов с учетом их самобытности и своеобразия, выявление общечеловеческих и национально-специфических особенностей китайских гастронимов с компонентом топонимом.

Ономастический континуум или ономастическая непрерывность связана с культурным фактором и нагляднее всего проявляется в топонимии, поскольку для нее особенно типично пространственное распределение именуемых объектов. Ономастическая непрерывность охватывает не только собственные имена всех типов, существующих друг подле друга на определенной территории. Она распространяется и на значительный пласт нарицательных имен, сопутствующих именам собственным и ориентированных на именуемый объект, вовлекая их в орбиту индивидуальных именований [Суперанская и др., 2007: 12–14].

В нашем материале китайские гастронимы с компонентом топонимом выполняют свои основные функции, а именно, номинативную и локативную или ориентирующую. Это *хоронимы* – собственное имя любой территории, области, района (Сычуаньские пикули (四川泡菜), Жареный цыпленок Дунъань (东安子鸡), Гуйлинькая лапша в рассоле (桂林卤粉); *гидронимы* – собственное имя любого водного объекта, природного или созданного человеком (жареная рыба из озера Сиху в кисло-сладком соусе (西湖醋鱼), карп Хуанхэ под кисло-сладким соусом (糖醋黄河鲤鱼); *оронимы* – собственное имя любого элемента рельефа земной поверхности (положительного или отрицательного) (тофу гор Багуншань (八公山豆腐), Суншань лянфэнь (嵩山凉粉); *ойконимы* – названия населенных пунктов (утка по-пекински (北京烤鸭), суп с кусочками соевого творога Янчжоу (扬州煮干丝); *урбанонимы* – собственное имя любого внутригородского топографического объекта (жареный забродивший соевый творог Хуэйчжоу (徽州毛豆腐), тяньцзиньский «плетеный хворост»: « цветы конопли с 18-ти улиц» (天津18街麻花) и многие другие.

Включение данных категорий топонимов в состав гастронимов объясняется их дифференцирующей функцией, т.е. отличительными мотивирующими признаками, характерными для индивидуального названия [Доржиева, 2019: 56–57]. Например, рецепт

«Сычуаньских пикулей» – Сычуань паоцай (四川泡菜) – знаменитой холодной закуски был изобретен около 2000 лет назад. Сегодня она экспортируется в более чем 40 стран мира, в том числе США и Республику Корея. Родиной «сычуаньских пикулей» считается город Мэйшань (眉山), который также известен тем, что здесь родился поэт, политик и превосходный кулинар Су Дунпо (苏东坡). В 2012 г. здесь был открыт музей «Сычуань паоцай». Эту холодную закуску в Поднебесной почитают за лекарство: она содержит большое количество лактобактерий, полезна для восстановления микрофлоры и повышения иммунитета желудочно-кишечного тракта, ее едят для профилактики диабета и онкологических заболеваний, снижения холестерина в крови.

Хуаншаньский тушеный голубь (黄山炖鸽) . Гора Хуаншань – всемирно известная туристическая достопримечательность, она расположена в гористой местности на юге провинции Аньхой. Го Можо (1892–1978, китайский писатель, поэт, историк, археолог, государственный деятель, первый президент Академии Наук КНР), назвал гору Хуаншань «первой горой в мире». Гора Хуаншань известна не только своими пейзажами, но и ее деликатесами. Знаменитое блюдо из голубя основано на известном продукте Хуаншаня – хуаншаньский ямс и блюда из тушеного хуаншаньского дикого голубя, которые готовятся методом тушения в воде. Ямс питает инь и почки, а голубиное мясо полезно для здоровья и укрепление организма. По мнению местных жителей, это хорошее блюдо для питания и продления жизни.

Жареная рыба из озера Сиху в кисло-сладком соусе (西湖醋鱼). Озеро Сиху находится в городе Ханчжоу провинции Чжэцзян. Ханчжоуская кухня уделяет внимание свежести продуктов, причем только местных. Например, молодые побеги бамбука – обязательно с горы Тяньмушань, молодой лотос должен быть свежесобранным с поверхности озера Сиху, и даже при выборе засоленной капусты для миски ханчжоуского бульона нужно следить, чтобы она была местного производства. Прекрасные горы и реки придают ханчжоуской кухне уникальную свежесть, делают ее неповторимой [Цуй Дайюань, 2014: 285–286].

И.Н. Плескачевская предлагает деление китайской кухни на четыре типа, определяемых географическими условиями: Лу Цай (Северная кухня) – нижнее течение реки Хуанхэ; Чуань Цай (Западная кухня) – верхнее течение все той же Желтой реки; Су Цай (Восточная кухня) – нижнее течение реки Чанцзян (Янцзы) и последняя – Юэ Цай (Южная кухня), дельта Жемчужной реки (Чжуцзян). Понятие «цай» в китайском языке означает «кухня, блюдо или тип еды» [Плескачевская, 2018: 216–217].

Лу Цай (Северная кухня) часто называют шаньдунской кухней, потому что она происходит именно из этого региона. Ее основные ингредиенты – мясо, морепродукты и овощи. Чуань Цай (Западная кухня) охватывает провинции Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу, Хунань и Хубэй. Мясо диких животных, овощи и морепродукты – ее обычные ингредиенты. Этот тип кухни знаменит своим необычным привкусом: блюда из Сычуани, как правило, исключительно острые, в них при готовке добавляют необычные травы и специи. Считается, что это настоящая крестьянская еда. Поклонники Су Цай (Восточная кухня) – жители провинций Цзянсу, Чжэцзян, Цзянси, Аньхой и Шанхая, иногда ее называют еще Хуайян Цай. Древняя столица государства Сун, город Ханчжоу на берегах Западного озера, богатого рыбой, – родина ресторанного бизнеса. Юэ-цай (Южная кухня) – это кухня провинций Гуандун, Гуанси, Фуцзянь, Хайнань, Гонконга и Тайваня. Юэ – древнее название провинции Гуандун. В Китае она считается самой здоровой и натуральной, в которой сохранен натуральный вкус продуктов.

Пространственное и временное распределение китайских гастронимов позволяет им быть хранителями этнокультурной информации и национальной идентичности. Китайские названия блюд дают представление об этнографических и бытовых особенностях далекого исторического прошлого современных китайцев – это своего рода рефлексии исторических событий, связанных с династиями императоров, известными людьми, зарисовки различных бытовых ситуаций, повлекших появление того или иного блюда и пр. Китайские гастронимы содержат глубокий пласт фоновых знаний, связанных с национальной культурой, национальным менталитетом, они хорошо известны и понятны носителям языка и культуры. Фоновые знания, в противоположность общечеловеческим и региональным, характерны только для жителей определенной страны и, безусловно, отсутствуют у иностранцев.

Наиболее известные китайские блюда содержат сведения о времени их появления («Цыпленок Дунань» более 1000, «Собачье мясо Пэйсянь» более 2100, «Карп Хуанхэ» 3000 лет назад), о династиях императоров (Цинь, Хань, Тан, Мин и др.), упоминаются имена отдельных императоров (Шунь, Желтый Император, Лю Бан – первый император династии Хань), о знаковых исторических периодах (период Воюющих Царств), обряды и культурные традиции.

Приведем примеры из нашего материала:

Гуйлинькая лапша в рассоле (桂林卤粉). Город Гуйлинь расположен на юго-западе гор Наньлин, в южной части коридора Хунань-Гуанси и на северо-востоке Гуанси-Чжуанского автономного района. Топоним в составе гастронима отнесен нами к разряду хоронимов, так как на момент появления названия блюда, Гуйлинь был уездом, позднее стал городом.

Лапша в рассоле (秦朝) – древнее блюдо, которое зародилось еще в империи Цинь (221-207 гг. до н. э.). Ее основатель Цинь Шихуан (秦始皇) двинул на юг войска, которые по его приказу провели там канал Линцюй (灵渠), и познакомили жителей этих областей с таким блюдом, как лапша. Поскольку в Гуйлине не выращивали пшеницу, то местным жителям пришлось для изготовления лапши использовать растертый в порошок рис. Вплоть до начала войны сопротивления Японии (1937–1945) местные жители называли рисовый порошок рисовой мукой. Что же касается настоящего рассола для такой лапши, то его рецепт восходит к так называемому «супу здоровья», которым питалась армия Цинь Шихуана. Этот суп готовился из разнообразных лекарственных средств, которые защищали организм от местных ядовитых испарений [Цуй Дайюань, 2020: 153].

Жареный лук-порей из уезда Багун (八公烧大葱). Уезд Багун находится в провинции Шаньси на севере Китая. Это вкусное блюдо из обжаренного лука-порея с кусочками свинины под простой подливой из уксуса, чеснока и соевого соуса. Этому рецепту – более 2000 лет. Изобретено блюдо было благодаря служке, нечаянно уронившему тарелку. Это произошло в период Воюющих Царств (战国, 475–221 гг. до н.э.), когда два долго враждовавших генерала наконец помирились и решили устроить по этому случаю пышный банкет.

Число восемь считается счастливым в китайской нумерологии, так как символизирует достаток и удачу. В силу этого это ритуальное число применяется и в китайской кулинарии. При составлении меню праздничного обеда в китайском стиле учитываются как можно больше блюд из восьми основополагающих вкусов, чтобы они доставляли удовольствие истинным гурманам [Китайская кухня, 2002: 110]. Когда настало время подавать трапезу на стол, одну тарелку разбили. Выносить неправильное количество блюд по китайским традициям, тем более высоким гостям, недопустимо – это могло быть воспринято как знак неуважения и вновь рассорить генералов. Поэтому повара решили тотчас же приготовить какое-нибудь яство изо всего, что осталось на разделочном столе. Там оказался лишь лук-порей, да обрезки свинины, которые быстро пережарили и отправили на стол генералам. Воители пришли в восторг от этого блюда и посчитали, что оно было специально создано, дабы отпраздновать их примирение. Так обрезки с кухонного стола превратились в знаменитое яство, которое в Поднебесной почитают до сих пор. У истоков его популярности, возможно, заложена имплицитная память об этом историческом эпизоде.

Вяленое мясо Сянси (湘西腊肉). Полное название Сянси – «Сянси Туцзя и автономный округ Мяо» (湘西土家族苗族自治州), из автономного округа в провинции Хунань на юге

Китая. В давние времена племя Чию воевало с Желтым Императором и после своего поражения племя долгое время жило в уединении в глубоких горах в западной провинции Хунань. Людей Туцзя и Мяо, потомков племени Чию, здесь называли варварами. Одной из причин, на наш взгляд, являлся способ приготовления пищи, разительно отличавшийся от традиционной китайской кухни.

Племя Чию вело охотничий образ жизни и излишки оставшегося мяса животных вешали на стволы деревьев для просушки на воздухе, что позволяло хранить его довольно длительное время и использовать, когда ощущался недостаток еды. В дождливую погоду мясо перед едой жарили на костре. Спустя некоторое время люди почувствовали, что мясо после просушки и копчения имеет особенно ароматный вкус. Однажды император Шунь приехал в Западную Хунань и попробовал копченого кабана, который ему очень понравился. Он назвал его «мясо Си». Си переводится с китайского «прежде, прежние дни», таким образом император вспомнил о том, как прежде кушал такое же вкусное мясо и назвал его «мясо Си» (досл. ‘прежнее мясо’).

До пятого года правления Юаньшо, императора У из династии Хань (124 г. до н.э.), правительство возглавлял Чанша Динцзы Лю И. Во время поездки в район западной провинции Хунань Лю И попробовал копченое «мясо Си» и сказал, что его уместно называть вяленым, а не копченым. Это название и закрепилось впоследствии за этим блюдом.

Курица по-гуйчжоуски на сковороде (Гуйчжоу ганго цзи (贵州干锅鸡). Когда представители народности мяо выдают девушек замуж, непременно готовят «банкет сотни кур» (百鸡宴). Это куски птицы, обжаренные в огромном котле с добавлением арахиса, имбиря, чеснока, перца чили и вина. Секрет уникального аромата блюда в том, что для помешивания используют большую кухонную лопатку, которую специально вырезают из свежесрубленного дерева: оно отдает свой запах жареной птице. Это обрядовое блюдо обрело огромную популярность и его стали подавать в ресторанах меньшими порциями, назвав «Курицей по-гуйчжоуски на сковороде»: Гуйчжоу ганьго узи (贵州干锅鸡). Одновременно практика использования лопаток из свежесрубленных деревьев ушла в прошлое в связи с введением в 2017 г. общекитайского моратория на коммерческую вырубку лесов.

В 2013 г. китайские ученые вскрыли глиняный горшок, найденный в 2002 г. в провинции Цинхай в ходе раскопок руин Лацзя на глубине трех метров. Внутри они обнаружили самую древнюю в мире лапшу, возраст которой составляет около 4000 лет

[Щепин, 2021: 219]. Лапша является одним из самых популярных основных продуктов питания в Китае и существует множество ее разновидностей, среди которых особое место занимает «Старопекинская лапша с соевой подливой (老北京炸酱面)». В Пекине говорят: «Жизнь человека сводится к трем плошкам лапши (人生有三面), объяснение находим в следующем: все самые значимые события в жизни коренных пекинцев по традиции связаны с употреблением лапши:

• На третий день после рождения младенца всех родственников и друзей семьи кормят «лапшой омовения» сисаиьмянь (洗三面). Эта трапеза устраивается в пожелание долголетия новорожденному, поскольку длинная лапша в Китае символизирует долгую жизнь.

• Каждый день рождения на стол имениннику вместо праздничного торта подают длинную «лапшу долголетия» чаншоумянь (长寿面).

• Усопшего на третий день после кончины поминают «лапшой единения» изесаньмянь (接三面), которую едят, чтобы вместе поскорбеть об ушедшем. В этом случае длинная лапша является символом того, что о покойном будут помнить всегда.

Долголетие занимает важное место в традиционной китайской символической системе. «Кто ест лапшу, тот долго живет» (吃面条的人长寿,Chī miàntiáo de rén chángshòu) – говорят в Китае. Лапша пишется иероглифом «Mein» (面, miàn), означающим одновременно долголетие. Это одна из причин, почему лапшу посылают в подарок другу ко дню его рождения, когда он достигает совершеннолетия. Ее обязательно подают на праздничный стол, когда отмечают 21-й, 31-й, 41-й день рождения – то есть в начале каждой важной жизненной фазы, вместе с пожеланиями долголетия.

Блюдо «Ланчжоуская лапша в говяжьем бульоне» (兰州牛肉拉面) было изобретено около 200 лет назад, и в наши дни популярно по всему Китаю. По версии американского канала CNN, блюдо входит в ТОП-20 лучших супов со всего мира. В 2010 г. в городе Ланчжоу насчитывалось 1099 лапшевен, каждая из которых продавала в среднем по 800 чашек лапши в день. Одна из причин популярности – быстрое обслуживание. На приготовление одной порции уходит около минуты, а рекорд принадлежит местному мастеру Ма Дэлуну (马德龙), который разбивает кусок теста в тончайшие нити лапши всего лишь за шесть секунд. За высокую скорость обслуживания харчевням, подающим ланьчжоускую лапшу в говяжьем бульоне, в 1999 г. присудили официальное звание «Первого фаст-фуда КНР» [Щепин, 2021: 20].

История рождения «лоянского банкета» связана с У Цзэтянь (武则天, 624–705 гг.) – первой и единственной женщиной, единолично правившей Китаем. Став в 13 лет наложницей императора, У Цзэтянь сначала расправилась с соперницами по гарему, а затем занялась и подавлением политических оппонентов – в итоге позиции бывшей наложницы оказались настолько сильны, что она объявила себя императором Поднебесной. Ее поддержали буддийские богословы, доказавшие, что У Цзэтянь – дочь Будды. В благодарность императрица на протяжении всей жизни покровительствовала буддизму. Погубило ее сладострастие: на старости лет она стала выдвигать на высокие посты своих фаворитов. Это вызвало огромное неудовольствие при дворе – У Цээтянь свергли и отправили доживать последние дни в загородное поместье.

Когда У Цзэтянь собирались провозгласить императором Поднебесной, в тогдашней столице – Лояне (洛阳) – требовалось устроить подобающую трапезу. За дело взялся один из придворных звездочетов – прорицателей, который нашпиговал банкетное меню жидкими блюдами, чтобы зашифровать в их непрерывной череде посыл – шуйдао цючэн (水到渠成): вода сама себе проложит русло, все образуется само собой. Это должно было символизировать плавный переход власти к У Цзэтянь. Несмотря на то, что позже женщину-императора убрали с трона, «лоянский водный банкет» навсегда занял почетное место в меню китайской императорской кухни. Если в Китае вас встретят «водным банкетом», знайте: вас считают очень почетным гостем.

Китайский церемониал считается одним из самых сложных в этикетных нормах поведения. При подаче некоторых блюд соблюдают особые правила. «Бамаский ароматный поросенок»（巴马香猪）знаменит своей ароматной хрустящей кожицей. Его подают в три приема: сначала подается кожица на ломтиках лепешки, которую надо обмакивать в пряный соус. На другую тарелку выкладывается кожица с мясом, а на третью – только мясо, обычно дополнительно обжаренное с пряностями. В целом процесс подачи поросенка Бама очень схож с церемониалом утки по-пекински. Но стоимость бамаского ароматного поросенка – «Бама сянчжу» намного выше, чем знаменитой пекинской утки. Причина в том, что бамаская свинья – вид редкий и исчезающий, как и другие китайские породы свиней. Свинья Бама одомашнена от дикого кабана. В этом районе вода горного источника Кэзицюань чистая. Белая грязь Бамы богата более чем 20 видами минеральных элементов, полезных для организма. Бама расположена в зоне разлома, что приводит к усилению геомагнетизма и улучшению качества бамаской свинины.

В настоящее время крестьяне практически отказались разводить китайские породы, перейдя на импортные – йоркширские и беркширские, которые растут быстрее и дают больше мяса. В результате, за последнее десятилетие уже исчезли четыре породы китайских свиней, еще 34 находятся на грани вымирания – их пришлось поставить под охрану государства. Большинство китайских пород свиней растут вдвое дольше своих заморских собратьев, на их взращивание уходит вдвое больше корма, что экономически невыгодно. Китайская свинина стоит 200 юаней за килограмм, или в шесть раз дороже, чем йоркширская. Дороговизна мяса влияет на стоимость самих блюд: 12 кусочков хрустящей кожицы «Бама сянчжу» в пекинском ресторане обойдутся в 200 юаней, блюдо из целого поросенка – в тысячу юаней [Щепин, 2021: 49-50].

Китайская кухня, насчитывающая несколько тысячелетий, сформировала сложную систему сочетания вкуса и питательной ценности. Наиболее известные блюда китайской кухни — утка по-пекински, димсам, жареный рис, столетнее яйцо, черепаховый суп, ставшие всемирно известными брендами. Д.А. Шевченко, член Совета Гильдии маркетологов, так определяет термин «бренд»: «Знак, символ, слова или их сочетание, помогающие потребителям отличить товары или услуги одной компании от другой. Бренд воспринимается как широко известная торговая марка или компания, занимающая в сознании и психологии потребительских сегментов особое место из массы себе подобных» [Цит. по: Жигачева, 2018].

Утка по-пекински (Бэйцзин као-я, 北京烤鸭) признана одним из десяти величайших кулинарных шедевров мира. В июле 2008 г. рецептура приготовления «Бэйцзин као-я» внесена в список нематериального культурного наследия КНР. Это «блюдо номер один» на приемах в честь высокопоставленных зарубежных гостей в ресторане «Цюаньцюйдэ». Ее вкус по достоинству оценили посол СССР Николай Рощин, приехавший в 1948 г. в молодую Китайскую Народную Республику, в 1957 г. председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова встречал председатель КНР Мао Цзэдун в ресторане «Цюаньцюйдэ, премьер Чжой Эньлай принимал в этом же ресторане 27 зарубежных руководителей. В Пекине открыт музей, посвященный «Бэйцзин као-я»; в честь этого блюда названа пекинская баскетбольная команда «Beijing Ducks»; рецептуру утки по-пекински использует знаменитая сеть ресторанов быстрого обслуживания KFC, где утку заменили курицей. Пекинская утка стала не просто кулинарным, но культурным феноменом страны [Щепин, 2019: 74-77].

Паровой Учанский лещ (清蒸武昌鱼). Обилие рек и озер оказало непосредственное влияние на хубэйскую кухню – э цай (鄂菜), главным продуктом в которой является рыба. Визитная карточка местной кулинарной традиции – приготовленная на пару рыба чинчжэн-юй (清蒸鱼). При ее приготовлении используется минимум приправ: для раскрытия вкуса добавляют нарезанный соломкой лук-порей, немного имбиря, в конце тепловой обработки рыбу приправляют небольшим количеством соевого соуса. Самым популярным из этой группы блюд является паровой учанский лещ – цинчжэн учан-юй, которому посвящали стихи поэты династий Тан (唐) и Сун (宋), позже – сам основатель КНР, «великий кормчий» Мао Цзэдун (毛泽东). В 1965 г. паровому учанскому лещу было официально присвоено звание «главного представителя хубэйской кухни». Именно высокая оценка этого блюда известными китайскими деятелями способствовала устойчивому брендингу хубэйской провинции.

Тяньцзиньский «плетеный хворост»: «Цветы конопли с 18-й улицы» （天津18街麻花）. Тяньцзинь расположен в северо-восточной части Северо-Китайской равнины, низовьях бассейна реки Хайхэ, в 120 км. от столицы Пекина. В конце династии Цин（1636–1912) в Тяньцзине, в южной части оживленного и шумного района Сяобаилоу, был переулок под названием «Восемнадцатая улица». Со временем некий Лю Лаоба открыл в этом переулке небольшой магазинчик под названием «Гуй фа Сян» (桂发祥), где продавал жареный плетеный хворост с использованием рафинированной белой муки и высококачественного масла, пользующийся большим спросом у покупателей. В 1989 г. он получил награду «Золотой треножник» в области пищевых продуктов и «серебро» на первой Национальной продовольственной выставке. В 1991 г. Лю Лаоба получил номинацию за «Национальную торговую марку».

Тофу гор Багуншань (八公山豆腐). Гора Багуншань расположена в городе Хуайнань провинции Аньхой, это достопримечательность и важный центр ханьской культуры. Именно провинция Аньхой считается родиной китайского соевого творога. В 2008 г. «Госуправление КНР по контролю за качеством продукции, проверке и карантину» внесло багуньшаньский тофу в «Национальный реестр топонимических продуктов», которые называются «дили бяочжи чаньпинь» – 地理标志产品).

На протяжении веков в Китае сложилась одна из наиболее интересных национальных кухонь, которая считается самой разнообразной и наиболее распространенной за пределами

Китая [Доржиева, Гао Цзяньго, 2021]. Российско-китайские экономические и культурные связи имеют продолжительную историю и отличаются заметным развитием в последние десятилетия. Обмен делегациями, специалистами разных сфер производства, учебные стажировки студенческой молодежи предполагают знание и знакомство с культурой и традициями принимающей стороны. Владение фоновыми знаниями не менее важно, чем знание языка, так как они включают систему мировоззренческих взглядов, этические оценки, эстетические вкусы, нормы речевого и неречевого поведения, то есть большую часть знаний, которыми обладают все члены данного общества. Важное место в парадигме общекультурной компетенции любого специалиста занимает знание обычаев и традиций страны, этикетных правил поведения, в том числе и гастрономической культуры.

Литература

БСИС (2008) Большой словарь иностранных слов. 7-е изд., испр. и доп. Сост. А.Ю. Москвин. М.: ЗАО Центрполиграф. 685 с.

Гумбольдт, Вильгельм фон (1985) Язык и философия культуры. Пер. с нем. Сост. общ. ред. и вступ. ст. А.В. Гулыги, Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс. 451 с.

Доржиева Г. С., Щербакова А.А. (2019) Ономасиология vs ономастика: Проблемы номинации. Учеб. пособие. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. 55 с.

Доржиева Г.С., Гао Цзяньго (2021) Мотивационные значения образных китайских гастронимов в фольклорных текстах // Материалы V Международного науч.-практического симпозиума «История еды и традиция питания народов мира». М.: Новое время. С. 129–139.

Доржиева Г.С., Гао Цзяньго (2022) Симфония вкусов или лингвокультурные коннотации китайских гастронимов // Вестник МГУ. Серия 19. Межкультурная коммуникация. № 2. С. 36–46.

Драбязг А.И. (2010) История и теория китайской кухни. Режим доступа: https://www.nalanda.ru› cook/21-2010-11-25-12-39-12.html. Дата обращения: 19.10.20.

Жигачева Е.С., Доржиева Г.С. (2018) Концепт Байкал в региональной лингвокультуре. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. 246 с.

Китайская кухня (2002) М: Изд-во Эксмо. 288 с.

Корнилов О.А. (2003) Языковые картины мира как производные национальных менталитетов М.: ЧеРо. 349 с.

Минь Сяо (2011). Китайская кухня. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. 288 с.

Павловская А.В. (2016 а) Понятие национальной кухни: к теории вопроса // Материалы II международного симпозиума «История еды и традиции питания народов мира». Вып. II. М.: Центр по изучению взаимодействия культур. С. 64–75.

Павловская А.В. (2016 б) Из истории русской кухни. Ч. 3. Что такое национальная кухня? // Вопросы диетологии. М.: Династия. Т. 6. № 3. С. 77–80.

Плескачевская И.Н. (2018) Поднебесная страна. М.: Шанс. 311 с.

Суперанская А.В. (2007) Общая теория имени собственного. М.: ЛКИ. 368 с.

Суперанская А.В., Сталтмане В.Э., Подольская Н.В., Султанов А.Х. (2007) Теория и методика ономастических исследований. Отв. ред. А.П. Непокупный. М.: ЛКИ. 256 с.

Флоренский П.А. (1989) Термин // Вопросы языкознания. №1. С. 121–133.

Цуй Дайюань (2020). Словарь китайского гурмана. Пер. с кит Е.И. Митькина, А.А. Родионов, О.П. Родионова. СПб.: Гиперион. 368 с.

Шаховский В.И. (2016) Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: Человек, язык, эмоции. Волгоград: ИП Поликарпов И.Л. 504 с.
Шевченко Д. А. Режим доступа: URL: https://www.glosslab.ru. Дата обращения: 10.09.2022.
Щепин К. (2021). Китай кулинарный. 2-е изд., испр. и дополн. Пекин: Шанс. 292 с.
Юй Пэн, Цзяо Юймэй (2020). Китайская кухня в рецептах и историях. М: Шанс. 103 с.

References

BSIS (2008) A large dictionary of foreign words. Comp. by A.Yu. Moskvin. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf. 685 p. (In Russ.)
Humboldt, Wilhelm von (1985) Language and Philosophy of Culture. Comp., ed. by A.V. Gulyga, G.V. Ramishvili. Moscow: Progress. 451 p.
Dorzhieva G.S., Shcherbakova A.A.(2019) Onomasiology vs onomastics: Problems of nomination: textbook. allowance. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University. 55 p. (In Russ.)
Dorzhieva G.S., Gao Jianguo (2021) Motivacionny`e znacheniya obrazny`x kitajskih gastronimov v fol`klorny`h tekstah / materialy` V mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo simpoziuma «Istoriya edy` i tradiciya pitaniya narodov mira». Moscow: Novoe vremya. Pp. 129–139. (In Russ.)
Dorzhieva G.S., Gao Jianguo (2022) Simfoniya vkusov ili lingvokul`turny`e konnotatsii kitajskih gastronimov. Vestnik MGU. Seriya 19. Mezhkul`turnaya kommunikaciya. No. 2. Pp. 36–46. (In Russ.)
Drabyazg A.I. History and theory of Chinese cuisine. Available at: https://www.nalanda.ru›cook/21-2010-11-25-12-39-12.html. Access date: 10.19.20. (In Russ.)
Zhigacheva E.S., Dorzhieva G.S. (2018) Kontsept Bajkal v regional`noj lingvokul`ture, Ulan-Ude`: Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta. 246 p. (In Russ.)
Kitajskaya kukhnya (2002) Moscow: Eksmo. 288 p. (In Russ.)
Kornilov O.A. (2003) Language models of the world as derivatives of national mentalities. Moscow: CheRo. 349 p. (In Russ.)
Ming Xiao (2011) Chinese cuisine. Moscow: AST-PRESS KNIGA. 288 p. (In Russ.)
Pavlovskaya A.V. (2016) The concept of national cuisine: to the theory of the issue // Proceedings of the II International symposium “The history of food and food traditions of the peoples of the world”. Issue. II. Moscow: Center for the Study of Interaction of Cultures. Pp. 64–75. (In Russ.)
Pavlovskaya A.V. (2016a) Russkaya kuhnya segodnya, zavtra i vsegda // Materialy II mezhdunar. simpoziuma. Istoriya edy` i tradicii pitaniya narodov mira. Issue. II. Moscow: Centr po izucheniyu vzaimodejstviya kul`tur. Pp. 76–87. (In Russ.)
Pavlovskaya A.V. (2016b) Iz istorii russkoj kuhni. Chast` 3. Chto takoe natsional`naya kuhnya? // Voprosy dietologii: Dinastiya. Vol. 6. No. 3. Pp. 77–80. (In Russ.)
Pleskachevskaya I. N. (2018) Celestial country. Moscow. 311 p. (In Russ.)
Superanskaya A.V. (2007) General theory of proper name. Moscow: LKI Publishing House. 368 p. (In Russ.)
Superanskaya A.V., Staltmane V.E., Podolskaya N.V., Sultanov A.Kh. (2007) Theory and methods of onomastic research. Ed. by. A.P. Incorruptible. Moscow: LKI Publishing House. 256 p. (In Russ.)
Florensky P.A. Termin // Questions of linguistics. No. 1. 1989. Pp. 121–133. (In Russ.)
Cui Daiyuan. (2020) Chinese Gourmet Dictionary. Trans. by E.I. Mitkina, A.A. Rodionov, O.P. Rodionova. Sankt-Petersburg: Hyperion. 368 p. (In Russ.)
Shakhovsky V.I. (2016) Ecology dissonance in the communicative circle: man, language, emotions (monograph). Volgograd: Publishing House IP Polikarpov I.L. 504 p. (In Russ.)

Shevchenko D.A. Available at: https://www.glosslab.ru
Shchepin K. (2021*)* Culinary China. Beijing: Chance. 292 p.
Yu Peng, Jiao Yumei (2020*)* Chinese cuisine in recipes and stories. Moscow: Chance. 103 p.

Доржиева Галина Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, кафедра немецкого и французского языков Бурятского государственного университета имени Д. Банзарова.
Адрес: 670000, Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6.
Эл. адрес: galdor@yandex.ru

Гао Цзяньго – аспирант кафедры немецкого и французского языков, Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова.
Адрес: 670000, Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6.
Эл. адрес: gao2023@mail.ru

Для цитирования: *Доржиева Г.С., Гао Цзяньго*. Информационный потенциал китайских гастронимов с компонентом топонимом [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2022. № 4 (12). С. 154–169. DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-154-169

For citation: *Dorzhieva, G.S., Gao, Jianguo*. Information potential of Chinese gastronyms with the toponym component [online] // Sociolinguistics. 2022. No. 4 (12). Pp. 154–169 (In Russ.) DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-154-169

ЯЗЫКОВЫЕ КОНФЛИКТЫ

LANGUAGE CONFLICTS

УДК 81 272 DOI: 10.37892/2713-2951-4-12-170-187

ЯЗЫКОВОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ И КОМПЛЕКС КУЛЬТУРНОЙ НЕПОЛНОЦЕННОСТИ У НОСИТЕЛЕЙ КОМИ ЯЗЫКА (СЛУЧАЙ Г. СЫКТЫВКАРА)

Игорь О. Юлдашев,
Институт культуры и искусства
Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина,
Российская Федерация

Николай Е. Вокуев
Университет Квебека в Труа-Ривьер
Канада

В статье на материалах интервью с носителями коми языка, проведенных в г. Сыктывкаре, исследуются случаи языковой дискриминации в отношении коми и феномен языкового стеснения. Последнее, с точки зрения авторов, является частью и свидетельством сформировавшегося у некоторых из них комплекса культурной неполноценности. Кроме того, рассказы респондентов показывают, что языковая дискриминация и языковое стеснение связаны не только друг с другом, но и с целым рядом взаимосвязанных и взаимообусловленных представлений — о моноязычии как национальной норме («монолингвальный габитус»), об этнокультурных и языковых иерархиях. Язык и культура коми в этих воображаемых иерархиях занимают более низкую позицию, чем русские язык и культура. Более того, публичное использование коми языка, а также наличие акцента – и тот, и другой часто коннотируются с сельской социализацией – могут активировать ряд негативных стереотипов, сконденсированных в пейоративном этнониме «комяк». Все это не может не оказывать влияния на самоидентификацию носителей коми языка. Основываясь на качественных методах исследования, статья не предполагает оценки масштабов рассматриваемых явлений.

Ключевые слова: *языковая дискриминация, коми, монолингвальный габитус, комплекс культурной неполноценности, языковое стеснение.*

LINGUISTIC DOMINANCE AND CULTURAL INFERIORITY COMPLEX AMONG KOMI LANGUAGE SPEAKERS (THE CASE OF SYKTYVKAR)

Igor O. Yuldashev,
Institute of Culture and Art of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Russian Federation

Nikolai E. Vokuev,
University of Quebec at Trois-Rivières
Canada

The article is based on the interviews with Komi language speakers, conducted in Syktyvkar, and examines the cases of linguistic discrimination against the Komi people and the phenomenon of language shyness. The latter, from the point of view of the authors, is a part and evidence of cultural inferiority complex being formed in some of these speakers. Furthemore, the respondents' accounts show that linguistic discrimination and language shyness are related not only to each other, but also to a number of interrelated and interdependent assumptions about monolingualism as a national norm ("monolingual habitus"), as well about ethnocultural and linguistic hierarchies. Komi language and culture occupy a lower position in these imagined hierarchies than Russian language and culture. Moreover, the public use of the Komi language, as well as a specific accent, both of which are often connoted with rural socialization, can activate a number of negative stereotypes condensed in the widely used pejorative ethnonym "komyak". All this cannot but affect the self-identification of Komi language speakers. Based on qualitative research methods, the paper does not presuppose an assessment of the scale of the phenomena in question.

***Keywords**: linguistic discrimination, Komi, monolingual habitus, cultural inferiority complex, language shyness*

Введение

Одним из резонансных событий 2021 г. в Республике Коми стал судебный процесс над активистом общественного движения коми народа («Коми Войтыр») Алексеем Ивановым. На заседании Сыктывкарского городского суда, состоявшемся 11 февраля, Иванов отвечал на вопросы судьи Ирины Юшковой исключительно на коми языке, отказываясь подписывать судебные документы, составленные на русском, и требуя их оформления на коми. На это судья отреагировала довольно резко, а ее высказывания в адрес Иванова вполне можно расценить как дискриминационные. Расшифровка этого диалога показывает, как представитель судебной власти, по всей видимости, понимая коми язык, пытается поставить под сомнение культурную идентичность Иванова репликами вроде: «В русской школе учились?», «Паспорт русский?», «А че имя и фамилия русские, а не коми, м?» [Правосудие без коми, 2021].

В речевых актах судьи мы можем также обнаружить признаки того, что некоторые исследователи называют «монолингвальным габитусом». Автор термина, профессор Гамбургского университета Ингрид Гоголин, определяет его как убежденность в том, что наличие одного языка в обществе, и особенно в школах, является вечной и всегда актуальной национальной характеристикой. Это «глубоко укоренившаяся привычка считать моноязычие нормой в нации» [Gogolin, 1997: 41]. Так, высказывания Юшковой выявляют ее убежденность в том, что школа как общественный институт, находящийся на территории Российской Федерации, предполагает этнонациональный окрас, а паспорт и имя с фамилией – это признаки этнического происхождения и соответствующего ему языка. Кроме того, судья как представитель власти, невзирая на Закон о государственных языках Республики Коми, принижает статус коми языка и связанной с ним культурной идентичности по отношению к русским языку и идентичности.

Обсуждение этого события главным образом свелось к вопросу о нарушении прав коми народа. Так, в своем комментарии информагентству «Комиинформ» председатель Сыктывкарского городского суда Надежда Сарвилина на этот счет высказалась недвусмысленно: «Ни о каком ущемлении прав коренного населения Республики Коми в данном случае говорить не приходится» [Майер, 2021]. Попутно она обвинила Иванова в том, что тот злоупотребляет предоставленными ему процессуальными правами, т.к., свободно владея основным языком судопроизводства, все равно требует проведения разбирательства на коми языке. Заявления же о притеснении коми по национальному признаку Сарвилина назвала абсурдными, сославшись на то, что «судья Юшкова сама является уроженкой и жительницей Республики Коми» [Там же]. (Заметим в скобках: понятие «уроженка» ничего не говорит о ее этническом происхождении, а аргументация председателя суда в любом случае несостоятельна, т.к. в притеснении вполне могут участвовать и сами притесняемые.)

На наш взгляд, обсуждать здесь нужно не столько вероятное ущемление прав или поведение и мотивацию Иванова в суде, сколько *высказывания* судьи, имеющие явно дискриминационный характер и раскрывающие тот самый комплекс моноязычных установок. Более того, неспособность распознать реальную проблему в этом деле, не говоря уже об ответных обвинениях в адрес Иванова со стороны представителей власти, может свидетельствовать об укорененном характере этих установок и взглядов. Возникает вопрос: являются ли подобные дискриминационные практики в отношении коми языка и идентичности распространенными? А также: влияют ли эти практики на отношение коми к их языку? Личный опыт авторов этой статьи, сталкивавшихся как с повседневной

стигматизацией коми языка и его носителей, так и со стеснением последних публично использовать родной язык, подталкивает скорее к утвердительным ответам. Однако полноценных попыток осветить эту проблему в академической литературе нам обнаружить не удалось[14] .

Методы исследования и понятийный аппарат

Пытаясь ответить на вопрос о существовании в регионе языковой дискриминации коми, мы использовали методы качественного исследования: полуструктурированные интервью и фокус-группу, – что заранее накладывает ограничения на результаты. Полученные данные не дают возможности статистически оценить масштабы явления, но позволяют выявить и изучить сами дискриминационные практики. Кроме того, сам характер вопросов подталкивал респондентов к тому, чтобы они вспомнили ситуации негативного отношения к коми языку из своей жизни. Случаи положительного отношения остались за рамками исследования.

За время исследования в интервью нам отказали семь человек. Многие из тех, к кому мы обращались, не захотели обсуждать свое отношение к коми языку. В итоге мы проинтервьюировали 16 человек – 11 женщин и 5 мужчин. Все они – носители коми языка, и подавляющее большинство из них, 15 человек, идентифицируют себя как коми. В основном это молодые люди 18–27 лет (12 человек), возраст остальных четырех респондентов – 33–45 лет. Одно из интервью было проведено в формате фокус-группы, в которой участвовали семь человек, что позволило рассмотреть и сопоставить различные мнения о языковой дискриминации коми, а также выявить ее специфику. В дальнейшем, цитируя высказывания респондентов, мы будем для удобства обозначать их буквами латинского алфавита.

В своем исследовании мы используем преимущественно понятие «языковой дискриминации», у которого в научной литературе есть и синоним, такой как «лингвицизм». Этот термин, введенный в научный оборот финским педагогом и лингвистом Тове Скутнабб-Кангас, означает «идеологии, структуры и практики, которые используются для легитимации, осуществления, регулирования и воспроизводства неравноправного разделения

[14]Интересные свидетельства языковой дискриминации и языкового стеснения среди коми приводятся в исследовании Н.П. Мироновой и Я. Янитс: «Вначале, когда приехала, были небольшие конфликты с девочками, потому что они говорили, типа, “говори нам на русском языке, потому что мы не понимаем, про что ты говоришь. Может, нас обсуждаешь, а нам это неприятно”. А мне всё равно, приятно это или нет, я говорю с мамой на родном языке. Так что не надо мне указывать, что мне делать»; «Я знаю многих, которые приехали из коми деревни, а в городе начинают, как сказать, стесняться, что они коми и знают коми язык. Они скрывают это. Говорят только на русском языке» [Миронова и др., 2012: 218–219]. Однако авторы не акцентируют на этом внимание, сосредотачиваясь в основном на статистике, отражающей отношение жителей республики к коми языку.

власти и ресурсов (материальных и нематериальных) между группами, определенными на основе языка» [Skutnabb-Kangas, 2000: 30]. Лингвицизм, по наблюдениям Скутнабб-Кангас, «может быть открытым (агент не пытается его скрыть), сознательным (агент осознает его), видимым (его легко обнаружить не-агентам) и активно ориентированным на действие (в отличие от “всего лишь” установки). Либо он может быть скрытым, бессознательным, невидимым и пассивным (выражаясь в отсутствии поддержки, а не в активной оппозиции)» [Ibid: 109]. К проявлениям лингвицизма Скутнабб-Кангас относит и случаи стигматизации людей, говорящих на «нестандартной» версии того или иного языка [Skutnabb-Kangas, 2015].

Развивая идеи финской исследовательницы, Шинья Уекуза трактует лингвицизм как разновидность «символического насилия» (термин Пьера Бурдье). По его словам, речь идет о структурной дискриминации на основании языка, проявляющейся, помимо прочего, в повседневных межличностных взаимодействиях в форме дискриминационных практик в отношении людей, говорящих на недоминантных языках либо с ярко выраженным акцентом. Уекуза отмечает, что «лингвистические меньшинства часто находят политические, экономические, культурные и социальные преимущества в освоении доминирующих языков <…> и становятся соучастниками языковой гегемонии и доминирования <…> Будучи ценной формой капитала, лингвистический капитал в данном случае оправдывается и узаконивается при помощи символического насилия, поэтому ценность использования доминирующего языка определяется скорее согласием социальных агентов, нежели силой» [Uekusa, 2019: 357].

Проясним теперь уже не раз упомянутое «символическое насилие». В социологической теории Пьера Бурдье этим термином обозначается всякая власть, «которой удается навязать значения и заставить признать их легитимными, скрывая силовые отношения, лежащие в ее основании» [Бурдье и др., 2007: 22]. Концепция символического насилия – более «мягкой», нежели физическое насилие, а потому часто незаметной формы доминирования – объясняет устойчивость социального неравенства и иерархий. Поскольку речь идет, в том числе, о производстве систем классификации, лежащих в основе групповых идентичностей, жертвы символического насилия часто не только его не распознают, но и являются соучастниками: они принимают навязанные им репрезентации социальной действительности как легитимные.

Язык, как пишет Шинья Уекуза, является одним из основных инструментов такого доминирования: «В результате символического насилия <...> языки меньшинств могут становиться “неполноценными” по отношению к доминирующим языкам и даже

стигматизироваться в их габитусе <…>. Языковая иерархия становится очевидной, а статус языка может влиять на самооценку его носителя» [Uekusa, 2019: 357].

Таким образом, опираясь на эти теоретические выкладки, мы можем предположить существование комплексной взаимосвязи между моноязычными установками (упоминавшимся выше «монолингвальным габитусом») и языковой дискриминацией как формой доминирования («символического насилия»). Первые могут становиться условием, а возможно, и причиной повседневных дискриминационных практик в отношении языковых меньшинств. При этом языки меньшинств будут маркироваться и восприниматься как «непрестижные» и даже «неполноценные» как языковым большинством, так и представителями самих меньшинств. Далее мы рассмотрим и уточним эти положения на собранном нами материале. Другие важные для нашего исследования понятия – «языковое стеснение» и «комплекс культурной неполноценности» – мы концептуализируем во второй части статьи, комментируя ответы респондентов.

Языковая дискриминация и моноязычные установки

Языковая дискриминация проявляется как на государственном, так и на бытовом уровнях. Пример дискриминации на уровне государства – случай Алексея Иванова и судьи Ирины Юшковой – мы уже описали. Но что же происходит на бытовом уровне?

В ходе исследования мы выявили, что 11 из 16 респондентов сталкивались с дискриминацией или негативной реакцией в отношении себя, связанными с использованием коми языка. Остальные пять человек находились в фокус-группе, где все респонденты заявили, что используют коми язык *только* при общении с родственниками или близкими друзьями. Вероятно, это могло повлиять на результаты исследования. Тем не менее все респонденты так или иначе высказывались о разного рода проблемах, прямо или косвенно связанных с языковой дискриминацией и/или негативным отношением к представителям коми народа.

Говоря о языковой дискриминации в отношении коми, респондентка *А* рассказала следующую историю: «Буквально вчера я была в “Калевале”[15]. Мы с подругой разговариваем на коми языке, а продавец смотрит на нас так косо и говорит: “Это что за язык вообще такой? Че вы так тут разговариваете? Вы же в России живете”. А я ответила: “Я живу в России, но в Республике Коми, где коми язык является официальным, и мы имеем право разговаривать на том языке, на котором нам удобно”. В общем, она даже сдачу так грубо

[15]Речь идет об одном из сыктывкарских торговых центров.

кинула, и все это несмотря на очередь большую». Здесь, как и в высказываниях судьи, мы видим открытый и осознанный акт языкового доминирования – дискриминации, а также пример, вероятно, неосознаваемых моноязычных установок («Вы же в России живете»).

Большинство респондентов (девять из шестнадцати человек) рассказали похожие истории. Во всех случаях речь шла о проявлении монолингвальных установок в форме различных дискриминирующих высказываний. В то же время пять респондентов сообщили, что, используя родной язык в общественных местах, встречались с разного рода негативными, по их оценкам, реакциями вербального и невербального характера, такими как осуждающий взгляд, мимические выражения, цоканье языком и т.д. Приведем в качестве примера историю респондента *B*: «В автобусе позвонила мама, и после того, как я начал говорить, [пожилая пара] начала тихо цокать и головой мотать. Вообще, довольно часто люди просто начинают смотреть и разглядывать, что тоже [довольно неприятно]».

Иногда реакции носят откровенно агрессивный характер. Респондент *C* рассказал, как встретил на улице рядом с ночным клубом знакомую из своего села и разговорился с ней на коми языке: «Рядом с нами стояла подвыпившая компания, откуда один человек начал орать нам: “Комячьё, потише здесь базарьте”». Слово «комяк», с точки зрения всех опрошенных, имеет безусловно негативный эмоциональный окрас. Четверо респондентов поставили это слово в один ряд с такими пейоративными этнонимами, как «хач» и «чурка».

Зачастую слово «комяк» употребляется с шутливой окраской. Тем не менее связанные с этим словом негативные коннотации настолько сильны, что некоторые респонденты все равно воспринимают его как оскорбление, указывая при этом на несознательность говорящего: «Были очень часто случаи, когда мы говорим на коми языке, и кто-нибудь из компании скажет: “Фу, комяк”. Меня это бесило, и я очень негативно реагирую на такое»; «Некоторые просто не замечают, что это грубо, для них это нормально» (респондентка *D* из фокус-группы).

По мнению респондентов, «комяк» ассоциируется с такими словами, как «деревенщина», «глупый человек», «низкий по статусу человек», «необразованный», «дурачок», «грубый», «ограниченный», «простой». Можно предположить, что такое словоупотребление подразумевает отождествление коми с сельским населением в контексте, где жизнь в селе и некоторые последствия сельской социализации воспринимаются как непрестижные и связываются с отсутствием образования, а также низким уровнем культуры у сельских жителей. Под последствиями сельской социализации мы имеем в виду наличие у некоторых выходцев из деревень и сел акцента, который нередко становится поводом для дискриминации носителей коми языка: «В школе и техникуме некоторые смеялись над моим

акцентом и пародировали его»; «Иногда стоило хоть что-то мне сказать, как сразу со стороны мальчиков из русскоязычного класса [звучало]: “Кӧмяк”» (респондентка *E*)[16].

Однако одно из свидетельств, относящихся исключительно к сельской ситуации, вносит некоторые нюансы в наше предположение: «Живя в селе, я все свои школьные годы встречалась с постоянным негативом в отношении себя и других учеников из коми класса от учеников из русского класса, что привело к [обособлению] одних школьников от других» (респондентка *F*). Это можно трактовать по-разному, в том числе и как свидетельство об укоренившихся в сознании иерархиях и желании части школьников если не отождествить себя с «городскими» в противовес «деревенским», то, по крайней мере, дистанцироваться от последних.

Но говорит ли существование стигматизирующего этнонима о наличии оппозиции «мы – они» в сознании участников дискриминационных практик? Приведем высказывания респондентки *G* из фокус-группы: «Они, на самом деле, русскоязычные люди, хотят как-то задеть коми человека этим словом»; «Ну, употребляя это слово, они, возможно, ставят себя выше коми». В своих интервью респонденты то и дело противопоставляют себя как коми русскоязычным жителям региона. Семеро из них высказали мысль о том, что существует некая оппозиция «русские – коми» или «русскоязычные – комиязычные», причем, как полагает респондент *H*, именно «русские» являются инициаторами этого разделения. Отметим, что такое разделение, по словам респондентов, происходило в селах и сельских школах.

Кажется очевидным, что это символическое разделение на «своих» и «чужих» существует не только в селах, где комиязычные и русскоязычные жители постоянно взаимодействуют друг с другом, но и в городе. Об этом говорят и собранные нами свидетельства. Так, респондент *I* сообщил о том, что часто сталкивался с негативной реакцией со стороны русскоязычных жителей и в деревне, и в городе: «После летней сессии решил устроиться на подработку на стройку. Там во второй рабочий день, на обеденном перерыве, я позвонил бабушке в деревню и начал говорить с ней на коми. Рядом проходил наш начальник и встал рядом, а потом спросил у меня: “Ты чего, басурманин что ль? А лицо-то вроде русское” – и сразу ушел. Потом он около месяца, пока я не уволился, делал вид, что не замечает меня».

[16]В этом рассказе школьники искажают и без того оскорбительное слово, пародируя коми язык: у многих он ассоциируется именно с буквой «ӧ».

Такая реакция, на наш взгляд, обусловлена не только и не столько моноязычными установками, сколько наличием целого комплекса представлений о «своем», «другом» и «чужом». Монолингвальность в этом случае оказывается частью более сложной системы оппозиций, в которой «свой» обладает определенными, характерными для большинства населения, внешностью и языком. Несоответствие же любому из этих ключевых признаков порождает настороженность и/или негативную реакцию в отношении представителя меньшинства.

Комплекс культурной неполноценности и языковое стеснение

В ходе исследования мы также столкнулись с явлением, которое определили как комплекс культурной неполноценности. В качестве примера приведем рассказ респондента *J*, который часто, особенно в юношеском возрасте, сталкивался с негативной реакцией в ответ на использование коми языка: «Мы с подругой искали недорогую комнату или квартиру и нашли объявление о сдаче дешевой однокомнатной квартиры. Пришли, там нас встретил хозяин, он как-то плохо все показал, поэтому мы попросили разрешения самим осмотреть квартиру. Мы ходили и по привычке все обсуждали на коми языке, но очень тихо, и тут хозяин квартиры подходит к нам и говорит: “Вы на русском говорить можете? Я же рядом стою”. А я ответил: “Так мы же на коми говорим”, а он такой: “Да хоть на таджикском. Мне неприятно, когда на моей территории говорят на левом языке, уяснил?” Ну и мы сразу ушли, даже дверь не закрыли, а он вышел в подъезд и начал нам орать что-то матом».

В этой истории оппозиция «мы – они» в сознании хозяина квартиры настолько сильна, что моноязычная установка приводит к акту открытой, осознанной и активной языковой дискриминации. В то же время нас заинтересовала реплика рассказчика («Так мы же на коми говорим»). На вопрос, почему он ответил таким образом и что он хотел услышать в ответ, респондент пояснил: «Подумал, он решил, что мы совсем нерусские, как кавказцы или еще кто-то». Отметим, что респондент считает себя коми, а коми язык – своим родным языком. Мы спросили его, что он имеет в виду под выражением «совсем нерусские» и почему относит к ним «кавказцев». Ответ был следующим: «[Хотел сказать], что мы не чужие люди русским, мы же вместе всегда жили, значит, должны понимать, что мы свои, а у кавказцев другая религия и культура, сильные традиции, ну и они стоят друг за друга <...>. Поэтому я вообще не ожидал от взрослого человека такое услышать».

В данном случае дискриминируемый сам воспроизводит специфическую логику «мы – они» или «свой – чужой», относя себя при этом к «своим». Этот случай заинтересовал нас

и тем, что респондент, считающий себя коми, по-видимому, ощущает некоторую *неполноценность* собственной идентичности. Как можно заметить, он выстраивает иерархию идентичностей, где во главе угла стоят «русская» и наиболее приближенная к ней – коми, а наиболее отдаленной и в то же время более состоятельной оказывается «кавказская» идентичность. На наш взгляд, речь здесь можно вести о комплексном явлении – чувстве культурной неполноценности, в англоязычной литературе именуемом *cultural cringe*. Под ним имеется в виду «интернализованный комплекс неполноценности, который побуждает людей в стране отвергать собственную культуру как более низкую по отношению к другим культурам» [цит. по: Hu Y, 2014: 2]. Автор термина, австралийский писатель и критик Артур Филлипс, описывал им ситуацию середины XX в., когда эталоном моды и вкуса в Австралии считалась Великобритания, а произведения местных деятелей искусства и культуры воспринимались как вторичные.

Однако объясняется ли это ощущение неполноценности только опытом языковой дискриминации? Ведь сам респондент заявил, что подобная реакция со стороны взрослого человека была для него абсолютно неожиданна, хотя, напомним, по его словам, он и ранее сталкивался с различными негативными реакциями, но, как правило, в юношеском возрасте. Как нам представляется, у этого явления есть целый ряд причин.

Наиболее яркие свидетельства наличия комплекса культурной неполноценности у коми привела респондентка *K* из фокус-группы. Так, рассуждая о ситуации в деревнях, она сообщила, что встречалась с негативными реакциями скорее со стороны коми молодежи, чем со стороны русскоязычных: «У нас в школе, когда ученики ездили куда-то в санатории и [детские] лагеря, они приезжали и старались говорить на русском, чтобы не было акцента, <...>, у них взгляд такой был, типа: “Фу, вы говорите на коми, а мы там ездили куда-то и мы уже русские” <...> Старшеклассники, считая, что это как-то круто говорить на русском, принижали нас, когда мы куда-то ездили и говорили друг с другом на коми, а они на нас косо смотрели, типа: “Вы же приехали в Усть-Кулом или в Сыктывкар, а вы говорите на коми” <..> Даже одноклассники мои, когда приехали учиться в город, они каждый раз, когда встречались с нами или [во время] разговора по телефону, говорили с нами на русском. То есть мы с ними говорим на коми, а они нам все равно [отвечают] на русском».

Как видим, дискриминирующее поведение по отношению к носителям коми языка не является прерогативой моноязычного большинства: его вполне демонстрируют и представители самого меньшинства. Что касается упомянутого комплекса, то здесь, как и в истории респондента *J*, он обнаруживает себя как представление об этнокультурной и языковой иерархии (престижа), где эталоном является «русскость». Но если в первом случае

это представление имеет еще отчасти «латентный» характер, то в рассказе респондентки *К* о молодых сельских коми оно проявляет себя своеобразным «отказом» от коми языка в пользу русского и, более того, приводит к дискриминирующим действиям в отношении других двуязычных, вероятно, не разделяющих этой установки. При более же пристальном рассмотрении ситуаций складывается впечатление, что у некоторых носителей коми языка оно дополняется представлением о непрестижности села. Как можно заметить по приведенным свидетельствам, комплекс культурной неполноценности ярко проявлялся при попадании сельского носителя коми языка в город или крупный поселок с более-менее развитой инфраструктурой. То есть речь может идти, в том числе о связывании коми языка с низким уровнем жизни.

Итак, комплекс культурной неполноценности можно описать следующим образом: носитель коми языка отдает предпочтение более престижному, с его точки зрения, языку и соответствующей культурной идентичности. При обсуждении причин этого «отказа» от коми языка с респондентами из фокус-группы некоторые из них заявили, что всему виной – отсутствие поддержки коми языка со стороны государства, а также постоянные негативные изменения в системе образования, касающиеся коми языка как школьного предмета.

Говоря о комплексе культурной неполноценности у коми, мы можем наблюдать характерное его проявление – языковое стеснение. Собранные нами данные позволяют говорить о нем как об аффективном комплексе, включающем в себя также элементы стыда и боязни. Однако сами носители языка, равно как и региональные СМИ, касаясь этого комплекса, называют его именно «стеснением».

Рассуждая о возможных причинах этого феномена, Е.А. Кондрашкина указывает на последствия политики русификации 1960–1980-х гг.: «Национальные языки были низведены до положения языков семейно-бытового общения, они стали считаться ненужными, не престижными, на них даже стеснялись говорить при людях, развился языковой нигилизм» [Кондрашкина, 2018].

К сожалению, языковому стеснению посвящено относительно немного научных публикаций. Все эти исследования к тому же описывают отличающиеся друг от друга социолингвистические ситуации. Отметим среди них работу Шивы Мотагхи-Табари, где она приводит случай ребенка-респондентки, которая призналась, что стесняется говорить на родном языке (фарси), так как не хочет показаться «странной». Ссылаясь на другого исследователя, Мотагхи-Табари отмечает, что чувства стыда и неполноценности связанные с языком, являются психологическими последствиями глобального господства английского

языка [Piller, 2016, as cited in Motaghi-Tabari, 2016: 205]. Таким образом, исследовательница связывает это с восприятием моноязычия как единственной нормы.

Языковое стеснение у коми, как нам представляется, может возникать не только как следствие негативного опыта общения (языковой дискриминации), но и в результате передачи этого опыта внутри языковой группы и принятия господствующих в обществе моноязычных установок. Это может порождать чисто субъективное (необоснованное) ощущение или представление о «чужеродности» собственного языка в пространствах, где доминирует иной язык.

Респондентка *L* рассказала, что стала сильно стесняться родного языка после переезда из села в город и поступления в колледж: «Я даже заговорить с людьми первое время боялась, так как не хотела портить первое впечатление о себе из-за акцента. А потом это, видимо, как-то закрепилось в голове и теперь я стараюсь не говорить на коми при посторонних людях». Мы поинтересовались, почему акцент, в ее представлении, мог испортить впечатление о ней, на что респондентка ответила: «У многих людей негативное отношение к акценту и чужим языкам. <...> наверное, просто не хотела показаться какой-то деревенщиной».

В ходе диалога удалось выяснить, что респондентка, используя коми язык в общественных местах, испытывает «что-то между стыдом, страхом и стеснением»: «Как-то на работе к нам в магазин зашла сестра моей матери, ну и начала говорить со мной на коми, а никто [из коллег] даже и не знал, что я коми, мне стало очень стыдно и как-то страшновато, а тетя это заметила и сама перешла на русский».

Говоря о причинах своего стыда и стеснения, она сообщила: «Ну, я уже сказала, что многие негативно относятся к чужому языку. А так, я не могу объяснить, но, наверное, я просто боюсь, что обо мне подумают другие». Девушка пояснила, что эта боязнь заключается в нежелании выглядеть «чужой в глазах других людей», то есть в глазах русскоязычного большинства. Вполне очевидно, что респондентка осознает как моноязычные установки общества (коми язык как маркер «чужого»), так и «непрестижность» коми языка («не хотела показаться какой-то деревенщиной»). По всей видимости, языковое стеснение связано с желанием избежать негативных ассоциаций с селом и сельской социализацией, с которыми, в свою очередь, коннотируется коми язык.

Как и в случае с респондентом *J* и молодыми сельскими коми из предыдущего рассказа, мы можем отметить здесь ощущение неполноценности, которое девушка испытывает в отношении собственной культуры и ее важной части – коми языка. Более того, исходя из описания реакции тети, можно предположить, что у некоторых носителей коми

языка формируются поведенческие коды, которые помогают распознавать языковое стеснение и переключаться с коми языка на русский.

В ходе разговора респондентка также отметила сокращение числа носителей коми языка в деревнях: «сейчас уже мало кто говорит на коми, только старики, мои племянники в деревне вообще не говорят на нем». Похожие сведения сообщали и некоторые респондентки из фокус-группы.

В своей книге «Цвет языка: акцент, девальвация и сопротивление в жизни латиноамериканских иммигрантов в Канаде» Патриша Томик отмечает: «Лингвицизм порождает дискурсивное сознание двоичного противостояния между Я и Другим, где носитель языка, Я, представляет собой самоочевидную норму, к которой стремится неродной носитель языка, Другой. Для Другого достижение статуса Я – статуса носителя языка – является процессом самоуничтожения» [цит. по: Gouma, 2020: 80]. Это описание не вполне соответствует культурной и языковой специфике региона, так как коми, как правило, уже являются носителями русского языка. Но предложенная схема хорошо описывает саму ситуацию, в которой носитель коми языка, сталкиваясь с психологическими, социальными и коммуникативными проблемами, частично или даже полностью отказывается от языка, что в конечном счете влияет и на его самоидентификацию.

Эту схему иллюстрируют и собранные нами истории. Респондент *М* – носитель коми языка и выходец из коми семьи, но к коми себя не относит, т. к. те «давно ассимилировались и стали русскими, основное отличие – только в языке». По его высказываниям можно предположить, что он не воспринимает это как нечто абсолютно негативное: «С одной стороны, это, конечно, плохо, а с другой, я, как и многие, считаю себя русским и говорю большую часть своего времени на русском языке, а не на коми».

Респондент продолжает общаться на коми с родственниками и некоторыми друзьями. Но использование языка в присутствии русскоязычных людей сопровождается чувством сильного стеснения: «До сих пор стыжусь говорить на коми, хоть и не особо [молодой] уже. Когда рядом незнакомые люди, а я говорю с кем-нибудь из родни по телефону на коми, то начинаю думать о том, что они там себе напредставляли. Короче, до жути стесняюсь коми языка». Говоря о причинах своего стеснения, респондент отметил: «Ну я же знаю, что коми не совсем стандартно звучит, это же не английский какой-нибудь. Когда те же цыгане на своем языке начинают говорить, у всех же сразу возникает понимание, что это какие-то [чужие люди]. <...> Да и это же с детства идет, отношение к деревенским у городских не очень адекватное, там постоянно “комяками” называют и так далее». Этот случай интересен тем, что респондент сам затрагивает тему языкового престижа, где коми язык ввиду своего

«нестандартного» звучания является маркером «чужого» в представлении «мы – они». Вполне очевидно, что комплекс культурной неполноценности привел респондента к предпочтению «русской» идентичности, но в то же время он продолжает проявляться как стесение при использовании коми языка и как страх показаться «чужим» для «своих».

Респондентка *N* также сообщила, что стесняется при посторонних говорить на коми: «Не знаю, как объяснять это чувство. Скорее, это стеснение, оно постоянно возникает, когда говорю с родственниками на коми, а рядом находятся незнакомые люди. <...> Даже при друзьях с работы не говорю на нем». Причин своего стеснения она назвать не смогла, но отметила: «Наверное, просто стыжусь или боюсь чего-то, не знаю». При этом респондентка рассказала историю, случившуюся с ее братом: «[Он] поехал в Архангельск на работу и в последний день звонит мне и говорит на каком-то смешном и слащавом русском, хотя мы всегда друг с другом говорим на коми языке, ну я сразу поняла, в чем дело, что рядом там кто-то с ним стоит. Потом он приезжает, и я у него спросила об этом, а он сказал, что рядом охранники с его предприятия стояли, поэтому и говорил так». Респондентка объяснила, что у ее брата очень сильный акцент, так как он всю жизнь живет в деревне, поэтому он говорил «как-то протяжно и неестественно», что ей и показалось смешным.

К сожалению, брат респондентки отказался говорить с нами на эту тему. По ее мнению, он боялся показаться «нерусским» на своей работе. На наш взгляд, эта боязнь показаться «чужим», как и в других рассмотренных нами случаях, тесно связана с комплексом культурной неполноценности и моноязычными установками в обществе. В ситуации Республики Коми этот комплекс включает в себя представление о существовании некоего культурного и языкового эталона в образе «русского». Несоответствие ему, в данном случае языковое, несет в себе не вполне осознаваемую угрозу «самости».

Всё это подводит нас к мысли о необходимости проведения дальнейших исследований языкового стеснения и комплекса культурной неполноценности у коми с, насколько это возможно, более репрезентативной выборкой, которая позволит наиболее полно раскрыть их природу.

Заключение

В книге «Черная кожа, белые маски» (1952) Франц Фанон описывает проблематичные отношения колонизированных жителей Антильских островов с языком. Местная буржуазия избегает диалектов, а в школах учат презирать «креолизмы». Приехав в крупный французский город, чернокожие утрированно грассируют, желая опровергнуть миф о том,

что они «проглатывают» звук [г]. А прожив некоторое время в метрополии, антилец преображается, говорит исключительно на французском, перестает воспринимать местные наречия и критически относится к соотечественникам.

Подобное поведение Фанон объясняет опытом колониального насилия: «Каждый колонизированный народ – то есть каждый народ, оригинальная местная культура которого была подавлена и похоронена, народ, которому был навязан комплекс неполноценности, – попадает в ситуацию прямого контакта с языком цивилизации, с культурой метрополии. Чем лучше колонизированный усваивает культурные нормы метрополии, тем больше он отдаляется от своих джунглей. Отказываясь от своей чернокожести, от своей принадлежности к джунглям, он становится белее» [Фанон, 2020]. Применительно к языку эта формула выглядит так: «Чем лучше чернокожий с Антильских островов говорит по-французски, тем он белее, то есть ближе к полноценному человеку» [Там же].

В своем исследовании мы рассматривали языковую дискриминацию как форму доминирования, связанную с моноязычными установками в обществе. В ситуации Республики Коми эти установки выражаются в восприятии русского языка как единственно возможной нормы. Собранные нами свидетельства не только подтверждают существование дискриминационных практик в отношении языкового меньшинства, но и указывают на наличие у некоторых его представителей комплекса культурной неполноценности, который имеет различные проявления: языковое стеснение вплоть до полного отказа от родного языка, дискриминирующее поведение в отношении других носителей коми, а также представления об этнокультурных иерархиях и языковом престиже. Все это встраивается в набор оппозиций «мы – они» или «свой – чужой», подкрепляется ими и воспроизводит их. В отсутствие полноценной государственной поддержки коми языка, которая дала бы его носителям ощущение его престижности и ценности, они в той или иной степени отказываются от него и мимикрируют под моноязычное большинство.

Истории наших респондентов поразительно напоминают описанные Францем Фаноном реалии колонизированных Антил. Чернокожий антилец бежал из джунглей в метрополию и пытался стать «белее», оттачивая «правильное» французское произношение. Коми бегут от самих себя, стремясь приблизиться к «полноценному» человеку, избавляясь от любых маркеров, способных выдать в них «чужого» или выходца села – то есть скрывая акцент и предпочитая русский язык. Масштабы этого «бегства» мы не беремся оценивать за недостатком статистических данных[17]. Их еще предстоит изучить, применяя

[17]Н.П. Миронова и Я. Янитс приводят данные всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. Первая из них выявила падение уровня владения коми языком в связи с распространением городского образа жизни (коми

количественные методы. Но рассказы респондентов в рамках нашего сугубо качественного исследования красноречиво указывают на существование самих феноменов.

Литература

Бурдье П., Пассрон Ж.-К. (2007) Воспроизводство: Элементы теории системы образования. М.: Просвещение. 267 с.

Кондрашкина Е.А. (2018) Влияние психологического фактора на витальность языка // Вопросы психолингвистики. № 3 (37). С. 22–35. DOI: 10.30982/2077-5911-2018-37-3-22-35.

Майер М. (2021) Заявления о притеснении коми народа со стороны судьи являются абсурдными – председатель Сыктывкарского суда Надежда Сарвилина. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://komiinform.ru/news/211147/. Дата обращения: 07.02.2022.

Миронова Н.П., Янитс Я. (2012) Коми язык, этническая самоидентификация и вопросы региональной политики в Республике Коми: Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под. ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН. 641 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://static.iea.ras.ru/books/Etnopol_situaziya_2011.pdf. Дата обращения: 17.02.2022.

Правосудие без коми / Vox Vitae. (2021) [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=9bPP3FEQdmk&ab_channel=%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0. Дата обращения: 07.05.2021.

Фанон Ф. (2020) Черная кожа, белые маски // НЛО. № 1 (161). [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21969/. Дата обращения: 08.05.2021.

Gogolin, I. (1997) The “monolingual habitus” as the common feature in teaching in the language of the majority in different countries. Per Linguam. Vol. 13. № 2. Pp. 38–49. Available at:https://pdfs.semanticscholar.org/a450/d34cfd6668da448f20a37af34ef53a46b171.pdf. Access date: 17.02.2022. (In Eng.)

Gouma, A. (2020) Migrantische Mehrsprachigkeit und Öffentlichkeit: Linguizismus und oppositionelle Stimmen in der Migrationsgesellschaft. Springer VS. 238 p. DOI:10.1007/978-3-658-30869-8.

Hu, Y. (2014) The impact of cultural cringe on consumer behavior in China. Open Access Master's Theses. 39 p. Available at: https://digitalcommons.uri.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1452&context=theses. Access date: 05.05.2021. (In Eng.). DOI: 10.23860/thesis-hu-yue-2014.

Motaghi-Tabari, S. (2016) Bidirectional Language Learning in Migrant Families. PhD Thesis. Sydney, Macquarie University. 292 p. Available at: https://www.languageonthemove.com/wp-content/uploads/2017/03/Thesis_Shiva_Motaghi-

языком на территории региона на тот момент владели 78,1 % титульной этнической группы). По результатам переписи 2010 года 40 % лиц, назвавших себя коми, указали родным языком русский [Миронова и др., 2012: 217]. Авторы ссылаются также на данные массового опроса 2004 года, свидетельствующие о снижении функционального значения коми языка среди молодежи: «25% среди коми молодежи общается с родителями только на русском языке, 30% – чаще на русском, и только 10% – на обоих языках. Более активно молодые люди используют коми язык в общении со старшими родственниками – бабушками и дедушками, с которыми в 2 раза реже используют только русский язык и чаще общаются на обоих языках» [Там же: 218].

Tabari_BidirectionalLanguageLearning.pdf. Access date: 10.05.2021.

Skutnabb-Kangas, T. (2000) Linguistic genocide in education – Or worldwide diversity and human rights? Mahwah, NJ: Erlbaum. 824 p

Skutnabb-Kangas, T. (2015) Linguicism. The Encyclopedia of Applied Linguistics. Malden, MA: Blackwell. Available at: http://www.tove-skutnabb-kangas.org/dl/310-Skutnabb-Kangas-Tove-2015-Linguicism-Encyclopedia-of-Applied-Linguistics-Blackwell.pdf. Access date: 17.02.2022. (In Eng.). DOI:10.1002/9781405198431.wbeal1460.

Uekusa, S. (2019) Disaster linguicism: Linguistic minorities in disasters. Language in Society, 48(3), pp. 353 — 375. Available at: https://www.cambridge.org/core/journals/language-in-society/article/disaster-linguicism-linguistic-minorities-in-disasters/64F90D7B92E953BC719B0080986DD821# Access date: 17.02.2022. DOI:10.1017/S0047404519000150.

References

Burdieu, P., Passeron, J.-C. (2007) Vosproizvodstvo: Elementy teorii sistemy obrazovaniya [Reproduction: Elements for a theory of the teaching system]. Moscow, Prosveshchenie. 267 p. (In Russ.)

Kondrashkina, E.A. (2018) Vliyanie psihologicheskogo faktora na vital'nost' yazyka [The Influence of the psychological factor on the vitality of language] // Voprosy psiholingvistiki, Issue 3 (37), pp. 22–35. (In Russ.). DOI: 10.30982/2077-5911-2018-37-3-22-35.

Maier, M. (2021) Zayavleniya o pritesnenii komi naroda so storoni sudi yavlyayutsya absurdnimi - predsedatel Siktivkarskogo suda Nadezhda Sarvilina [Claims of oppression of the Komi people by a judge are absurd - Nadezhda Sarvilina, chairwoman of the Syktyvkar court]. Available at: https://komiinform.ru/news/211147/ . Access date: 07.02.2022.

Mironova, N.P., Yanits, Ya. (2012) Komi yazyk, etnicheskaya samoidentifikaciya i voprosy regional'noj politiki v Respublike Komi [The Komi language, ethnic identity, and regional policy issues in the Komi Republic]. Etnopoliticheskaya situaciya v Rossii i sopredel'nyh gosudarstvah v 2011 godu. Ezhegodnyj doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov / Pod. red. V.A. Tishkova i V.V. Stepanova. [Ethnopolitical situation in Russia and neighboring countries in 2011. Annual report of the Network of Ethnological Monitoring and Conflict Early Warning / V.A. Tishkov and V.V. Stepanov (eds.)]. Moscow, IEA Russian Academy of Sciences. 641 p. Available at: http://static.iea.ras.ru/books/Etnopol_situaziya_2011.pdf. Access date: 17.02.2022. (In Russ.)

Pravosudie bez komi / VoxVitae. (2021) [Justice without Komi / VoxVitae]. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=9bPP3FEQdmk&ab_channel=%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0). Access date: 07.05.2021. (In Russ.)

Fanon, F. (2020) Chernaya kozha, belye maski [Black skin, white masks]. NLO, Issue 1 (161). Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21969/. Access date: 08.05.2021. (In Russ.)

Gogolin, I. (1997) The “monolingual habitus” as the common feature in teaching in the language of the majority in different countries. Per Linguam. Vol. 13, no. 2, pp. 38 – 49. Available at: https://pdfs.semanticscholar.org/a450/d34cfd6668da448f20a37af34ef53a46b171.pdf. Access date: 17.02.2022. (In Eng.)

Gouma, A. (2020) Migrantische Mehrsprachigkeit und Öffentlichkeit: Linguizismus und oppositionelle Stimmen in der Migrationsgesellschaft. Springer VS. 238 p. (In Germ.). DOI:10.1007/978-3-658-30869-8.

Hu, Y. (2014) The impact of cultural cringe on consumer behavior in China. Open

Access Master's Theses. 39 p. Available at: https://digitalcommons.uri.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1452&context=theses. Access date: 05.05.2021. (In Eng.). DOI: 10.23860/thesis-hu-yue-2014.

Motaghi-Tabari, S. (2016) Bidirectional Language Learning in Migrant Families. PhD Thesis. Sydney, Macquarie University. 292 p. Available at: https://www.languageonthemove.com/wp-content/uploads/2017/03/Thesis_Shiva_Motaghi-Tabari_BidirectionalLanguageLearning.pdf. Access date: 10.05.2021. (In Eng.)

Skutnabb-Kangas, T. (2000) Linguistic genocide in education – Or worldwide diversity and human rights? Mahwah, NJ: Erlbaum. 824 p. (In Eng.)

Skutnabb-Kangas, T. (2015) Linguicism. The Encyclopedia of Applied Linguistics. Malden, MA: Blackwell. Available at: http://www.tove-skutnabb-kangas.org/dl/310-Skutnabb-Kangas-Tove-2015-Linguicism-Encyclopedia-of-Applied-Linguistics-Blackwell.pdf. Access date: 17.02.2022. (In Eng.). DOI:10.1002/9781405198431.wbeal1460.

Uekusa, S. (2019) Disaster linguicism: Linguistic minorities in disasters. Language in Society, 48(3), pp. 353 — 375. Available at: https://www.cambridge.org/core/journals/language-in-society/article/disaster-linguicism-linguistic-minorities-in-disasters/64F90D7B92E953BC719B0080986DD821# Access date: 17.02.2022. (In Eng.). DOI:10.1017/S0047404519000150.

Юлдашев Игорь Олегович – студент Института культуры и искусства СГУ им. Питирима Сорокина.
Адрес: 167001, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, пр-т Октябрьский, д. 55 а.
Эл. адрес: stillerbund13@gmail.com

Вокуев Николай Евгеньевич – кандидат культурологии, докторант Университета Квебека в Труа-Ривьере.
Адрес: Канада, Квебек G8Z 4M3, Труа-Ривьер, Бульвар де Форжи 3351.
Эл. адрес: nevokuev@gmail.com

Для цитирования: Юлдашев И.О., Вокуев Н.Е. Языковое доминирование и комплекс культурной неполноценности у носителей коми языка (случай г. Сыктывкара) [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2022. № 4 (12). С. 170–187. DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-170-187

For citation: Yuldashev, I.O., Vokuev, N.E. Linguistic dominance and cultural inferiority complex among Komi language speakers (the case of Syktyvkar) [online] // Sociolinguistics. 2022. No. 4 (12). Pp. 170–187. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-170-187

ЗАМЕТКИ ДИСКУССИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО КЛУБА ПО ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ

NOTES OF THE ANALYTICAL DISCUSSION CLUB ON LANGUAGE POLICY

УДК 81'272 DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-188-197

СЕМНАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ ДИСКУССИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО КЛУБА ПО ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ
(Москва, Институт языкознания РАН, 19 апреля 2022 г.

THE SEVENTEENTH MEETING OF THE ANALYTICAL DISCUSSION CLUB ON LANGUAGE POLICY
Moscow, Institute of Linguistics, RAS, 19 April, 2022

19 апреля 2022 г. в Институте языкознания РАН состоялось семнадцатое заседание Дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике, которое прошло в онлайн-формате на платформе Zoom. На заседании с докладом на тему «Угроза исчезновения языков и их документация в Бразилии» выступил *Денни Мур*, музей Эмилио Гёльди в штате Пара.

В начале заседания Андрей Александрович Кибрик, д.ф.н., директор Института языкознания РАН, заведующий отделом типологии и ареальной лингвистики и сектором ареальной лингвистики, представил докладчика. Денни Мур – американский лингвист и антрополог. Он начал свою деятельность в 1970-х годах с языка гавиану в штате Рондония в Бразилии, о котором написал докторскую диссертацию. Сейчас Денни Мур работает в музее Эмилио Гёльди в штате Пара и изучает различные языки Бразилии, большинство из которых принадлежат к языковой семье тупи, их диахронию и социолингвистическую ситуацию. Особое внимание он уделяет развитию научного изучения языков коренных народов Бразилии посредством подготовки бразильских студентов и расширения возможностей бразильских учебных заведений. Еще одним приоритетом в его работе является практическая помощь общинам коренных народов, включая участие в национальных программах по изучению родных языков и реализации проектов по документации на местах. Именно с этой темой и был связан доклад Денни Мура, который носил общий характер и познакомил слушателей с языковой ситуацией в Бразилии в целом, с историей коренных народов, их контактов с европейцами и последствиями этих контактов, а также с историей изучения коренных языков в Бразилии. Кроме того, речь шла о нынешнем положении

коренных народов и их языков, о языковой документации в Бразилии и о потребностях общин коренных народов.

Денни Мур начал свой доклад с вводной информации. Площадь Бразилии примерно равна площади США или Китая и в 2,5 раза больше площади Индии. Численность населения составляет около 212 млн человек, при этом численность коренного населения составляет около 1 млн человек. Экономика страны находится на 8 или 12 месте в мире, в зависимости от того, как считать. В Бразилии наблюдается большая разница между северной и южной частями страны. На юге контакты с европейцами были активными, а в первой половине XX в. европейская эмиграция особенно усилилась. Много людей эмигрировало из Германии, Италии, Японии. Север страны был дольше и до некоторой степени и сейчас остается более изолированным от европейцев, и по данным генетических исследований, большая часть населения этого региона является коренной.

Докладчик подробнее рассказал о музее Эмилио Гёльди, в котором работает. Это научно-исследовательский институт Министерства науки, технологий и инноваций Бразилии, который занимается исследованиями в Амазонии в сфере биологии, ботаники, зоологии и гуманитарных наук. Он находится в городе Белен с населением более миллиона человек и существует уже более 150 лет. Лингвистическое отделение музея делает упор на полевой работе. Сотрудники анализируют и описывают фонетику, фонологию, синтаксис и историю коренных языков. Кроме того, институт оказывает практическую поддержку коренным группам населения, направленную на повышение грамотности на родном языке, альтернативные экономические проекты, помощь с правами на землю, ревитализацию языков. Денни Мур назвал и некоторые другие направления деятельности лингвистического отделения: языковые исследования, участие в национальных программах по языкам, языковая документация и архивирование, обучение студентов и представителей сообщества (особенно полевым методам), национальное и международное сотрудничество.

Затем докладчик рассказал о том, как получить разрешение на исследование в Бразилии, и о процедурах, предусмотренных для исследователей, в том числе для получения доступа на земли коренных народов. Это сделано для того, чтобы предотвратить эксплуатацию этих народов. Нужно написать соответствующий запрос, который с помощью экспертной оценки рассматривает Национальный совет по исследованиям и развитию. Если ваше заявление отклонили, можно подавать апелляцию до трех раз. Если вашу заявку приняли, она отправляется в Национальный фонд индейцев, который консультируется с сообществом и выдает разрешение. Иностранные исследователи должны подавать заявку через отдел по международному сотрудничеству Национального совета по исследованиям и развитию. Необходимо, чтобы были

принимающее учреждение и принимающий ученый в Бразилии, которые будут руководить исследователем и организуют хранение копии его данных в Бразилии. Одним из критериев для оценки этого запроса является то, каковы преимущества для коренных сообществ и какую пользу проект принесет развитию науки в Бразилии. Это исключает случаи, когда исследователи просто хотят собрать для себя данные и уехать.

Денни Мур перешел к описанию языковой ситуации в Бразилии до контакта с европейцами. По одной из оценок, в то время в Бразилии проживало 5–7 млн коренных жителей. Заселение этих территорий людьми произошло по меньшей мере 12000 лет назад. Общее направление расселения шло с запада на восток. Самая старая керамика в западном полушарии была найдена около реки Амазонки, ей 8000 лет. Одомашнивание маниоки произошло около 6000 лет назад, возможно в западной части Рондонии. Существуют свидетельства наличия торговых сетей и дорог еще до контакта с европейцами. Ранние исследователи сообщали о больших деревнях вдоль реки Амазонки.

Первый контакт с европейцами произошел в 1500 г., а в 1532 г. в Бразилии уже появилось первое португальское поселение. С конца XVI в. до середины XVIII в. иезуиты контролировали большую часть коренного населения и для этого изучали язык тупинамба. В первый век колонизации было много войн между группами коренного населения, между португальцами и коренным населением, между португальцами, французами и датчанами. В результате сильно изменилась экономика: в конце XVII в. уменьшилось производство сахара, а в Минас-Жерайс нашли золото. Амазония, называвшаяся Гран-Пара, была колонизирована позже остальной Бразилии. В 1822 г. Бразилия провозгласила независимость от Португалии. Это закончилось диктатурой Жетулиу Варгаса в 1930–1945 гг. Затем была военная диктатура с 1968 по 1985 г. С 1985 г. в Бразилии установилась демократия. С 2018 г., во время правления Болсонару, возросло число вторжений в земли коренных народов. В Национальном фонде индейцев стали преобладать интересы лесозаготовительных, горнодобывающих и скотоводческих предприятий, а также миссионеров.

На примере народа суруи-пайтер Денни Мур рассказал о том, к чему может привести некомпетентный контакт с коренными народами. Первый контакт с пайтер состоялся в 1969 г., и уже через несколько месяцев представители этого сообщества начали массово умирать от привнесенных европейцами болезней. При этом должной медицинской помощи им не оказывалось. В итоге этническая группа сократилась на две трети.

Далее докладчик кратко рассказал об истории изучения коренных языков Бразилии. Первая описание языка тупинамба было проделано иезуитами по латинскому образцу из практической необходимости учить язык. В 1595 г. была опубликована грамматика языка

тупинамба. В конце XIX – начале XX в. описательная работа проводилась любителями, в основном путешественниками. Научные исследования начались во второй половине XX в. В 1961 г. был основан лингвистический сектор в Национальном музее Рио-де-Жанейро. В течение многих лет исследование коренных языков проводилось в Национальном музее и в Государственном университете Кампинаса. Летний институт лингвистики заключил соглашение с Национальным музеем в 1956 г. и доминировал в области документации до 1981 г., когда соглашение было отменено. Сейчас Летний институт сотрудничает с миссионерами, но не с светскими лингвистами. В конце 1980-х гг. исследование коренных языков стало проводиться в других университетах, а также в музее Гёльди. В 1986 г. Арион Родригес издал книгу о языках Бразилии, которая стала одной из первых в своем роде. Однако в ней языки путались с этническими группами, а число говорящих с численностью этнической группы.

Начиная с конца 1980-х гг. многие бразильские студенты лингвистических специальностей поступали на докторские программы в зарубежные университеты. Многие лингвисты приезжали в Бразилию и способствовали развитию исследования коренных языков. Сейчас существует девять бразильских университетов, где можно заниматься исследованием коренных языков в качестве докторской диссертации.

Можно сказать, что изучение различных языков Амазонии в разных странах расцвело за два последних десятилетия (или в два последние десятилетия). Тренды в области теоретической лингвистики в Бразилии включают разнообразные направления: генеративизм, функционализм, типология, диахроническая лингвистика. Коренные языки Бразилии типологически очень разнообразны. Одни довольно изолированные, другие более полисинтетичны. Распространены интересные феномены назализации. Существуют языки с тонами (в основном с системой из двух тонов).

Денни Мур представил приблизительное число существующих языков в Бразилии в соответствии с языковыми семьями. К предполагаемой макросемье макро-же относится 20 языков. Языки тупи делятся на две группы: языки тупи-гуарани (22 языка) и тупи-не-гуарани (19 языков). Аравакских языков 18, карибских 19, паноанских 14, туканских 12. В каждой из оставшихся семей меньше 10 языков. А всего в Бразилии насчитывается 159 коренных языков.

По оценкам докладчика на 2008 г. 29 языков не были описаны лингвистами совсем, по 44 языкам были диссертации и отдельные статьи, у 57 языков было более полное описание, а по 20 языкам были написаны фундаментальные грамматики. Эти очень примерные данные показывают, что на тот момент почти 90% языков было так или иначе исследовано.

Кроме того, Денни Мур работал над уточнением статуса витальности языков и

крупных диалектов. Он проверил все опубликованные цифры и проконсультировался со специалистами по языкам. Подсчеты показали, что у 21% языков утрачена межпоколенческая передача и осталось меньше 10 носителей, а 31% языков находится под угрозой исчезновения и требует срочной документации. Кроме того, были обнаружены и новые языки, что вполне естественно, поскольку в Бразилии остаются еще этнические группы, с которыми не было контактов. Исследования, проводившиеся до этого, приводили искаженные оценки количества носителей, которые потом повторялись из публикации в публикацию. Из-за широко распространенных неверных данных статус витальности языков был сильно завышен в течение десятилетий.

Одной из возможностей получить более достоверные данные была всеобщая перепись 2010 г. Было решено добавить вопросы про язык в переписной лист. В рабочей группе по переписи было три лингвиста. Денни Мур представлял Министерство науки, технологий и инноваций. Необходимо было учесть несколько проблем. Одна проблема заключалась в понимании и соотношении понятий «язык», «диалект» и «этническая группа». Другая проблема связана с тем, что названия и групп, и языков имеют разные варианты, в том числе разные варианты написания. Денни Мур составил адаптированный список коренных языков Бразилии, в котором для каждого языка указывались языковая семья, к которой он относится, этнические группы, говорящие на этом языке, а также варианты названия языка, названия диалектов, деревень и кланов. Список содержал 150–160 языков. Однако, несмотря на проделанную работу, данные переписи оказались все равно искаженными, в том числе потому что в ряде случаев языки и этнические группы были перепутаны. В итоговом отчете было указано, что в Бразилии 274 коренных языка, для некоторых из них было указано нереалистичное количество носителей.

Был и другой шанс уточнить языковую ситуацию в Бразилии: в 2006 г. была сформирована рабочая группа для проведения исследования, посвященного языкам Бразилии, в том числе жестовым и языкам иммигрантов. Исследование проводил Национальный институт исторического и художественного наследия Министерства культуры. Языки оказались в ведении отдела нематериальной культуры, у сотрудников которого не было опыта работы с языками. Поэтому в рабочую группу были приглашены три лингвиста, среди которых был Денни Мур. К 2008 г. после долгих споров мы пришли к некоторому списку параметров, по которым нужно было описывать языки. Среди них были и следующие: различные варианты названия языка, количество носителей и полуносителей по возрастам, генеалогическая информация, сферы использования языка, есть ли ревитализационные проекты, уровень грамотности, фольклор и литература, аудио- и

видеоконтент, документация, исследования языка, публикации о языке. По мнению докладчика, было реалистично провести такое исследование за два года, охватив все языки Бразилии, как и было заложено в изначальной идее. Но у Национального института не было опыта в подобных масштабных исследованиях, не было выработано заранее общей процедуры для всех исследовательских групп. Поэтому пилотные проекты сильно различались по стоимости, а их результаты оказались несопоставимыми. Дальнейшая работа над анкетой велась в сторону уменьшения вопросов, но Бразильская лингвистическая ассоциация добилась того, чтобы вернуть такие параметры, как количество носителей и полуносителей по возрастам (на всем ареале распространения языка, а не только в некоторых населенных пунктах), сохранность межпоколенческой передачи и другие. Хотя эти параметры вернули в опросы, их сделали необязательными. Несмотря на эти изменения, Денни Муру с коллегами удалось провести полноценное исследование в Рондонии с учетом всех релевантных параметров. Кроме того, они уточняли приоритетные для самого сообщества направления сохранения и развития языка, среди которых назвали стандартизацию письменности и создание письменного контента, а также документацию.

Важную роль в развитии документации в Бразилии сыграли международные проекты: программа DoBeS (6 проектов), ELDP (23 проекта), Национальный научный фонд США и различные гранты других фондов. Затем была предложена государственная программа по документации PRODOCLIN. Программа состояла из трех этапов: 2009 г. – документация и описание 13 коренных языков; 2013 г. – составление учебных грамматик для 5 коренных языков; 2017 г. – документация и составление онлайн словарей для 12 коренных языков приграничных регионов Бразилии. В ходе реализации этой программы было обучено документации много представителей сообщества и студентов. Денни Мур привел пример успешной документации языка пайтер силами сообщества.

На сегодня задокументировано около 66 коренных языков Бразилии и в какой-то момент остро встал вопрос, как хранить собранные данные. Было принято решение развивать цифровые архивы в Бразилии. Дополнительным стимулом для этой работы стал пожар Национальном музее в Рио-де-Жанейро в 2018 г., в котором были потеряны все хранившиеся там материалы. В настоящее время в Бразилии есть два цифровых архива: в Музее Гёльди и в Музее индейцев. Работа над проблемой онлайн доступа еще ведется.

В завершении доклада Денни Мур уделил внимание воздействию социальных факторов на сохранность языков, поскольку то, что происходит с языками, неразрывно связано с тем, что происходит с людьми, говорящими на них. Например, незаконная добыча ископаемых на территориях проживания коренных народов приносит болезни, загрязнение и

экономический упадок. Необходимо найти устойчивую экономическую альтернативу, например, производство масла копайбы. Необходимо также обучать коренное население ведению проектов и лесному хозяйству. Кроме того, важно создавать архивы в региональных музеях, чтобы языковые данные были более доступны представителям сообществ. Нужно уменьшать давление миссионеров на коренное население, в результате которого теряются ритуалы, традиции и с ними традиционные формы использования языка.

Переходя к вопросам, *Андрей Александрович Кибрик* отметил удивительное сходство языковой ситуации в Бразилии и в России, вплоть до совпадения в оценках количества языков. Андрей Александрович подчеркнул, что в России можно многое почерпнуть и применить из Бразильского опыта.

Хозе Антонио Флорес Фарфан, ученый из Центра исследований в области социальной антропологии (CIESAS) из Мексики, занимающийся документацией и ревитализацией языков коренных народов, попросил рассказать подробнее о том, связаны ли программы по документации и ревитализации и есть ли успешные программы по ревитализации в Бразилии на данный момент.

Данных непосредственно по ревитализации у Денни Мура не было, но он отметил, что документационные материалы используются сообществами. Однако, количественную оценку оказываемого эффекта дать невозможно. Затем Денни Мур привел ряд примеров, показывающих роль проектов по документации или собранных материалов в процессах, происходящих в сообществах. Так, в результате одного из проектов, гавиану вернулись к производству керамических изделий.

Отвечая на вопрос о программах по ревитализации, Денни Мур рассказал о проекте по ревитализации языка пурубора своей коллеги Аны Виласи Галусио. И высказал предположение, что документационных проектов в Бразилии сейчас больше под влиянием того тревожного факта, что языки исчезают. В то же время Денни Мур рассказал о случаях ревитализации языка в сообществах, не связанных с каким-либо внешним проектом.

Денни Мур отметил, что можно говорить еще об одном эффекте документации: в рассказах людей могут проявиться какие-то значимые события или реалии из прошлого, которые могли быть забыты. А через документацию эта информация становится открытой, в том числе для молодых поколений, которые могут более полно и более живо почувствовать культуру и историю своего народа, узнать, как была устроена традиционная жизнь. Это также повышает престиж культуры и языка. Например, в сообществе пайтер есть запрос включить документационные материалы в школьную программу. Следуя одному из предложений от представителей пайтер, Денни Мур собирается получить все необходимые

разрешения и выложить 110 часов записи на YouTube канале.

Ольга Анатольевна Казакевич, к.ф.н., заведующая Лабораторией исследования и сохранения малых языков Института языкознания РАН, задала вопрос о наличии доступа к сети Интернет в тех местах, где живет коренное население Бразилии. В какой степени языки коренного населения Бразилии представлены в сети Интернет?

Денни Мур рассказал, что доступ к сети в целом у людей есть. Смартфоны широко распространены, особенно среди молодежи. При этом в некоторых регионах молодежь владеет португальским языком в меньшей степени, чем старшее поколение. Таким образом, в Бразилии есть условия для того, чтобы увеличивать видимость языков в сети, что в целом имеет хороший эффект. Например, материалы, которые планируется опубликовать на платформе YouTube, пайтер планируют использовать на занятиях в школах, где есть доступ к сети Интернет. Кроме того, в сети довольно много материалов, созданных самими представителями сообщества. Что касается представленности именно документационных материалов, то сейчас разрабатывается система доступа к электронным архивам, в том числе решаются юридические аспекты этой задачи. Централизованного решения этого вопроса нет.

Мандана Сейфеддинипур, лингвист и директор Программы по документации языков, находящихся под угрозой исчезновения, и Архива языков, находящихся под угрозой исчезновения, в Берлинско-Бранденбургской академии наук, подсветила проблему того, что часто грамматики языков написаны на английском языке и стоят очень дорого. В то же время грамматика не всегда бывает актуальна для сообщества, чаще востребованы документационные материалы. Программа ELDP финансирует проекты для тех языков, для которых есть грамматика, но нет аудио- и видеозаписей с представителями сообщества. В Бразилии как раз много языков, для которых нет таких материалов. Если найдутся люди, готовые заниматься документацией этих языков, то ELDP может финансировать подобные проекты. Что необходимо сделать, чтобы поддержать эту работу?

Денни Мур ответил, что может составить список таких языков, исходя из той информации, которая собиралась ранее. Точных данных по современному состоянию нет ни у кого.

Мандана уточнила, что хотела бы опубликовать сообщение на сайте ELAr со списком языков с предложением подавать заявки на проекты, потому что к ним часто обращаются студенты с вопросом, каким языком лучше заняться.

Денни Мур отметил, что проекты ELDP очень популярны среди представителей сообществ, и что сотрудничество приветствуется. Он добавил, что если сделать документацию более видимой, представлять результаты проектов сообществам, то будут активнее возникать проекты по документации внутри сообщества и поддерживаться внешние

проекты. Особенно ценны проекты, в рамках которых происходит обучение представителей сообщества. Мандана добавила, что сейчас идет первый проект, который ведут представители сообщества, а лингвист выполняет роль консультанта, нанятого сообществом.

Денни Мур упомянул Общий архив нации в Колумбии, центральный офис которого находится в Боготе. У этого архива есть огромный потенциал для создания документационного центра: у него есть отделы по всей стране, стерильные комнаты, современное оборудование. Как только будет архив, все сразу захотят наполнить его. У сообществ будет поддержка, которая им нужна. Например, для гавиану и пайтер Денни Мур с коллегами были ассистентами, оказывали техническую поддержку, например, занимались финансовыми переводами и отчетностью. Это очень трудоемко и пока недоступно для представителей сообщества, поскольку это совершенно новая область для них. Чтобы проекты сообществ стали возможными, нужно обучение не только собственно документационной деятельности, но и администрированию проекта.

Андрей Александрович Кибрик попросил пояснить, что означает, что Амазонию нельзя считать единым лингвистическим ареалом. Денни Мур ответил, что эта точка зрения основывается на анализе типологических черт языков Южной Америки, который провел его коллега из Мексики. Он обнаружил, что языки северной Амазонии типологически близки к соседним языкам севернее Амазонии, а языки южной Амазонии близки к языкам к югу от Амазонии.

Андрей Александрович уточнил, что имелось в виду под методом «самодекларации», который использовался в переписи. Денни Мур пояснил, что респонденты сами называли свою религию или свой язык. Он же со своими коллегами использовал другой метод. Они могли получать и опосредованную информацию, спрашивая респондентов о третьих лицах. Кроме того, они уточняли уровень владения языком. Таким образом, получаются более надежные данные о носителях и их уровне владения.

Андрей Александрович также спросил, повлияла ли эпидемии ковида на сообщества коренных народов Бразилии. Денни Мур ответил, что по степени воздействия эффект такой же, как и среди другого населения, в целом, эпидемия прошлась по Бразилии очень тяжело.

Наталья Васильевна Ситникова, заведующая отделом кочевого образования Федерального института родных языков народов РФ, задала вопрос про образование коренных народов. Есть ли данные, как много языков преподается в школах? Денни Мур ответил, что статистических данных по Бразилии у него нет, в то же время он предполагает, что языки в целом преподаются, и, возможно, данные о количестве языков есть у Министерства образования.

Ольга Анатольевна Казакевич попросила уточнить возраст тех людей, которые не говорят по-португальски сейчас. Денни Мур ответил, что возрастной срез различается в разных группах и зависит от уровня контактов с носителями португальского языка. Например, в группе пайтер пожилые люди не говорят по-португальски, потому что общение с португальцами началось лишь в 1969 г. В то же время на северо-востоке страны, где контакты продолжаются уже несколько столетий, все коренные жители билингвальны. В целом люди владеют португальским языком в той или иной степени.

Ольга Анатольевна также спросила, ведется ли преподавание на коренных языках, особенно в начальной школе. Денни Мур отметил, что преподавание в начальной школе на коренном языке довольно распространено, особенно в сообществах гавиану и пайтер.

Подводя итог, Андрей Александрович Кибрик подчеркнул, что было очень полезно из первых рук получить информацию о Бразилии, где говорят на большой части всего многообразия языков, а также же выразил благодарность докладчику и участникам заседания и предложил Денни Муру еще раз выступить на дискуссионно-аналитическом клубе, остановившись на каком-то конкретном аспекте.

Более подробно ознакомиться с материалами семнадцатого заседания Дискуссионно-аналитического клуба можно на сайте Института языкознания РАН по ссылке https://iling-ran.ru/web/ru/workshops/220419_daclp.

Будянская Елена Михайловна – младший научный сотрудник, Научный центр по сохранению, возрождению и документации языков России Института языкознания РАН.
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1/1.
Эл. адрес: budyanskaya.lena@iling-ran.ru
Евстигнеева Анастасия Павловна – младший научный сотрудник, Научный центр по сохранению, возрождению и документации языков России Института языкознания РАН.
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1/1.
Эл. адрес: a.evstigneeva@iling-ran.ru

Для цитирования: Будянская Е.М., Евстигнеева А.П. Семнадцатое заседание дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике. Москва, Институт языкознания РАН, 19 апреля 2022 г. [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2022. № 4 (12). С. 188–197. DOI:10.37892/2713–2951-4-12-188-197

For citation: Budyanskaya, E.M., Evstigneeva A.P. The seventeenth meeting of the analytical discussion club on language policy. Moscow, Institute of Linguistics, RAS, 19 April, 2022 [online] // Sociolinguistics. 2022. No. 4 (12). Pp. 188–197 (In Russ.) DOI:10.37892/2713–2951-4-12-188-197

СЛОВАРЬ СОЦИОЛИНГВИСТА

SOCIOLINGUISTIC GLOSSARY

УДК 81 272 DOI:10.37892/2713–2951-4-12-198-198

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Народы, насчитывающие менее 50 тыс. чел., проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохранившие традиционный образ жизни, хозяйствование, промыслы и осознающие себя самостоятельными этническими общностями. Федеральный закон РФ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» гарантирует право этих народов на сохранение и развитие родных языков, получение и распространение информации на родных языках, создание средств массовой информации и т.п.

[Язык и общество. Энциклопедия, 2016: 225]

ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вид правового статуса языка на территории РФ. В соответствии с российским законодательством юридический статус придан коренным малочисленным народам РФ и, соответственно, языки этих народов также получили юридический статус. Целью языкового законодательства в данном случае является защита языковых прав малочисленных народов и поощрение создания фондов и программ сохранения и развития языков.

[Язык и общество. Энциклопедия, 2016: 619]

УДК 81 272 DOI:10.37892/2713-2951-2-10-199-208

ЯЗЫКОВОЙ КОНФЛИКТ

В многоязычных сообществах конфликт возникает, когда вступают в противоречие потребности, права или желания языковых коллективов, говорящих на разных языках. Языковой конфликт понимается как «столкновение между сообществами людей, в основе которого лежат те или иные проблемы, связанные с языком» [Словарь социолингвистических терминов, 2016: 276]. Языковые конфликты могут возникать по ряду социальных, политических, экономических и иных причин. Также язык может выступать символом противостояния в различных типах конфликтов. Языковой конфликт – это, прежде всего, социальный конфликт, тем или иным способом связанный с языковой политикой государства. Проблематика языковых конфликтов разрабатывалась в трудах разных ученых: Л.Л. Аюпова [2000], А.Н. Баскаков [1994], Т.Б. Крючкова [1994], Е.А. Кондрашкина [2016: 849-855], В.Ю. Михальченко [2014: 209-213], Л.Б. Никольский [1991].

История развития типологии языковых конфликтов

Л.Б. Никольский выделял три вида языковых конфликтов: этнолингвистические, лингвопрагматические, лингвополитические [Никольский, 1991]. В этнолингвистическом конфликте основой для возникновения противоречий становится выбор одного из языков в качестве государственного, это создает потенциально плодородную почву для конфликтов со стороны говорящих на других языках в среде социальной общности. Примером подобного рода конфликтов является языковой вопрос Квебека и Канады 1995 г., борьба за статус бенгальского языка в Пакистане в 1952–1954 гг., конфликт вокруг закона о государственном языке в Молдавии в 1989 г., что привело к конфликту в Приднестровье.

Лингвополитические конфликты «возникают в результате использования языка как орудия политической борьбы» [Там же: 139]. Примером подобного рода конфликтов может быть предвыборная борьба в Татарстане, где «всетатарский общественный центр (ВТОЦ) распространил заявление, в котором потребовал от ЦИК Татарстана не регистрировать на выборах президента республики кандидатов, не знающих татарский язык» [Коммерсант, 2020]. В Башкортостане языковой вопрос использовался как инструмент в борьбе за власть – в суде рассматривался вопрос о языковом цензе для кандидатов в президенты республики. Помешало этому только лишь обращение кандидатов в президенты в кассационный суд РФ [Коммерсант, 2003].

Лингвопрагматические конфликты связаны с созданием искусственных языковых преград для представителей иных языковых групп: «Родной язык служит как барьер, преграждающий доступ представителям других этносов к материальным возможностям и ценностям» [Никольский, 1991: 141]. Таким образом, говорящие на доминирующем в языковой общности языке занимают более привилегированное положение в политических, экономических, социальных и других сферах общественной жизни, что, естественным образом, вызывает недовольство у говорящих на других языках.

А.Н. Баскаков в работе 1994 г., посвященной исследованиям языковых ситуаций, выделял три группы конфликтов:

1. «Между основными национальностями в республиках и русскоязычным населением» [Баскаков, 1994: 115–116]; ярким примером этого типа конфликта является языковая ситуация в Эстонии 1980-х гг., когда сложившаяся диспропорция в языковой компетенции в эстонском и русском языках стала почвой для дальнейших конфликтов, как языковых, так и этнических. Согласно данным переписи 1989 г. среди представителей русского населения лишь 14,9% говорили на эстонским, а среди эстонцев свободно владеющие русским языком составляли 34,5%.

2. «Между нациями и этническими группами, не имеющими автономии и официального статуса родных языков» [Там же]; Конфликты данного типа можно наблюдать на примере развития языковой ситуации в Индии. В этой стране с высокой этнической неоднородностью насчитывается около полутора тысяч языков и диалектов, которые конкурируют как между собой, так и с языками-макропосредниками (хинди, хинглиш, английский).

3. «Между носителями различных форм одного языка» [Там же]. На территории бывшей Югославии функционируют два языка – сербский и хорватский, которые имеют высокую степень взаимной понятности, а ранее были единым сербохорватским языком. В 1990-х гг. языковой конфликт сопровождался такими процессами, как языковой пуризм, высокий уровень прескриптивизма и усугублялся усилиями политиков и лингвистов в области вербальной гигиены в отношении обоих языков [Jovanovic, 2017: 152–154].

Т.Б. Крючкова разделяла языковые конфликты на меж- и внутриэтнические [Крючкова, 1994], указывая, что внутриэтнические языковые конфликты могут возникать в процессе работы по нормализации литературного языка. Примером языкового конфликта, связанного с процессом нормализации языка, является ситуация с существующими вариантами норвежского языка, разногласия по поводу которых длятся уже несколько десятилетий в Норвегии. Языковой вопрос стал орудием конфликта после проведения

реформ правописания для двух вариантов языка в 1907–1938 гг., когда консерваторы поддерживали букмол, а либералы выступали за ландсмол [Кириленко, 2019: 334].

Межэтнические языковые конфликты формируются в процессе передела сфер функционирования языка между представителями различных групп говорящих. Разногласия по поводу сфер использования французского и фламандского языка были довольно острыми в Бельгии до 1929 г., когда фламандский язык стал государственным наряду с французским. В дальнейшем ситуация немного смягчилась, однако разногласия по поводу использования этих языков в институциональных сферах общения приводили к обострению противоречий между двумя этносами в 1970-х гг., а также в 2007 и 2010 г. [Там же: 335].

Проблематика идентичности в контексте языкового конфликта также получила значительное освещение в трудах социолингвистов. Языковой конфликт здесь понимается как форма конфликта, при которой по крайней мере одна из сторон-участников конфликта (языковое сообщество) считает, что страдают их языковые права, и в значительной степени это связано с угрозой языковой идентичности. Подобного рода конфликт потенциально ощущается как угроза целостности языковой группы и ведет к зарождению таких явлений, как языковой шовинизм. В подобного рода конфликтах сочетается осознание важности идентичности собственной языковой группы в условиях появления дискриминации со стороны другого языкового сообщества [Cargile et al., 1995].

Классификация П. Нельде (1993) рассматривает типологию конфликтов с точки зрения условий их зарождения. Согласно этому подходу, языковые конфликты разделяются на две категории: естественные и искусственные [Nelde, 1993: 173–175]. Традиционные конфликты разделяются на следующие подкатегории: институциональные языки и их статус в сообществе многонациональных стран (многонациональные языковые сообщества в таких странах как Швейцария, Бельгия); мультилингвизм городской среды в противопоставлении со сравнительной лингвистической однородностью сельской местности; языковые и культурные контакты коренных народностей и мигрантов. Искусственные конфликты возникают вследствие каких-либо действий со стороны политических сил в языковом планировании и языковой политике: «Since languages depend on factors in their surroundings and environment and thus mirror social diversity, the habit of language politicians to count speakers and their languages is often condemned to failure». Дополнительным фактором, который может внести вклад в создание искусственного конфликта является языковая идеология, т.е. имеется в виду сложившийся у говорящих набор представлений о языке, его роли в обществе, его лингвистических характеристиках. Воздействуя на языковую идеологию, возможно искусственно создать общественное осуждение в отношении языкового

сообщества с тем, чтобы языковой контакт превратился в языковой конфликт: «The rest of the world provides much more convincing examples, such as stigmatization of whole language communities because they are ideologically loaded in such a way as to pervert language contact into conflict for years on end» [Ibid.: 175].

Типология языковых конфликтов может основываться на том, каким образом язык становится объектом конфликта: под воздействием факторов изнутри языковой группы или под влиянием внешних факторов. Выделяются два способа: практический (practical) и эмоциональный (affective) [Driscoll, 2019: 332]. Под практическим способом здесь понимается желание говорящих расширить функциональность своего языка, что вступает в противоречие со сложившейся ситуацией в языковом сообществе, где в официальных сферах доминирует иной язык. Под эмоциональным способом понимается восприятие языка говорящими, как символа. Примером здесь может стать ситуация, сложившаяся в Ирландии, где согласно статье 8 Конституции ирландский язык является первым официальным языком, а английский – вторым официальным языком. При этом, согласно переписи 2016 г., лишь 39.8% населения Ирландии владеют ирландским языком [Census Ireland, 2016].

Таким образом, на основе вышеизложенного материала можно вывести следующую сводную типологию языковых конфликтов:

1) по наличию или отсутствию официального статуса языка;

2) языковые конфликты между титульными и нетитульными языковыми сообществами;

3) языковые конфликты между говорящими на доминирующем языке и представителями других языковых групп;

4) язык, выступающий как орудие борьбы и язык, выступающий как символ борьбы;

5) языковые разногласия внутри отдельных элементов социально-коммуникативных систем (СКС) и между различными СКС;

6) языковой конфликт как угроза идентичности языковой группы;

7) по способу образования языкового конфликта: а) под воздействием факторов изнутри или извне; б) естественные и искусственно возникшие языковые конфронтации.

Современный подход к классификации языковых конфликтов в российской социолингвистике

В отечественной социолингвистике, как правило, выделяют три основных вида языковых конфликтов:

- межэтнические;

- внутриэтнические;
- лингвопрагматические.

Межэтнический языковой конфликт – конфликт, возникающий между разными этническими группами. Основой межэтнического конфликта всегда является борьба за распределение сфер функционирования между языками, составляющими языковую ситуацию.

Межэтнические языковые конфликты обычно возникают на фоне общей межнациональной напряженности и редко вспыхивают сами по себе. Но иногда они могут являться основным стимулом межнационального противостояния.

В 1998 г. в Конституционном суде рассматривались запросы депутатов Государственной Думы: соответствует ли Конституции Российской Федерации требование к кандидату в президенты республик Марий Эл и Башкортостана знать государственный язык соответствующей республики. Рассмотрев экспертные заключения, представители республики Марий Эл согласились с рекомендациями ученых и сняли свой иск. Суд по вопросу о Башкортостане состоялся. Конституционный суд признал право республики придавать статус государственного языкам народов республики, а также право требовать знания государственного языка при регистрации кандидата в президенты. Однако вынес рекомендации: 1) при реализации этого права учитывать переходный период; 2) хорошо организовать этот переходный период; 3) четко определить критерии оценки знаний, объем знаний [Михальченко, 1999].

Иначе говоря, вначале государство создает условия для овладения этим языком, дает достаточный срок на овладение государственным языком, лишь после этого может требовать с граждан его знания.

Внутриэтнический языковой конфликт. Языковые конфликты, возникающие между группами людей – представителей одного этноса, обычно не бывают такими острыми, как межэтнические. В них чаще всего оказывается втянут достаточно узкий круг интеллигенции.

Чаще всего внутриэтнические языковые конфликты возникают между представителями одной этнической группы. Например, борьба за выбор стандартизации литературного языка или диалектов. В качестве примера можно привести ситуацию в Республике Бурятия. В настоящее время разгорелась ожесточенная дискуссия в обществе, на страницах бурятских печатных изданий, академической общностью и буддийским духовенством по поводу необходимости поддержания и распространения диалектов бурятского языка. Известно, что бурятский язык является литературным языком,

сформирован на базе хоринского диалекта. Представители буддийского духовенства считают, что в целях сохранения этнической идентичности современных бурят, необходимо ревитализировать диалекты бурятского языка, в этих целях составляются и издаются диалектные словари бурятского языка, в районах на территории распространения бурятских диалектов издаются газеты на этих диалектах.

Конфликтная ситуация может возникнуть также и при выборе или смене графической основы языка. Некоторые языки РФ имеют несколько официально принятых графических систем, что усложняет функциональное и структурное развитие этих языков, например саамский язык и др. Вопрос о графической системе языков страны до конца не урегулирован в языковом законодательстве РФ. В 2002 г. Госдума внесла дополнения в Закон «О языках народов Российской Федерации», где написано: «В Российской Федерации алфавиты государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик строятся на графической основе кириллицы. Иные графические основы алфавитов государственного языка Российской Федерации и государственных языков республик могут устанавливаться федеральными законами» [Закон «О языках народов Российской Федерации»]. Таким образом, письменности языков народов РФ основываются на кириллице. Единственный официальный язык в РФ, имеющий латинскую графику – карельский язык, что объясняется историческими причинами.

Сложность в том, что сейчас нужна научная теоретическая база для решения этого вопроса. В советский период был богатый опыт по совершенствованию графики языков страны, но научная преемственность была нарушена, институции, которые занимались вопросами разработки графической системы для национальных языков, прекратили свое существование в 1990-е годы.

Процесс создания графической основы для языка - довольно сложное многоэтапное предприятие, требующее предварительной подготовки и учета следующих этапов: 1) необходимо создать координирующий центр (комитет), в который должны войти лингвисты, специалисты по языкам народов РФ; 2) необходимо проводить предварительные исследования грамматики, фонетики языков/диалектов, например, в целях определения базы для создания письменного языка; 3) учитывать психологический фактор среди носителей языка; смена графической системы языка является наиболее болезненной для народа и может привести к целому ряду негативных последствий: разрыву культурно-языковых традиций, сложившихся за долгое время, массовой неграмотности, поскольку всему обществу независимо от образовательного уровня придется переучиваться, огромным материальным

затратам; 4) определить функциональный статус языка, языковую компетенцию среди носителей языка.

В 1990-е гг. для цезского языка М.А. Алексеевым был разработан алфавит и составлен букварь, предпринимались попытки обучения цезской грамоте в школе, но цезы по-прежнему используют аварский в качестве письменного «родного языка».

Лингвопрагматический языковой конфликт. Этот языковой конфликт понимается как коммуникативная неудача, которая происходит в силу незнания правил коммуникации или некомпетентности одного из участников коммуникации в выборе кода для передачи или получения информации, который не соответствует ситуации общения, провоцирует неправильную интерпретацию высказывания (появление «иных» смыслов) [Кронгауз, 2016].

Лингвист М.А. Кронгауз приводит ряд примеров этого типа конфликта, наиболее распространенный случай – интернет троллинг. Существуют интернет-сообщества, так называемые «граммар-наци», которые борются с чужими ошибками в блогосфере, часто разрушая коммуникацию. Выделяется и такой тип лингвопрагматического конфликта – языковой конфликт с идеологическим подтекстом. Например, политика предлогов и одна из популярных дискуссий «как говорить правильно: «на Украине» или «в Украине»». Как отмечает М.А. Кронгауз, это стало идеологическим маркером отношения к войне. Гендерный языковой конфликт или феминистский языковой конфликт также один из типов лингвопрагматического конфликта. Одна из главных идей в том, что к мужским названиям должны существовать парные – женские. В этих целях феминистки предлагают использовать суффикс «к» – «авторка», «режиссерка. По мнению исследователя, этот конфликт возникает по принципу «свой–чужой» и поддерживается идеологией угнетения и дискриминации, опасен тем, что затрагивает уже изменение структурной стороны языка [Кронгауз, 2016].

Литература

Аюпова Л.Л. (2000) Языковая ситуация: Социолингвистический аспект. Уфа. 156 с.

Баскаков А.Н. (1994) Типы языковых конфликтов в регионе Средней Азии и Казахстана // Язык в контексте общественного развития. М.: Институт языкознания РАН. С. 171–180.

Закон о языках народов Российской Федерации. [Электронный ресурс] *http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/*. Дата обращения: 20.10.2022.

Кириленко С.В. (2019) Языковая ситуация и языковой конфликт в условиях современного языкового многообразия // Филологические науки: Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. № 12. С. 332–335.

Кондрашкина Е.А. (2016) Языковые конфликты // Язык и общество: Энциклопедия. М.: Азбуковник. С. 849–853.

Коммерсант (2003) [Электронный ресурс] https://www.kommersant.ru/doc/395968. Дата обращения: 14.10.2022.

Коммерсант (2020) [Электронный ресурс] https://www.kommersant.ru/doc/4407295/. Дата обращения: 14.10.2022.

Кронгауз М.А. (2016) В битвах за язык нет побежденных и победителей. Лекция в Ельцин Центре (г. Екатеринбург) 24 февраля 2016 г. [Электронный ресурс] https://yeltsin.ru/news/maksim-krongauz-v-bitvah-za-yazyk-net-pobezhdennyh-i-pobediteley/. Дата обращения: 15.10.2022.

Крючкова Т.Б. (1994) Типология языковых конфликтов // Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. М.: Институт языкознания РАН. 247 с.

Михальченко В.Ю. (1999) Законы о языках и языковые конфликты // Языки народов России: Перспективы развития. Элиста. 69 с.

Михальченко В.Ю. (2014) Языковой конфликт в полиэтническом государстве // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. М.: Институт языкознания РАН. 637 с.

Никольский Л.Б. (1991) Языковые конфликты в многонациональных странах // Функционирование языков в многонациональном обществе. М.: Институт языкознания РАН. С. 131–143.

Словарь социолингвистических терминов (2006). Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН. 312 с.

Cargile, A.C., Giles, H., Clément, R. (1995) Language, conflict, and ethnolinguistic identity. [Электронный ресурс] https://www.researchgate.net/publication/216308575_Language_conflict_and_ethnolinguistic_identity_theory Дата обращения: 15.04.2022

Census Ireland (2016) CSO statistical publication (2016) Education, Skills and the Irish language. https://www.cso.ie/en/releasesandpublications/ep/p-cp10esil/p10esil/ Дата обращения: 15.04.2022.

Jovanovic, S.M. (2017) The misuse of language: Serbo-Croatian, 'Czechoslovakian' and the breakup of states // East European Quarterly. Vol. 45. No. 3,4. Central European University. ISSN: 0012-8449 (print) 2469-4827 (online). Pp 143–163.

Nelde, P.H. (1993) Contact or conflict? Observations on the dynamics and vitality of European languages. // Language conflict and language planning. Ed. by E.H. Jahr. Berlin–New York: Mouton de Gruyter. Pp 165–178.

O'Driscoll, J. (2019) Introduction. Conflict with the fabric of language. // The Routledge Handbook of Language in Conflict. Ed. by M. Evans, L. Jeffries, J. O'Driscoll. Pp 331–338.

References

Ayupova, L.L. (2000) Yazykovaya situatsiya: Sotsiolingvisticheskiy aspekt [Language situation: sociolinguistic aspect]. Ufa. 156 p. (In Russ.)

Baskakov, A.N. (1994) Tipy yazykovykh konfliktov v regione Sredney Azii i Kazakhstana [Types of language conflicts in the region of Central Asia and Kazakhstan] // Yazyk v kontekste obshchestvennogo razvitiya. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN. Pp. 171–180. (In Russ.)

Zakon o jazykah narodov Rossijskoj Federacii [Law on languages of peoples of the Russian Federation]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/. Access date: 20.10.2022.

Kirilenko, S.V. (2019) Yazykovaya situatsiya i yazykovoy konflikt v usloviyakh sovremennogo yazykovogo mnogoobraziya [Linguistic situation and linguistic conflict in the conditions of modern linguistic diversity] // Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota. No. 12. Pp 332–335. (In Russ.)

Kondrashkina, E.A. (2016) Yazykovyye konflikty [Language conflicts] // Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya. Moscow: Azbukovnik. Pp 849-853. In Russ.)

Kommersant (2003) Available at: https://www.kommersant.ru/doc/395968/. Access date: 15.04.2022 (In Russ.)

Kommersant (2020) Available at: https://www.kommersant.ru/doc/4407295 Access date: 15.04.2022. (In Russ.)

Krongauz, M.A. (2016) V bitvah za jazyk net pobezhdennyh i pobeditelej [There are no losers or winners in the battles for language]. Lekcija v Eltsin Centre (Ekaterinburg) 24 February 2016 Available at: https://yeltsin.ru/news/maksim-krongauz-v-bitvah-za-yazyk-net-pobezhdennyh-i-pobediteley/. Access date: 15.10.2022

Kryuchkova, T.B. (1994) Tipologiya yazykovykh konfliktov [Typology of language conflicts] // Yazykovyye problemy Rossiyskoy Federatsii i zakony o yazykakh. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN. 247 p. (in Russ.)

Mikhalchenko, V.Yu. (1999) Zakony o yazykakh i yazykovyye konflikty [Laws on languages and language conflicts] // Yazyki narodov Rossii: perspektivy razvitiya. Elista. 69 p. (in Russ.)

Mikhalchenko, V.Yu. (2014) Yazykovoy konflikt v polietnicheskom gosudarstve [Language conflict in a multi-ethnic state] // Yazykovaya politika i yazykovyye konflikty v sovremennom mire. M.: Institut yazykoznaniya RAN. 637 p. (In Russ.)

Nikolskiy, L.B. (1991) Yazykovyye konflikty v mnogonatsional'nykh stranakh [Language conflicts in multinational countries] // Funktsionirovaniye yazykov v mnogonatsional'nom obshchestve. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN. Pp 131–143. (In Russ.)

Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov (2006) [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Ed. by V.Yu. Mikhalchenko. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN. 312 p. (In Russ.)

Cargile, A.C., Giles, H., Clément, R. (1995) Language, conflict, and ethnolinguistic identity. Available at: https://www.researchgate.net/publication/216308575_Language_conflict_and_ethnolinguistic_identity_theory. Access date: 15.04.2022

Census Ireland (2016). CSO statistical publication (2016) Education, Skills and the Irish language. Available at: https://www.cso.ie/en/releasesandpublications/ep/p-cp10esil/p10esil/. Access date: 15.04.2022.

Jovanovic, S.M. (2017) The misuse of language: Serbo-Croatian, Czechoslovakian and the breakup of states // East European Quarterly. Vol. 45. No. 3,4. Central European University. ISSN: 0012-8449 (print) 2469-4827 (online). Pp 143–163.

Nelde, P.H. (1993) Contact or conflict? Observations on the dynamics and vitality of European languages. // Language conflict and language planning. Ed. by E.H. Jahr. Berlin–New York: Mouton de Gruyter. Pp 165–178.

O'Driscoll, J. (2019) Introduction. Conflict with the fabric of language. // The Routledge Handbook of Language in Conflict. Ed. by M. Evans, L. Jeffries, J. O'Driscoll. Pp 331–338.

А.Н. Биткеева,
С.В. Кириленко
Институт языкознания РАН

Примечание

Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

The reported study was written in the frames of RFBR and DFG project number № 21-512-12002 ННИО_а "Prognostic methods and future scenarios in language policy – multilingual Russia as an example".

Биткеева Айса Николаевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.

Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.
Эл. адрес: aisa_bitkeeva@yahoo.com

Кириленко Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.
Эл. адрес: svetlanavk@inbox.ru

Для цитирования: Биткеева А.Н., Кириленко С.В. Языковые конфликты [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2022. № 4 (12). С. 199–208. DOI:10.37892/2713–2951-4-12-199-208

For citation: Bitkeeva, A.N., Kirilenko, S.V. Language conflicts [online] // Sociolinguistics. 2022. No. 4 (12). Pp. 199–208. (In Russ.) DOI:10.37892/2713–2951-4-12-199-208

DOI:10.37892/2713–2951-4-12-209-212

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

RECENT SCIENTIFIC EVENTS

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО МОНГОЛЬСКОМУ И ТЮРКСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ, ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ ВАЛЕНТИНА ИВАНОВИЧА РАССАДИНА

(Улан-Удэ, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, 15–16 ноября 2022)

THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE ON MONGOLIAN AND TURKIC LINGUISTICS DEDICATED TO MEMORY OF VALENTIN IVANOVICH RASSADIN

(Ulan-Ude, Banzarov Buryat State University, 15–16 November 2022)

15–16 ноября 2022 г. в Бурятском государственном университете имени Доржи Банзарова состоялась Международная научная конференция по монгольскому и тюркскому языкознанию, посвященная памяти Валентина Ивановича Рассадина. Данная конференция стала одной из ряда знаковых мероприятий, приуроченных к 90-летию БГУ-БГПИ, 30-летию Восточного института, 30-летию кафедры филологии Центральной Азии В.И. Рассадин является выдающимся ученым с мировым именем, монголоведом, тюркологом, алтаистом, наставником, педагогом, просветителем. Доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, заслуженный деятель науки Бурятской АССР, РСФСР и Республики Калмыкия, передовик науки Монголии, кавалер ордена Дружбы, ордена Полярной звезды В.И. Рассадин стоял у истоков монголоведения и востоковедения в Бурятском государственном университете, был основателем и первым заведующим кафедрой языков Центральной и Восточной Азии (ныне кафедра филологии Центральной Азии).

Основным организатором конференции совместно с Калмыцким государственным университетом (г. Элиста) стала кафедра филологии Центральной Азии Восточного института БГУ.

15 ноября 2022 г. работа конференции началась с пленарного заседания, прошедшего в смешанном формате. На торжественном открытии прозвучали приветствия ректора Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова А.В. Дамдинова, главного научного сотрудника, координатора проекта отдела языкознания ФГБУН ИМБТ СО РАН Е.В. Сундуевой, директора Института калмыцкой филологии и востоковедения

Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова М.А. Лиджиева, председателя Совета депутатов Окинского района Республики Бурятия В.Г. Аюшеева, научного сотрудника ГБНИиОУ ТИГПИ Э.К. Аннай.

На пленарном заседании были заслушаны доклады С.М. Трофимовой (ФГБОУ ВО КалмГУ, Россия) «О просветительской деятельности Рассадина В.И. и его «Картинный словарь сойотского языка», Лувсандоржийн Болд (Института языка и литературы академии наук Монголии) «Монгол хэл судлал дахь Хэнтийн өндөр уулс (В.И. Рассадин)», Elisabetta Ragagnin (Ca'Foscari University of Venice, Italy) «Some further notes on the Uygar Uriankhay language», С.А. Крылова (ФГБУН ИВ РАН) «О применении дистрибутивно-статистического подхода в сфере корпусной монголистики», П.П. Дашинимаевой (ФГБОУ ВО БГУ, Россия) «Глагольная аспектуальность как триггер методологии полидисциплинарности», Khabtagaeva Bayarma (University of Naples L'Orientale, Italy) «On Sartul Buryat variety».

В программу конференции вошло торжественное открытие именного мемориального кабинета доктора филологических наук, профессора, основателя кафедры филологии Центральной Азии БГУ Валентина Ивановича Рассадина.

Церемонию открыла проректор по науке БГУ В.В. Номогоева, которая подчеркнула особую роль В.И. Рассадина в становлении востоковедения в университете. На мероприятии прозвучали приветствия и теплые воспоминания родных и близких, коллег, учеников Валентина Ивановича. Почтить память профессора Рассадина прибыли делегации Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова, Монгольского национального университета, Окинского района Республики Бурятия, Центра культуры коренных народов Прибайкалья (г. Иркутск), представители Тувинского института гуманитарных и прикладных исследований, Тувинского государственного университета, Кызылского президентского кадетского училища.

Коллективом кафедры филологии Центральной Азии к открытию именного кабинета была подготовлена серия стендов о жизни, научном наследии, экспедиционной, педагогической деятельности В.И. Рассадина.

На открытии кабинета были продемонстрированы фильмы о Валентине Ивановиче: Владимира Жарова «За гранью …» Валентин Рассадин (БГТРК, 2006 г.) и КалмГУ «Предначертано судьбой» (2019 г.). Научная библиотека университета подготовила выставку трудов великого ученого.

В течение двух дней на заседаниях четырех секций, прошедших в гибридном формате, поделились результатами своих научных изысканий свыше 80 участников из 8 стран (России, Китая, Монголии, Италии, Турции, Казахстана, Кыргызстана, Азербайджана). Новейшие

достижения в области монголоведного и тюркологического языкознания были продемонстрированы учеными на заседании секции «Актуальные вопросы современной монгольской и тюркской филологии» (С.М. Трофимовой, Х.Ч. Алишиной, М.Г. Усмановой, А.Р. Тазрановой, Н.Б. Даржаевой и др.). В программу секции «Вопросы грамматической и лексико-семантической типологии монгольских и тюркских языков» вошли доклады, посвященные проблемам грамматической, лексической и семантической классификации исследуемых языков (Н.И. Даниловой, Ф.Н. Дьячковского, В.В. Понарядова, Д.Ш. Харанутовой и др.). Секция «Функционирование монгольских и тюркских языков в межкультурном пространстве» была представлена исследованиями, касающимися вопросов взаимодействия языков в контексте ино-, полиязычных культур (Г.А. Дырхеевой, Ч.С. Цыбеновой, Ш. Сарантуяа, Khaltar Narmandakh, Shirnen Tsolmon и др.). В секции «Исследования монгольских и тюркских письменных памятников» ученые озвучили свои научные доклады по монгольским и тюркским письменным памятникам, рукописным архивным материалам (И.Я. Селютина, Д.В. Дашибалова, А. Галданова, Т. Загарпэрэнлэй, Д. Содномжамц, Н.Ч. Сэрээдэр и др.).

Особое место в сфере научных интересов профессора Рассадина занимало исследование языков сибирских тюркских народов: тофаларского и сойотского. Созданное им полное научное описание тофаларского языка стало научной базой для разработки тофаларской письменности. Сойоты Бурятии получили из рук В.И. Рассадина свою письменность, букварь и школьное преподавание языка. Для этих языков им впервые была создана письменность, написаны и изданы школьные учебники и подготовлены учителя начальных классов тофаларских и сойотских школ. В связи с этим, в работе конференции активное участие приняли педагоги Сорокской сойотской школы-интерната Окинского района Республики Бурятия (Т.Г. Бадеева., С.Г. Дугарова) и директор центра культуры коренных народов Прибайкалья (г. Иркутск) А.А. Амазгаев.

Конференция закончила свою работу 16 ноября заключительным пленарным заседанием, на котором был принят отчет о работе секций, состоялось подведение итогов конференции и закрытие конференции.

Конференция состоялась как широкий международный форум для обмена знаниями и опытом в исследовании различных аспектов монгольских и тюркских языков на основе современных исследовательских подходов и методик. В адрес организаторов форума поступило большое количество положительных отзывов от участников конференции, в которых отмечался высокий уровень организации научного мероприятия, теплая и дружественная атмосфера, академичность научных докладов.

Н. Б. Бадмацыренова
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова

Бадмацыренова Надежда Бадмажаповна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологии Центральной Азии Восточного института Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова.
Адрес: 670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24а.
Эл. адрес: nadya_dambayeva@mail.ru

Для цитирования: Бадмацыренова Н.Б. Международная научная конференция по монгольскому и тюркскому языкознанию, посвященная памяти Валентина Ивановича Рассадина [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2022. № 4 (12). С. 209–212. DOI:10.37892/2713–2951-4-12-209-212

For citation: Badmatsyrenova, N.B. The international scientific conference on Mongolian and Turcic linguistics dedicated to memory of Valentin Ivanovich Rassadin [online] // Sociolinguistics. 2022. No. 4 (12). Pp. 209–212. (In Russ.) DOI:10.37892/2713–2951-4-12-209-212

ТРЕБОВАНИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «СОЦИОЛИНГВИСТИКА»

Основные требования

1. Материалы представляются в электронном формате статьи.

2. Обязательно наличие сопроводительных документов:

2.1. Сведения об авторе статьи в отдельном файле (на отдельной странице), включающих фамилию, имя, отчество полностью, ученую степень и ученое звание, контактную информацию (место работы и должность автора, почтовый адрес организации, контактный телефон, e-mail). Сведения представляются на русском и английском языках.

2.2. Аспирантам необходимо представить рекомендацию научного руководителя к опубликованию статьи, заверенную в отделе кадров.

Требования к оформлению статей

1. Минимальный объем статьи – 0,8 п.л. (32 000 знаков с пробелами), максимальный объем статьи – 1 п.л. (40 000 с пробелами).

2. В статье должны содержаться следующие элементы издательского оформления:

✓ Индексы УДК и ББК.

✓ Заглавие. Подзаголовочные данные (на русском и английском языках).

✓ Фамилия, имя, отчество автора; ученое звание, ученая степень; должность и место работы (на русском и английском языках); адрес электронной почты.

✓ Аннотация на русском и английском языках.

✓ 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой) (на русском и английском языках).

✓ Текст статьи.

✓ Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с действующим ГОСТом, и на английском языке, оформленный в соответствии с правилами, принятыми в журнале (References).

✓ При необходимости – примечания, приложения, иллюстрации.

Требования к заглавиям статей

– Заглавия научных статей должны быть информативными.

– В заглавиях статей можно использовать только общепринятые сокращения.

– В переводе заглавий статей на английский язык не должно быть транслитерации с русского языка (кроме непереводимых названий собственных имен, приборов и др. объектов, имеющих собственные названия). Это требование распространяется на авторские аннотации и список ключевых слов.

Требования к оформлению сведений об авторе

– Указание фамилии, имени, отчества автора (авторов) кириллическим и латинским шрифтами. На латиницу фамилия, имя и отчество автора переводятся через систему транслитерации. Рекомендуем использовать систему на сайте http://www.translit.ru.

– Указание ученого звания и ученой степени на русском и английском языках.

– Предоставление данных о должности и месте работы с указанием адреса организации и электронной почты автора. Все адресные сведения, кроме наименования улицы, должны быть представлены на английском языке. Наименование улицы транслитерируется.

Образец

Иванов Иван Иванович − доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН

socioling@mail.ru

Большой Кисловский пер., 1/1, 125009, г. Москва, Российская Федерация

Ivanov Ivan Ivanovich − Doctor of Philology, Professor, Senior researcher of the Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences

socioling@mail.ru

Bolshoy Kislovsky per. 1/1, 125009 Moscow, Russian Federation

Требования к аннотации

В аннотации не должно быть общих слов, увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Она должна отражать существенное содержание и результаты работы, быть лаконичной (150–160 слов), свободной от второстепенной информации, структурированной (следовать логике описания результатов в статье).

Требования к оформлению списка ключевых слов

Список ключевых слов на русском и английском языках состоит из 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой).

Требования к тексту статьи

Текст статьи представляется в электронном формате на русском или на английском языке в соответствии с требованиями к авторским оригиналам.

Текст статьи необходимо структурировать. Структурирование подразумевает деление текста на смысловые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: ***Введение***, ***Методика***, ***Результаты и обсуждение, Выводы***.

Требования к авторским оригиналам в электронном формате

– Материал должен быть представлен в формате Microsoft Word (2000–2007) с расширением *.rtf.

– Шрифт Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал – 1,5.

– Поля страницы – по 2 см с каждой стороны.

– Имя файла должно быть набрано латиницей и содержать фамилию автора (например: Ivanova.rtf).

Требования к оформлению текста

– Шрифт гарнитуры Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе древнерусских, церковнославянских, греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно прислать в электронном письме вместе с файлом статьи.

– Строки внутри одного абзаца не должны переводиться вручную («мягкий» ввод, пробелы, табуляции и пр.).

– Использование разрядки как способа выделения не допускается.

– Переносы не допускаются.

Требования к оформлению библиографических ссылок

Внутритекстовые ссылки на ***пристатейный список литературы*** приводятся ***в квадратных скобках***, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Виноградов, 2017: 47] или [Виноградов, 2017: 47–48].

Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Иванов, 1987: 83; Петров, 1995: 213–218]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Виноградов, 1984; Виноградов, 1997].

При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Звягинцев, 2010а; Звягинцев, 2010б].

Если авторов два или три, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае использования русскоязычного источника, «et al.» – в случае использования источника на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Национальные языки..., 1994].

Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке ***в круглых скобках*** приводится сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: (РПНГ, т. 8, с. 75) или (ОГРГС, с. 7) (***при этом сокращения должны быть указаны в списке источников***).

Оформление списка литературы

Пристатейный список литературы, озаглавленный как **ЛИТЕРАТУРА**, не нумеруется и составляется ***в алфавитном порядке***. Он должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.1-2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания. ***Если описываемая публикация имеет DOI, его указание обязательно.***

В списке сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке, затем – работ на иностранных языках. Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с отечественной и зарубежной научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 10 позиций. Не допускаются ссылки на анонимные источники (например, Wikipedia). Источники и

словари оформляются отдельным списком по алфавиту (с указанием принятых сокращений) в соответствии с требованиями, которые предъявляются к оформлению списка литературы.

Источник в списке литературы должен быть оформлен в следующем порядке:

– ФИО автора;

– год издания работы в скобках (только цифры);

– заглавие работы;

– название журнала или сборника курсивом (если это статья из журнала или сборника материалов), без кавычек;

– выходные данные, исключая год: для журнала – номер и страницы статьи; для сборника статей, материалов конференции – город и название издательства.

В выходных данных монографий, учебников, сборников материалов конференций указываются данные ответственного редактора, название издательства, общее количество страниц.

Если даются ссылки на работы одного автора, которые изданы в один год, то используются буквенные индексы (a, b, c и т. д.). Например: 2014a, 2014b.

При оформлении интернет-источника (научного, индексируемого) в списке литературы указываются: автор (если есть), год публикации (если указано), название статьи, указание на электронную форму публикации – [Электронный ресурс], полное название сайта (портала), точная ссылка на упоминаемый документ (Режим доступа:), дата обращения.

Примеры описания

Статья из журнала

Биткеева А.Н. (2018) Развитие языков Российской Федерации: динамика, проблемы, прогнозы // Вопросы филологии. № 1 (61). С. 31–37.

Материалы конференции

Михальченко В.Ю. (2018) Национально-языковая политика и языковые конфликты. Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения // Сборник материалов научного семинара. Ч. 1. Языки в аспекте лингвострановедения. М.: МГИМО. С. 12–13.

Книга (монография, сборник)

Михальченко В.Ю. (1984) Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков. Вильнюс: Мокслас. 224 с.

Языковая политика в контексте современных языковых процессов (2015) / Отв. ред. А.Н. Биткеева. М.: Азбуковник. 471 с.

Интернет-ресурс

Жукоцкая А.В. (2009) Феномен идеологии. Режим доступа: http://service.ebooksearch.webfactional.com/en. Дата обращения: 12.11.2019.

Образец оформления в REFERENCES

Пристатейный список литературы в латинском алфавите, озаглавленный как **REFERENCES,** составляется ***в порядке полностью идентичном Списку литературы.*** References помещается после списка литературы.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

– Авторы (имена не транслитерируются), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация)/название источника на другом языке (в оригинале) [перевод названия источника на английский язык – парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

Для журналов, издающихся на русском и английском языках, ссылка дается на английскую версию журнала.

Образец

Author, A.A., Author, B.B., Author, C.C. Транслитерированное название публикации [Перевод названия на английский язык] // Транслитерированное название журнала, 2019. Vol. 7. No. 2. Pp. 34–40.

Для транслитерации рекомендуем использовать систему на сайте http://www.translit.ru

Примеры описания

Статья из журнала

Bitkeeva, Aysa. N., Wingender, Monika, Mikhalchenko, VidaYu. (2009) Prognozirovanie i iazykovoe mnogoobrazie v Rossiiskoi Federatsii: sotsiolingvisticheskii aspect [Language prognosis and language diversity in the Russian Federation: sociolinguistic aspect] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Issue 2. Iazykoznanie. Pp. 6–23. (In Russ.) DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1.

Статья из электронного журнала

Lamazhaa, Ch. K. (2014) Zasaianskie tuvintsy: obraz zhizni, tsennosti, idealy [Tuvans beyond the Sayan Mountains: way of living, values and ideals] // The New Research of Tuva. No. 3 [online]. Available at: https://nit. tuva.asia/nit/article/view/138. Access date: 01.11.2019. (In Russ.)

Материалы конференции

Golovko, E.V. (2016) Sovremennaia iazykovaia politika i problema sokhraneniia iazykovogo i kul'turnogo raznoobraziia v Rossiiskoi Federatsii [Present-day language policy and problem of preservation of language and cultural diversity in the Russian Federation] // Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii "Sohranenie i razvitie yazykov i kul'tur korennyh narodov Sibiri". Abakan. Pp. 9–12. (In Russ.)

Здесь приведено полное описание конференции вместе с транслитерированным и переведенным на английский язык названием статьи. Основная часть (кроме авторов) включает: название конференции на языке оригинала (в транслитерации, если нет ее английского названия). Выходные данные (место проведения конференции, место издания, обозначение страниц) должны быть представлены на английском языке.

Книга (монография, сборник)

Borgoyakova, T.G. (2002) Sotsiolingvisticheskie protsessy v respublikakh Iuzhnoi Sibiri [Sociolinguistic processes in the republics of the South Siberia]. Abakan: Khakass State University Press. 166 p. (In Russ.)

Yazykovaya politika v kontekste sovremennyh yazykovyh processov [Language policy in the context of present-day language processes] / Ed. by A.N. Bitkeeva. Moscow, 2015. 471 p. (In Russ.)

Интернет-ресурс

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov [Rules for the Citing of Sources]. Available at: http://www.scribd. com/ doc/1034528/. Access date: 07.02.2011. (In Russ.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
SOCIOLINGUISTICS

№ 4 (12)
2022

Главные редакторы

В.М. Алпатов
(академик РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН)

А.Н. Биткеева
(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редактор
Е.Ю. Жолудь

Корректор
Н.В. Сталь

Компьютерная верстка
О.С. Корявкина
(Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева)

Дата выхода: 26.12.2022
Формат 60x84/8. Усл. Печ. л. 28,12

Учредители, редакция, издатели:
Институт языкознания Российской академии наук, 2022
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2022

Адрес редакции: 125009 Российская Федерация, Москва, Б. Кисловский пер. 1/1